Научный журнал
«Эпомен»

Epomen
Scientific Journal

электронное периодическое научное издание

№ 61, август 2021
No. 61, August 2021

ISSN 2686-6722

Учредитель: ООО «Эпомен»

Адрес редакции: 350073, Краснодарский край, г. Краснодар, п. Краснодарский, проезд 2-й Апшеронский, д. 11а

Адрес электронной почты: info@epomen.ru

© ООО «Эпомен», 2021

Состав редакции журнала

Главный редактор:
Усенко Сергей Валентинович, канд. юрид. наук, доцент

Редакторы тематических разделов:
Адаменко Александр Александрович, д-р экон. наук, профессор
Бурда Алексей Григорьевич, д-р экон. наук, профессор
Данилова Марина Ивановна, д-р филос. наук, профессор ВАК
Дашин Алексей Викторович, д-р юрид. наук, канд. ист. наук, профессор
Дикаев Салман Умарович, д-р юрид. наук, профессор
Курдюк Петр Михайлович, д-р юрид. наук, профессор
Мамитова Наталия Викторовна, д-р юрид. наук, профессор
Непшекуева Тамара Сагидовна, д-р филол. наук, профессор
Никитина Татьяна Викторовна, д-р экон. наук, профессор
Самойлов Сергей Федорович, д-р филос. наук, профессор
Сапфирова Аполлинария Александровна, д-р юрид. наук, доцент
Торосян Вардан Григорьевич, д-р филос. наук, профессор
Тебекин Алексей Васильевич, д-р. экон. наук, д-р техн.наук, профессор
Тюпаков Константин Эдуардович, д-р экон. наук, профессор
Халифаева Анжела Курбановна, д-р юрид. наук, профессор
Харченко Игорь Яковлевич, д-р техн. наук, профессор
Яковец Евгений Николаевич, д-р юрид. наук, профессор
Башкатов Вадим Викторович, канд. экон. наук, доцент
Еникеев Анатолий Анатольевич, канд. филос. наук, доцент ВАК
Гущина Людмила Ивановна, канд. ист. наук, доцент
Кондратьева Татьяна Сергеевна, канд. филол. наук, доцент
Масленникова Людмила Владимировна, канд. юрид. наук, доцент ВАК
Очаковский Виктор Александрович, канд. юрид. наук, доцент
Песоцкая Елена Николаев, канд. филос. наук, доцент, профессор Российской Академии Естествознания
Руденко Евгения Юрьевна, канд. юрид. наук
Нетишинская Любовь Фёдоровна, канд. юрид. наук, доцент
Франциско Ольга Юрьевна, канд. экон. наук, доцент
Франческо Дзекка (Италия), доцент, специалист в области агропродовольственной экономики
Казарян Эдуард Сергеевич (Армения), д-р экон. наук, профессор
Варданян Гоар Вазгеновна (Армения), канд. экон. наук, профессор

Марченкова Екатерина Евгеньевна (Беларусь), канд. филос. наук, доцент
Хлус Александр Михайлович (Беларусь), канд. юрид. наук, доцент
Хилюта Вадим Владимирович (Белорусь), канд. юрид. наук, доцент
Трясунова Ольга Евгеньевна (Беларусь), старший преподаватель экономического факультета Белорусского государственного университета

Помощник главного редактора: Горбоносова Анастасия Игоревна
Младшие редакторы: Гудзенко Полина Руслановна, Фруслов Данил Геннадьевич, Иванова Виктория Александровна

Editorial Staff

Editor-in-Chief:
Usenko Sergey Valentinovich, Candidate of Law, assistant professor

Topic editors:
Adamenko Aleksandr Aleksandrovich, Doctor of Economics, professor
Burda Aleksey Grigoryevich, Doctor of Economics, professor
Danilova Marina Ivanovna, Doctor of Philosophy, VAK[1] professor
Dashin Aleksey Viktorovich, Doctor of Law, Candidate of History, professor
Dikayev Salman Umarovich, Doctor of Law, professor
Kurdyuk Petr Mikhaylovich, Doctor of Law, professor
Mamitova Nataliya Viktorovna, Doctor of Law, professor
Nepshekuyeva Tamara Sagidovna, Doctor of Philology, professor
Nikitina Tatiana Viktorovna, Doctor of Economics, professor
Samoylov Sergey Fedorovich, Doctor of Philosophy, professor
Sapfirova Apollinariya Aleksandrovna, Doctor of Law, assistant professor
Torosyan Vardan Grigoryevich, Doctor of Philosophy, professor
Tebekin Aleksey Vasilyevich, Doctor of Economics, Doctor of Technical Sciences, professo
Tyupakov Konstantin Eduardovich, Doctor of Economics, professor
Khalifayeva Anzhela Kurbanovna, Doctor of Law, professor
Kharchenko Igor Yakovlevich, Doctor of Technical Sciences, professor
Yakovets Evgeny Nikolaevich, doctor of law, Professor
Bashkatov Vadim Viktorovich, Candidate of Economics, assistant professor
Yenikeyev Anatoliy Anatolyevich, Candidate of Philosophy, VAK assistant professor
Gushchina Lyudmila Ivanovna, Candidate of History, assistant professor
Kondratyeva Tatyana Sergeyevna, Candidate of Philology, assistant professor
Maslennikova Lyudmila Vladimirovna, Candidate of Law, VAK assistant professor
Ochakovskiy Viktor Aleksandrovich, Candidate of Law, assistant professor
Pesotskaya Yelena Nikolayevna, Candidate of Philosophy, assistant professor, professor of the Russian Academy of Natural History
Rudenko Yevgeniya Yuryevna, Candidate of Law
Netishinskaya Lyubov Fedorovna, Candidate of Law, assistant professor
Frantsisko Olga Yuryevna, Candidate of Economics, assistant professor
Francesco Zecca (Italy), Associate Professor in Agri-Food Economics
Eduard Ghazaryan (Armenia), Doctor of Economics, professor

[1]Higher Attestation Commission (Russian: Высшая аттестационная комиссия, ВАК)

Vardanyan Gohar Vazgenovna (Armenia), Candidate of Economics, professor
Marchenkova Ekaterina Evgenievna (Belarus), Candidate of Philosophy, assistant professor
Khlus Alexander Mikhailovich (Belarus), Candidate of Law, assistant professor
Khilyuta Vadim Vladimirovich (Belarus), Candidate of Law, assistant professor
Tryasunova Olga Yevgenyevna (Belarus), senior lecturer of the Faculty of Economics of the Belarusian State University

Assistant Editor-in-Chief: Gorbonosova Anastasiya Igorevna
Junior editors: Gudzenko Polina Ruslanovna, Fruslov Danil Gennadyevich, Ivanova Viktoriya Aleksandrovna

Содержание

Философские науки

Песоцкая Е. Н.
Детерминация рисков здоровья человека в ортобиозе: системность и теоретические основания исследования (стр. 12–19)

Песоцкая Е. Н., Кучеров К. Ю., Козлова К. Е.
Онтология лечебно-терапевтических эффектов: platsebo и notsebo (стр. 20–28)

Экономические науки

Бойко Е. В., Дмитриев Н. Д., Ильченко С. В.
Развитие интеллектуального капитала как необходимого инновационного ресурса современного общества (стр. 29–35)

Бойко Е. В., Дубаневич Л. Э., Роков А. И.
Обеспечение инвестиционных вложений в интеллектуальные ресурсы (стр. 36–42)

Кыдырбаева Э. О., Садвакасова А, Б.
Развитие системы государственной службы в Республике Казахстан: приоритетные направления и перспективы (стр. 43–48)

Кубарский А. В.
Технологии искусственного интеллекта при построении самообучающейся системы электронного документооборота (стр. 49–55)

Яроцкая Е. В., Бармина В. А.
Особенности формирования водоохранных зон в муниципальном образовании городе-курорте Анапа в современных условиях (стр. 56–66)

Юридические науки

Андреева М. А.
Проблема равноправия мужчин и женщин в Российской Федерации (стр. 67–72)

Катанян А. М.
Особенности предоставления ежегодного основного оплачиваемого отпуска работникам агропромышленного комплекса (стр. 73–78)

Исаева М. А., Кислый О. А.
Личность преступника, совершающего преступления в цифровом пространстве (стр. 79–90)

Колбасюк Е. Ф.
Неопределенность процессуального статуса родственников потерпевших, умерших во время уголовного судопроизводства (стр. 91–97)

Короткова О. А., Фролова Е. А.
Правовое регулирование положения сексуальных меньшинств: к вопросу о российской историко-правовой традиции (стр. 98–108)

Косенко Д. В.
Правовые проблемы регулирования садоводства и огородничества в Российской Федерации (стр. 109–113)

Костина Е. А.
Основные элементы криминалистической характеристики экстремизма (стр. 114–119)

Лузгин И. И.
Теоретические аспекты криминалистических и специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений с точки зрения теории следовых систем (стр. 120–137)

Кислый О. А., Лукашин М. В.
Контрабанда как деструктивный фактор национальной безопасности (стр. 138–144)

Хилюта В. В.
Имущественный ущерб как конструктивный признак существенного вреда в должностных преступлениях (стр. 145–160)

Череватая А. В.

Некоторые аспекты определения доли в праве общей собственности на жилое помещение (стр. 161–166)

Table of Contents

Philosophy

Pesotskaya Y. N.
The determination of health risks of a human in orthobios: systems and theoretical foundations of foundations (pp. 12–19)

Pesotskaya Y. N., Kucherov K. Y., Kozlova K. E.
The ontology of terapeutic values: platsebo и notsebo (pp. 20–28)

Economics

Boyko Y. V., Dmitriyev N. D., Ilchenko S. V.
Development of intellectual capital as a necessary innovative resource of modern society (pp. 29–35)

Boyko Y. V., Dubanevich L. E., Rokov A. I
Ensuring investment investments in intellectual resources (pp. 36–42)

Kydyrbayeva E. O., Sadvakasova A. B.
Development of the civil service system in the Republic of Kazakhstan: priority directions and prospects (pp. 43–48)

Kubarskiy A. V.
Intelligence technologies in the construction of a self-learning electronic document management system (pp. 49–55)

Yarotskaya Y. V., Barmina V. A.
Features of the formation of water protection zones in the municipal formation of the resort city of Anapa in modern conditions (pp. 56–66)

Law

Andreyeva M. A.
The problem of equality of men and women in the Russian Federation (pp. 67–72)

Katanyan A. M.
Specifics of providing annual basic paid leave to employees of the agro-industrial complex (pp. 73–78)

Isayeva M. A., Kisliy O. A.
Personality of a criminal committing crimes in digital space (pp. 79–90)

Kolbasyuk Y. F.
Uncertainty of the procedural status of relatives of victims who died during criminal proceedings (pp. 91–97)

Korotkova O. A., Frolova Y. A.
Legal regulation of the situation of sexual minorities: on the issue of the Russian historical and Legal tradition (pp. 98–108)

Kosenko D. V.
Legal problems of regulation of gardening and horticulture in the Russian Federation (pp. 109–113)

Kostina Y. A.
The main elements of the criminalistic characteristics of extremism (pp. 114–119)

Luzgin I. I.
The theoretical aspects of forensic and special expertise in the process of investigation of crimes and reaching a conclusion according to trace system theory (pp. 120–137)

Kislyy O. A., Lukashin M. V.
Smuggling as a destructive factor of the national security (pp. 138–144)

Khilyuta V. V.
Property damage as a constructive sign of significant harm in official crimes (pp. 145–160)

Cherevataya A. V.

Some aspects of determining the share in the common ownership of a dwelling (pp. 161–166)

УДК/UDC 740

Детерминация рисков здоровья человека в ортобиозе: системность и теоретические основания исследования

Песоцкая Елена Николаевна
кандидат философских наук, доцент кафедры философии, профессор Российской Академии Естествознания
Историко-социологический институт, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
г. Саранск, Россия
e-mail: cerera-office@mail.ru

Аннотация

В настоящей статье показана проблема формирования единого системного основания с целью анализа группы факторов риска здоровью человека. Комбинативно влияющие факторы малой интенсивности, выделяемые в отдельную группу, активно исследуются в детерминации здоровья. Наряду с другими факторами они представлены как особая группа факторов-детерминант экологического утомления индивида. Анализ системной детерминации здоровья человека предполагает решение проблемы соотнесения социального и биологического применительно к различным уровням организации человека. Комбинативное влияние факторов актуально в свете поиска становится теоретического интегратора представлений о здоровье и болезни. Его роль в системе исследования метаболической системной полноценности защитных сил организма может быт эффективно исследована в случае сформированности представления об информационно-биохимических механизмах регуляции и адаптации человеческого организма, выработанных эволюционно соединительной тканью. В контексте понимания эпигенетических влияний на здоровье, их направленности, адаптивности можно оценивать функциональность систем на клеточно-тканевом уровне, проявления сигнальной активности в интервале жизней нескольких поколений. Показано, что процессы неравновесности, изучаемые в поле синергетической научной парадигмы, характеризуют проблему факторов малой интенсивности в ортобиозе как мультидисциплинарную проблему.

Ключевые слова: ортобиоз, факторы риска здоровью, модель факторов, теоретические основания биологии и медицины, детерминационная теория здоровья, систем-

ный и синергетический подходы, эпигенетические факторы, фактор неопределенности.

The determination of health risks of a human in orthobios: systems and theoretical foundations of foundations

Pesotskaya Yelena Nikolayevna
Candidate of Philosophy, assistant professor of the Department of Philosophy, professor of the Russian Academy of Natural History
Historical and Sociological Institute, Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia
e-mail: cerera-office@mail.ru

Abstract

This article shows the problem of forming a single systemic basis for the purpose of analyzing a group of risk factors for human health. Combinatively influencing factors of low intensity, isolated into a separate group, are actively investigated in the determination of health. Among other factors, they are presented as a special group of factors-determinants of the ecological fatigue of the individual. The analysis of systemic determinations of human health involves solving the problem of the correlation of social and biological in relation to various levels of human organization. The combinative influence of factors is relevant in the light of the search becomes a theoretical integrator of ideas about health and disease. Its role in the system of studying the metabolic systemic fullness of the body's defenses can be effectively investigated if the idea of information-biochemical mechanisms of regulation and adaptation of the human body, developed evolutionarily by connective tissue, is formed. In the context of understanding the epigenetic effects on health, their orientation, adaptability, it is possible to evaluate the functionality of systems at the cellular-tissue level, the manifestation of signaling activity in the life interval of several generations. It has been shown that the processes of non-equilibrium studied in the field of synergistic scientific paradigm characterize the problem of factors of low intensity in orthobiosis as a multidisciplinary problem.

Key words: orthobiosis, health risk factors, model of factors, theoretical foundations of biology and medicine, determinational theory of health, systemic and synergistic approaches, epigenetic factors, uncertainty factor.

From the point of view of modern biomedical science, the conditions of orthobiosis become a reduction in risk factors - both the absence of poisons, toxins (alcohol, nicotine, drugs, etc.) and minimizing the effects of eco-factors that are unfavorable in their effects and increase the situation of information risks for the body.

A special group of risk factors are factors of low intensity, the place of which is actively investigated in the systemic determination of human health at the beginning of the 21st century. Their systemic researching was carried out by A. V. Maslennikov [1], A. A. Alekseev [2], V. P. Kaznacheev [3] etc., and currently involves the choice of a single theoretical basis for their analysis now. Now, note that their theoretical foundations [4, p. 159] are present in each science and determine the meaning of cognition of natural processes and the range of new problems associated with the features of orthobiosis. In particular, the own theoretical foundations of biology and medicine are used to explain empirical facts and predict new phenomena in these fields of knowledge. So, in medical science there are four such grounds: historical - the history of creating theories and principles in medicine; empirical - scientific facts for medical theories; theoretical - a generalization of scientific facts around a certain idea; logical - logical laws of thinking used in the clinic.

As a general theoretical foundation of science about health determinational theory of medicine systematizes the knowledge accumulated in a certain field of research study. Analysis of systemic determinations of human health involves solving the problem of social and biological correlation in relation to different levels of human organization [5]. The completeness of interactions between the bases of various levels - population, biosphere and cosmic - has been scientifically proved. In particular, modern researchers make it possible to talk about cosmic, magnetic and many other information factors that affect and determine health. A separate classification in the scientific literature of these factors in the 2000s. characterizes geogenic, biogenic, technogenic, anthropogenic and autochonous (informational) effects (factors) that affect humans combinatively and cause, first of all, environmental fatigue [1].

The connective tissue theory of medicine [2], in our opinion, also serves as the most general theoretical basis for investigation of the dynamics of diseases and life expectancy, since in the present the ideas about this tissue as a self-organizing system that cybernetically coordinates the activities of other tissues that determine life expectancy and its quality are quite relevant. When studying the metabolic systemic fullness of the body's defenses in the medical sciences, the connective tissue theory of biology and medicine, which included fluid (humoral), cellular, evolutionary, nervousness, stress-adaptation and other theories, becomes a theoretical integrator of ideas about health and disease. The systemic association of ideas about the nature of the origin of diseases based on the state of connective tissue forms a systematic idea of etiopathogenesis, treatment and self-management.

Diagnosis and evaluation of connective tissue exchange and adaptive characteristics of organism, directionality of adapting and damaging factors is in present the primary task of medicine, since information-biochemical mechanisms of regulation and adaptation of human organism are evolutionarily developed by connective tissue [4, p. 83], which initially allows it to develop quite harmoniously.

The methodology of systemic and synergistic approaches [4, pp. 100-101], studying subjects from the standpoint of their integrity, systemicity and presence of connections, also contributes to a deeper understanding of health as a multidimensional phenomenon. It is holistically presented in the works of P. K. Anokhin about the functional systems. The theory of functional systems is universal, including for studying the above-mentioned systemic determination of health and assessing the degree of influence of each individual factor, or their combination on orthobiosis conditions, their final effect. To do this, use the correlation analysis method. Correlation is represented by the influence on the interacting sides of multiple random and necessary factors, connections taken into account by the correlation method. This allows to take into account and learn the necessary and incidental connections that affect the elements of health, their interdependence and health in general.

The factors of chance and uncertainty in the systemic determination of health take place a significant place, and the correction of them in synergy in modern science becomes a prerequisite for research in the methodology of physiology and cardiology, in laboratory diagnostics. In the body, almost always simultaneously there are processes of order and chaos, health and disease as a state of the system. For example, in laboratory conditions, the factor of randomness and uncertainty can come from the state of the operator himself, the conditions for sampling and the environment. Uncertainty acts as an analytical indicator, when this means the nature of fluctuations in the content of elements of biological fluids of the body near a certain homeostatic point. Opening, non-linear, stable systems, a typical example of which is man - the subject of special attention. Combining the efforts of synergy and medicine since synergy opens up new approaches to human health, understanding a number of epigenetic and biological factors where treatment acquires a way of discovering itself.

The research of epigenetic effects on human health, the appearance of epigenetic therapy for diseases arising in the case of impaired gene methylation, ultimately helps to understand the conditions affecting life expectancy. Thus, regulatory epigenetic mechanisms responsible for the implementation of hereditary information, genetic activity and resistance to damaging factors, interaction with the environment, in our opinion, represent essentially a "set of parallel realities"[6] cellular level, functional (auth.) in relation to the manifestation of different signaling activity. Reversibility of action of epigenetic factors, their orientation or adaptability has been investigated in the context of somatic cell memory [7]. Note that since the most of the epigenetic effects disappear after a number of generations, these effects can be of the nature of only temporary adaptations that affect the frequency of mutations in a certain gene.

In this case, we present treatment and cure dynamically, that is, as synergistic processes that reveal hidden attitudes for a healthy future in the human body. This means studying the body as a holistic open system, characterized by a special type of interaction of its parts. Any pathological

change in the organ, tissue, etc., serves as a source of indignation not only of this organ, but also of others, while disrupting the usual connections of the systems and organs of the human body and the formation of new pathological connections, the development of which is difficult to predict and, accordingly, predict the forms of disease progression. The discovery of the laws of synergy led to a revision of views on fundamental interaction in nature and society, on the model of social development of a person as an object and an active source of information. An example of the use of synergetics in medicine is the studing of the processes of interaction of parts of the human body with geospace factors.

In the framework of a synergistic approach, a living organism is understood as a quantum system with all its inherent properties. The physical bases of its stable integrity are the same as on other stages of the quantum ladder. The human body is considered as a quantum system, evolutionarily formed as a result of a non-equilibrium phase transition and constantly reproducing itself thanks to self-organization processes of these organism as a «natural-biological wearer» of social phenomenons.

Thus, from the point of view of the theory of self-organization in modern biology and medicine, a biological organism of a man is defined as a dissipative structure [4, p. 168] with the highest degree of integrity, the stability of which is comparable to the quantum integrity of the structural units of matter. In socio-biological systems, nondissipative and dissipative structures are connected. The focus of such systems on certain aims and tasks in the present researching gives us reason to believe that the processes of imbalance studied by synergy characterize factors of low intensity in orthobiosis.

Creating an optimal model of risk factors in orthobiosis is a multidimensional problem of modern theoretical and practical medicine. Its solution means combining elements of already established models and developing dynamic schemes of risk factors based on a general scientific methodology. This optimizes the assessment of all the above-mentioned

approaches into a single process of managing human health and vital activity, will improve the quality of life.

Список литературы

1. Масленников А. В. Нетрадиционные аномальные воздействия различной природы, влияющие на функциональную целостность организма и психику человека / А. В. Масленников, М. В. Ильин // Сознание и физическая реальность. – Т. 2. № 1. 1997. С. 76-82.

2. Алексеев А. А. Интегративная (системная, семейная) соединительнотканная медицина: Т. 3. М.: ЛЕНАНД, 2005. 528 с.

3. Казначеев В. П., Михайлова Л. П. Биоинформационная функция естественных электромагнитных полей. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. 181 с.

4. Watanabe A., Yamada Y., Yamanaka S. Epigenetic regulation in pluripotent stem cells: a key to breaking the epigenetic barrier. // Philosophical transactions of the Royal Society of London. Series B. Biological sciences. 2013. Vol. 368. No. 1609.

5. Песоцкая Е. Н., Белова Л. А., Макарова Ю. А. Современные медицинские теории и подходы и проблема причинности заболеваний // Современные концепции научных исследований. Изд-во ЕСУ. EUS [Евразийский Союз Ученых]. Ежемесячный научный журнал. 2014, г. Москва. Ч. 6. № 8/2014. С. 82-84.

6. Песоцкая Е. Н., Зорькина А. В., Белова Л. А. Теоретические основы интеграции медицины и философии. – Научная монография. Рузаевка. 2017. 186 с.

7. Факторы социальной активности человека (философский анализ). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. / Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева. - Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1996. 16 с.

References

1. Maslennikov A. V. Unconventional anomalous influences of various nature, affecting the functional integrity of the organism and the human psyche / A. V. Maslennikov, M. V. Ilyin // Consciousness and physical reality. - T. 2.No. 1. 1997. Pp. 76-82.

2. Alekseev A. A. Integrative (systemic, family) connective tissue medicine: T. 3. M.: LENAND, 2005. 528 p.

3. Kaznacheev V. P., Mikhailova L. P. Bioinformation function of natural electromagnetic fields. - Novosibirsk: Science. Sib. department, 1985.181 p.

4. Watanabe A., Yamada Y., Yamanaka S. Epigenetic regulation in pluripotent stem cells: a key to breaking the epigenetic barrier. // Philosophical transactions of the Royal Society of London. Series B. Biological sciences. 2013. Vol. 368. No. 1609.

5. Pesotskaya E. N., Belova L. A., Makarova Yu. A. Modern medical theories and approaches and the problem of causality of diseases // Modern concepts of scientific research. Publishing house ESU. EUS [Eurasian Union of Scientists]. Monthly scientific journal. 2014, Moscow. Part 6. No. 8/2014. Pp. 82-84.

6. Pesotskaya E. N., Zorkina A. V., Belova L. A. Theoretical foundations of the integration of medicine and philosophy. - Scientific monograph. Ruzayevka. 2017.186 p.

7. Factors of human social activity (philosophical analysis). Abstract of a dissertation for the degree of candidate of philosophical sciences. / National Research Mordovian State University. N. P. Ogareva. – Saransk: Publishing house of Mordovs. University, 1996. 16 p.

УДК/UDC 740

Онтология лечебно-терапевтических эффектов: platsebo и notsebo

Песоцкая Елена Николаевна
кандидат философских наук, доцент кафедры философии, профессор Российской Академии Естествознания
Историко-социологический институт, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
г. Саранск, Россия
e-mail: cerera-office@mail.ru

Кучеров Кирилл Юрьевич
студент медицинского института
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
г. Саранск, Россия
e-mail: kirillkucherov2121@mail.ru

Козлова Карина Евгеньевна
студент медицинского института
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
г. Саранск, Россия
e-mail: Karina89277@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуется значение эффектов Плацебо и Ноцебо в медицинской культуре в ситуации нарастания осложнений от медикаментозного лечения. В условиях человекоцентрации лечебных воздействий демонстрируется особое место актов самотворения человека. При этом процесс сохранения информации в человеческой памяти представлен как основа метода и свернутый социокультурный ритуал. Вынесение ритуала, в том числе, в виртуальную среду означает интенцию на изучение онтологического поля, где проявляется и реализуется человеческая сущность. Структурой, формирующей основу онтологии человека и рецепции воздействий, выступают культура и этнокультура, основанные на акте веры, хранении, передаче человеческого опыта и ценностей. Представлено понимание ее криптотипической важности в

связи с проявлением плацебо. В историческом аспекте анализируются медицинская практика, когнитивная и созидающая онтологический базис индивида, наделенные собственной памятью, а также ее архетипическое влияние на телесную чувствительность через знаковое опосредование. В связи с этим семиотический аспект проблемы связывается с ее онтофилософским основанием. Теоретико-методологическая и социальная перспектива данного понимания формируется в рамках субстратного, атрибутивного и агент-ориентированного научных подходов, способствующих познанию фоновых воздействий на проявление механизмов platsebo-notsebo. Вовлеченность личности пациента означает присутствие эффектов рефлексии как инструментально-значимого ресурса как в объективации информации человеком вообще, так и в проявлении терапевтических эффектов platsebo-notsebo в частности.

Ключевые слова: онтология, человек, лечебный эффект, механизмов platsebo-notsebo, медицинская культура, этнокультура, информация, знаки, социокультурный ритуал, рецепция, вера, криптотип, ценность.

The ontology of terapeutic values: platsebo и notsebo

Pesotskaya Yelena Nikolayevna
Candidate of Philosophy, assistant professor of the Department of Philosophy, professor of the Russian Academy of Natural History
Historical and Sociological Institute, Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia
e-mail: cerera-office@mail.ru

Kucherov Kirill Yurievich
student of the institute of medical
Historical and Sociological Institute, Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia
e-mail: kirillkucherov2121@mail.ru

Kozlova Karina Evgenievna
student of the institute of medical
Historical and Sociological Institute, Ogarev Mordovia State University
Saransk, Russia
e-mail: Karina89277@yandex.ru

Abstract

The article analysises the relevance of studying the role of Placebo and Nocebo effects in medical culture in the situation of increasing complications from drug treatment. In the context of the need for human concentration of therapeutic effects, a special place for acts of human self-creation is demonstrated. At the same time, the process of preserving information in human memory is presented as a curtailed found of method and socio-cultural ritual. Among other things, to a virtual environment means an intention to study the ontological field, where the human essence is manifested and realized. The structure that forms the basis of human ontology and the reception of influences is culture and ethnoculture, based on the storage and act of belief transfer of human experience and values. An understanding of its cryptotypic importance in connection with the manifestation of placebo is presented. In the historical aspect, medical practice is analyzed, the cognitive and creating ontological basis of the individual, endowed with their own memory, and their archetypal influence on bodily sensitivity through sign mediation. In this regard, the semiotic aspect of the problem is associated with its onto-philosophical basis. The theoretical, methodological and social perspective of this understanding is formed within the framework of substrate, attributive and agent-oriented scientific approaches that contribute to in-depth knowledge of background effects on the manifestation of platsebo-notsebo mechanisms. Patient personality involvement means the presence of reflexion effects as an instrumental resource both in human information lenses in general and in the manifestation of therapeutic effects of platsebo-notsebo in particular.

Key words: ontology, human, therapeutic effect, platsebo-notsebo mechanisms, medical culture, ethnoculture, information, signs, sociocultural ritual, reception, faith, cryptotype, value.

The Placebo effect is a therapeutic method in which a patient is at a loss. This effect gives the object certain properties that, in fact, it does not have, but the patient is informed in such a way that he begins to believe in the "medicinal properties"of the object (medicinal agent). Placebo (placebo) - from Latin pacebo, "I will please."This word begins the 9th stanza of the 116th psalm of the Latin psalter: "Placebo domino in regione vivorum..."The psalm was sung at a funeral by hired singers in the Middle Ages in Catholic Europe. Some believed that the payment for their singing was too high, and

the motives of the singers, respectively, were self-serving. As a result, the word placebo began to call something insincere, not real, but comforting [1].

For the first time, they got acquainted with placebo in 1955. G. Beecher observed nurses who injected the patient with an isotonic solution instead of morphine, thereby deceiving the patient who believed in the medicine. After that, the method became relevant in medicine.

Since the first publication about the effect of Placebo, quite a lot of experiments have been conducted to study it. This effect can also be influenced by a variety of factors such as taste, color, tablet size, physician appearance of a doctor, etc. Despite the fact that scientific evidence is insufficient, it can be assumed that the placebo effect exists in all areas of medicine, as well as in other areas of human life during the process of "self-production"[2, p. 14]. So, we can see the effect of Placebo in the spiritual sphere. For example, a person from his childhood can be inspired by the use of fetishes or ritual objects as carriers of miraculous influences that guarantee the protection of higher forces. A person begins to believe in the endowed properties of objects of worship, while realizing the presence of help, including healing. The idea that forces can help is entrenched in a person's mind, and if a person really believes, recovery begins. This occasion will be approached by the expression of the outstanding Dr. D. Cardano: "He who believes more is cured better"[2, p. 54].

The medical worldview as a type of substrate-organized professional worldview directly affects the effectiveness of treatment, independent of pharmacological and surgical influence, as investigated in the authors' works [4, s. 58]. As an active basis of cognition, it is constantly structured in the process of inactivating personality properties and potential of a person and represents cognitive action. Due to its traditimization, it has a therapeutic function and is included in a sufficient condition of a positive treatment effect.

In the field of phenomenology and semiotics of physicality, the limitation of the results of the research of the effect of sign mediation on bodily sensitivity comes from the unfinished representations in the field of

the influence of physical reality. The effect that the Placebo effects has comes from a lack of knowledge about a particular subject.

Placebo effect refers to a special type of ritual treatment, which is a special case of placebo effect. The difference between ritual treatment and placebo treatment is that the real staging of the effect on the cause of the disease, embedded in placebo treatment in a compressed form, is only implied. For realization of mechanisms of medical effect of placebo agent (medical form, a ritual, a ritual subject, etc.) substantsialno and functionally (including through sign systems) it has to be connected with the general mythological concept of a disease and idea of the place out of touch factors of influence on the course of processes.

Here it is very important to understand that a doctor should not treat the disease without assessing the internal, spiritual condition of the patient. As Plato said: "The greatest mistake in treating diseases is that there are doctors for the body and doctors for the soul, although both are inseparable."The placebo agent cannot be any action or substance, it must be associated with the myth of the disease and somehow must realize the therapeutic effect. The placebo agent can be: ritual action, amulet, physical action – the main thing is that all this was connected with the general mythological concept of the disease. A frequent placebo agent in European culture is a tablet, as a standard form of taking "medicine."

The secondary meaning warps the nature of the bodily sensation. The bodily indicated sensation is open in two directions: it is the result of the primary meaning of sensual tissue and the beginning of myth - the secondary sign system. Due to the fact that a person infuses a secondary sign system, his bodily sensations begin to change, which changes his property and quality what these sensations are aimed at, and they can also arise by the myth itself, which will need sensual reinforcement.

The semiotic aspect is related to the philosophical basis of the problem. This is an appeal to the instrumental loading of the sign in that in the mythological system it performs the role of both forms and content at the same time, combining rational and sensual components. The accepted idea of

the disease and treatment in the semiological system is a form formed in an arc of consciousness, which is filled with feeling based on cryptotypy, forming the sensations and state of the individual.

Based on researches of bodily and intraceptive sensations, Tkhostov A. Sh. concludes that the scope of the therapeutic effect is unlimited [3].

Any therapeutic effect is a structured landmark process, and placebo treatment is also in this row. Confirmation of placebo treatment as a sign-semiotic process by bodily sensations is due to peculiarities of intraceptive perception (synesthesia, amplification, manipulation, etc.). The features of the sign-symbolic conditionality of intraception and the generation and change in the quality of sensations as subjective phenomena in psychophysical relations in the information plan are connected with the archetypal component related to cryptotypy. Thus, considering the sphere of values and the worldview of the individual, it can be argued that the cultures of specific ethnic groups serve as a cryptotypic basis, and, at the same time, a fundamental element of the culture of synthetic, multi-tiered and multi-layered. Their essence is that the experience, understanding, assessment of reality by a person is realized through cultural concepts, universals that have accumulated historical experience. The combination of the main cultural universals - "truth,good,faith,conscience,freedom"with the picture of the world of the ethnic group forms the image of the world and the basic cultural attitudes that transform mentality and speech [4].

Another important role is played by social memory as a substrate carrier for placebo manifestation. The repository of past experience is the basis for the formation of human knowledge and the formation of human consciousness. Placebo applications in past generations lead to the application, traditimization, archiving of knowledge about this effect and the subsequent adequate response of the new generation to this effect.

Let us turn to the theory of functional systems of P. K. Anokhin. This theory considers the brain activity and consciousness of a person. This is a dynamically folding wide distributed system of heterogeneous physiological formations, all parts of which contribute to obtaining a certain

useful result [5]. That is, the models of the future that the human brain and his consciousness create or perceive flow into a holistic system that gives a certain result. We can say that factors from the outside push our consciousness to reflect them, that is, to the end result.

If the information that comes to us is positive, then the effect will be similar. It follows that human consciousness is a "copy,"that is, a thing for creating an image of the outside world and the information that comes from it [6].

The same situation goes with the placebo effect. A person takes information about an object, let's say about a pill, and, as we mentioned earlier, thanks to the preservation of the experience of other people, structuring and awareness occurs. The brain builds the system whereby the subject is amenable to the placebo effect. This is the link between Placebo and the theory of functional systems.

In the case of brain exposure to negative information, the Nocebo effect is observed as the opposite of placebo. The term from Latin means nocebo – "I will damage."When negative information affects consciousness (for example, about the side effects of a medicine or even a "blank"), the individual expects a negative result from the medicine, which leads to its occurrence. It may seem that a person simply "inspires"himself such a side result, but there is evidence of the Nocebo effect. Italian neuroscientists F. Benedetti [7] revealed the effect of negative thoughts on the human body under experimental brain scanning with under the influence of negative semantic constructions. They activate the hypothalamic-pituitary system and the production of adrenaline. There is a protective reaction of the body in the form of various symptoms.In the case of brain exposure to negative information, the Nocebo effect is observed as the opposite of placebo. The term from Latin means nocebo – "I will damage."When negative information affects consciousness (for example, about the side effects of a medicine or even a "blank"), the individual expects a negative result from the medicine, which leads to its occurrence. It may seem that a person simply "inspires"himself such a side result, but there is evidence of the Nocebo effect. Italian neuroscientists F. Benedetti [7] revealed

the effect of negative thoughts on the human body under experimental brain scanning with under the influence of negative semantic constructions. They activate the hypothalamic-pituitary system and the production of adrenaline. There is a protective reaction of the body in the form of various symptoms.

That is, from the above it follows that Placebo mainly has positive results on the mental organization of a person, which leads to the possibility of healing a person. The Nocebo effect has the opposite option, can negatively affect the patient's health and lead to severe consequences expressed in changing a person's thoughts and his attitude to the things that this effect is aimed at.

The substrate of these effects in the body as a holistic natural-biological carrier of personality activity and activity [8, p.7] are its archetypes, that is, past experience. The information equivalent of the result (final result) is also associated with archetypes, since it is formed thanks to algorithms that are directly related to social memory.

The condition of the whole process, which is formed in our subconscious, is the expectation of a person.

The effects of Placebo and Nocebo are relevant to medical culture. Culture itself is a structure that is based on the storage and transfer of human experience, values. There is such a concept as "memory of medical culture."It includes past human experience [8] containing a cryptotypic basis. From this it follows that this concept and the effects of placebo and nocebo are interconnected, since these concepts include archetypes and human life experience.

Список литературы

1. Evans D. Placebo: The Belief Effect. 2003. London: Harper Collins Publishers Pp. 1-2.

2. Песоцкая Е. Н., Зорькина А. В., Белова Л. А. Теоретические основы интеграции медицины и философии. Монография Саранск, МГУ им. Н. П. Огарева, Тип. Рузаевский печатник, 2017. 186 с.

3. Тхостов А. Ш. Исследование влияния знакового опосредствования на телесную чувствительность. / Психология телесности. М.: Смысл. – 2002. 287 с.

4. Песоцкая Е. Н., Слесарев В. О., Белова Л. А., Макарова Ю. А. Медицинская нозология и ее лингвистические аспекты // Современные исследования социальных проблем. Красноярск: Научно-инновационный Центр, 2015. № 3 (23). С. 19-31.

5. Анохин П. К. Теория функциональной системы как предпосылка к построению физиологической кибернетики // Биологические аспекты кибернетики: сб. работ / под ред. А. М. Кузина. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 74-91.

6. Анохин П. К. Идеи и факты в разработке теории функциональных систем // Психологический журнал. 1984. Т. 5. С. 107-118.

7. Робсон Д. Заразные мысли, способные убивать. BBC Future, / URL: https://www.bbc.com/russian/science/2015/03/150311_ vert_ fut_ can_ you_ think_-yourself_ to_ death (дата обращения: 01.08.2021).

8. Песоцкая Е. Н. Природно-биологические факторы социальной активности личности (философский анализ). Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук. Саранск, 1996. 16 с.

References

1. Evans D. Placebo: the effect of faith. 2003. London: Harper Collins Publishers Pp. 1-2.

2. Pesotskaya E. N., Zorkina A. V., Belova L. A. Theoretical foundations of the integration of medicine and philosophy. Monograph Saransk, Moscow State University N. P. Ogareva, Tip. Ruzaevsky printer, 2017. 168 p.

3. Tkhostov A. Sh. Investigation of the influence of sign mediation on bodily sensitivity. / Psychology of corporality. M: Meaning. – 2002. 287 p.

4. Pesotskaya E. N., Slesarev V. O., Belova L. A., Makarova Yu. A. Medical nosology and its linguistic aspects // Modern studies of social problems. Krasnoyarsk: Research and Innovation Center, 2015. No. 3 (23). Pp. 19-31.

5. Anokhin P. K. The theory of a functional system as a construction of physiological cybernetics // Biological aspects of cybernetics: collection of articles. works / ed. A. M. Kuzina. M.: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1962, Pp. 74-91.

6. Anokhin P. K. Ideas and facts in the development of functional systems // Psychological journal. 1984.Vol. 5. Pp. 107-118.

7. Robson D. Contagious thoughts that can kill. BBC Future, / URL: https://www.bbc.com/russian/science/2015/03/150311_ vert_ fut_ can_ you_ think_-yourself_ to_ death (access date: August 01, 2021).

8. Pesotskaya E. N. Natural and biological factors of social activity of the individual (philosophical analysis). Abstract for the degree of candidate of philosophical sciences. Saransk, 1996.16 p.

УДК/UDC 330.1

Развитие интеллектуального капитала как необходимого инновационного ресурса современного общества

Бойко Екатерина Вадимовна
научный сотрудник
Челябинский государственный университет
г. Челябинск, Россия
e-mail: kboy98@mail.ru

Дмитриев Николай Дмитриевич
ассистент
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: dmitriev_nd@spbstu.ru

Ильченко Светлана Владимировна
кандидат педагогических наук
Московский экономический институт
г. Москва, Россия
e-mail: strelec200763@mail.ru

Аннотация

Условия глобализации повышают значимость интеллектуальных составляющих в экономических отношениях, а основным элементом развития общества становится интеллектуальный капитал. Данная статья посвящена рассмотрению процессов развития интеллектуального капитала в контексте создания инновационных ресурсов народного хозяйства. Исследования в таком направлении актуализируются в связи с нестабильным социально-экономическим пространством и цифровизацией национальной экономики. В статье отмечено, что подготовка инновационных кадров в образовательной и практической среде способствует ускоренному переходу к постиндустриальному обществу. Следовательно, необходимо сформировать не только инновационный потенциал человеческих ресурсов, но и уделить внимание психологическим аспектам становления современной личности. Для этого требуется провести модернизацию процессов формирования интеллектуального капитала на

национальном уровне, что будет способствовать ускоренной диффузии инновационных преобразований.

Ключевые слова: интеллектуальный капитал, инновационные ресурсы, инновационные кадры, постиндустриальное общество, инновационная экономика, инновации.

Development of intellectual capital as a necessary innovative resource of modern society

Boyko Yekaterina Vadimovna
Research assistant
Chelyabinsk State University
Chelyabinsk, Russia
e-mail: kboy98@mail.ru

Dmitriyev Nikolay Dmitriyevich
Assistant
Peter the Great St Petersburg Polytechnic University
St. Petersburg, Russia
e-mail: dmitriev_nd@spbstu.ru

Ilchenko Svetlana Vladimirovna
Candidate of Pedagogical Sciences
Moscow Institute of Economics
Moscow, Russia
e-mail: strelec200763@mail.ru

Abstract

The conditions of globalization increase the importance of intellectual components in economic relations, and intellectual capital becomes the main element of the development of society. This article is devoted to the consideration of the processes of intellectual capital development in the context of creating innovative resources of the national economy. Research in this direction is being updated in the conditions of an unstable socio-economic space and the digitalization of the national economy. The article notes that the training of innovative personnel in the educational and practical environment contributes to an accelerated transition to a post-industrial society. Therefore, it is necessary to form not only the innovative potential of human resources, but also to pay attention to the psychological aspects of the formation of a modern personality.

To do this, it is necessary to modernize the processes of intellectual capital formation at the national level, which will contribute to the accelerated diffusion of innovative.

Key words: intellectual capital, innovative resources, innovative personnel, post-industrial society, innovative economy, innovation.

Развитие производственных сил в постиндустриальном обществе за счет использования высоких технологий дает новый толчок к изучению проблематики инновационного потенциала человеческого капитала, способного направить интеллектуальные способности индивидуумов на комплексное инновационное развитие. Человеческие ресурсы являются базой формирования неценовой конкуренции, поскольку в начале любого инновационного процесса лежат накопленные знания и умения, а уровень развития интеллектуального капитала является одним из основных факторов, влияющих на ускорение и замедление инновационного роста [1; 2]. Таким образом, можно обозначить, что интеллектуальный капитал следует рассматривать как базовый элемент в системе преобразования современного общества в любой стране, в т. ч. и в России.

Развитие интеллектуального капитала определяет ряд требований к подготовке инновационных кадров, способных обеспечить комплексную трансформацию национальной экономики. Построение экономики знаний обуславливает реализацию эффективной государственной инновационной политики, основными компонентами которой являются: содействие инновационным разработкам; создание условий для повышения инновационности; обеспечение цифровой трансформации; трансферт технологий и диффузия инноваций; разработка и реализация эффективных механизмов поддержки инновационных процессов; правовая, финансовая и инфраструктурная поддержка комплексного инновационного развития [3; 4]. В контексте формирования инновационных ресурсов народного хозяйства требуется уделить внимание образовательной и практической средам, обеспечивающим расширенное воспроизводство интеллектуального капитала нации и страны.

При рассмотрении российской практики стоит отметить наличие сложностей по осуществлению перехода к постиндустриальному обществу в связи с нестабильной экономической обстановкой. Многократно актуализируется поиск решений по преодолению проблем, стоящих перед социально-экономическим пространством России, без которых невозможно адаптироваться к происходящим изменениям в макроэкономической среде. В инновационной практике Российской Федерации остаются ключевыми такие проблемы, как теневой сектор, коррупция, административные барьеры и несовершенство правового поля, которые препятствуют отхождению от сырьевого сектора и формированию инновационных предприятий на базе Индустрии 4.0. Национальное инновационное пространство сопровождается разделением территории страны на регионы с различным уровнем развития, что способствует дальнейшей дифференциации между субъектами. Так, в данном случае возникает проблема обеспечения благоприятных условий для подготовки инновационных кадров и иных интеллектуальных ресурсов в интересах не только отдельной территории, но и всей страны в целом [1; 5]. Требуется пересмотреть сложившуюся практику для предотвращения утечки отечественного интеллектуального капитала за границу.

Среди стратегических предпосылок развития интеллектуального капитала в Российской Федерации можно выделить следующие направления: разработка программ развития человеческого капитала; содействие формированию благоприятной среды для инноваторов; поддержка национальных научно-исследовательских институтов и лабораторий; содействие повышению стоимости труда специалистов [2]. Справедливо отметить, что реализация данных направлений связана с пересмотром существующих концепций формирования инновационного ресурса. Требуется не только сформировать инновационный потенциал человеческих ресурсов, но и уделить внимание психологическим аспектам становления современной личности, что зачастую игнорируется в образовательной и практической среде Российской Федерации [3]. Предлагается выработать

новые подходы к развитию интеллектуального капитала через схему, рассмотренную на рис. 1.

Развитие интеллектуального капитала современного общества

Рисунок 1

Высокую значимость в повышении инновационной квалификации специалистов играет государственная инновационная политика. Для эффективного влияния национальной системы образования на состояние инновационных ресурсов требуется не только модернизировать стандарты образования, но и содействовать формированию индивидуализированных траекторий обучения. Однако даже при наличии грамотно выстроенной инновационной политики и создании эффективной системы образования требуется содействовать регулированию рыночных отношений, поскольку именно в практической среде создается стоимость рабочей силы. Низкая стоимость инновационных кадров является серьезным барьером перед созданием производств нового технологического уклада, что негативно скажется на инновационном развитии экономики [4].

С позиции государства требуется содействовать внедрению инновационных способов управления на предприятиях, создавая условия для удовлетворения финансовых и социально-психологических потребностей интеллектуальных кадров, поскольку именно они обеспечивают создание знаний и инновационных элементов общества. В практической среде инновационные подходы к управлению человеческими ресурсами содействуют реализации двух ключевых процессов создания инновационного потенциала человеческого капитала: максимизация интеллектуальной эффективности и оптимизация бизнес-процессов. Для российских усло-

вий данный факт является наиболее весомым, поскольку низкая оплата труда и неэффективность других способов стимулирования приводят к утечке инновационных кадров за пределы национальных границ, что в итоге не просто препятствует развитию интеллектуального капитала, но и приводит к деградации отечественного инновационного ресурса [6; 7].

Становление постиндустриального общества и переход к новым общественно-экономическим формациям должно начинаться с развития национального интеллектуального капитала. В России располагается значительный интеллектуальный потенциал, что позволяет рассуждать о возможностях совершенствования инновационного ресурса, однако для этого требуется создать соответствующую инфраструктуру в образовательной, практической и институциональной среде. В современных условиях лидерское положение любой страны зависит не только от экономических возможностей страны, но и от социально-политической стабильности. Поскольку общество диктует траектории развития страны, то уровень интеллектуализации общественных отношений определяет стратегические пути создания устойчивого развития. Для создания национального интеллектуального капитала Российской Федерации и содействия ускоренной диффузии инновационных преобразований требуется провести модернизацию во всех секторах экономики, поскольку лишь через данный путь возможно обеспечить устойчивый экономический рост.

Список литературы

1. Петрова В. Е., Реутов Н. Н. Интеллектуальный капитал и его роль в инновационном обществе // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2016. № 12. С. 76–78.

2. Ветренко П. П., Евневич М. А. Интеллектуальный капитал в системе инновационной экономики // Экономика и предпринимательство. 2016. № 10-3. С. 25–27.

3. Дмитриев Н. Д. Формирование инновационных кадров с целью построения экономики знаний // В сборнике: Моделирование и конструирование в образовательной среде. Сборник материалов V Всероссийской (с международным участием) научно-практической, методологической конференции для научно-педагогического

сообщества. Под ред. И. А. Артемьева, В. О. Белевцовой, Н. Д. Дудиной, И. П. Родионовой. 2020. С. 123–126.

4. Мануйленко В. В., Ермакова Г. А. Оценка интеллектуального капитала российских корпораций. М.: Проспект, 2020. 192 с.

5. Rodionov D. G., Rudskaya I. A. Regional innovative environment in national economic development (the case of Russia) // International Journal of Ecology and Development. 2017. T. 32. No 4. Pp. 20–28.

6. Дубаневич Л. Э., Ильченко С. В., Козлова А. А. Инновационные способы управления человеческими ресурсами на предприятии // Управленческий учет. 2021. № 3-1. С. 47–56.

7. Дмитриев Н. Д., Зайцев А. А., Тютюнникова И. Е., Бакина Е. С. Построение оценки эффективности системы оплаты труда рейтинговым способом // Вестник алтайской академии экономики и права. 2020. № 8-1. С. 40–47.

References

1. Petrova V. E., Reutov N. N. Intellectual capital and its role in an innovative society // Economics and management of innovative technologies. 2016. No. 12. Pp. 76–78.

2. Vetrenko P. P., Evnevich M. A. Intellectual capital in the system of innovative economy // Economics and Entrepreneurship. 2016. No. 10-3. Pp. 25–27.

3. Dmitriev N. D. Formation of innovative personnel for the purpose of building a knowledge economy // In the collection: Modeling and design in the educational environment. Collection of materials of the V All-Russian (with international participation) scientific and practical, methodological conference for the scientific and pedagogical community. Ed. I. A. Artemieva, V. O. Belevtsova, N. D. Dudina, I. P. Rodionova. 2020. Pp. 123–126.

4. Manuilenko V. V., Ermakova G. A. Assessment of the intellectual capital of Russian corporations. Moscow: Prospect, 2020. 192 p.

5. Rodionov D. G., Rudskaya I. A. Regional innovative environment in national economic development (the case of Russia) // International Journal of Ecology and Development. 2017. T. 32. No 4. Pp. 20–28..

6. Dubanevich L. E., Ilchenko S. V., Kozlova A. A. Innovative methods of human resource management at the enterprise // Management accounting. 2021. No. 3-1. Pp. 47–56.

7. Dmitriev N. D., Zaitsev A. A., Tyutyunnikova I. E., Bakina E. S. Assessment of the effectiveness of the system of remuneration by the rating method // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2020. No. 8-1. Pp. 40–47.

УДК/UDC 330.32

Обеспечение инвестиционных вложений в интеллектуальные ресурсы

Бойко Екатерина Вадимовна
научный сотрудник
Челябинский государственный университет
г. Челябинск, Россия
e-mail: kboy98@mail.ru

Дубаневич Людмила Эдуардовна
кандидат экономических наук
Московский экономический институт
г. Москва, Россия
e-mail: ldubanevich@mail.ru

Роков Антон Иосифович
научный сотрудник
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: rokovanton2020@gmail.com

Аннотация

Создание благоприятных условий для поступающего экономического роста многократно актуализирует такие острые проблемы, как привлечение инвестиционного капитала в интеллектуальные ресурсы. Настоящая статья посвящена рассмотрению теоретических положений в области привлечения инвестиций интеллектуального характера, которые должны обеспечить повышение уровня интеллектуализации всей экономики и отдельных ее элементов. Необходимость привлечения такого рода инвестиций подтверждается ускорением инновационного развития и требованиями к созданию производств нового технологического уклада. В данном контексте предлагается рассмотреть вопросы обеспечения интеллектуальных инвестиционных вложений, которым свойственен высокий уровень неопределенности и неоднозначная итоговая эффективность. Результатом настоящей статьи является определение обобщенных направлений обеспечения инвестиций интеллектуального характера, проработка которых позволит определить пути интеллектуального роста народного хозяйства.

Ключевые слова: интеллектуальные ресурсы, инвестиции, инвестиционные вложения, интеллектуальный капитал, обеспечение инвестиций, инновационная экономика.

Ensuring investment investments in intellectual resources

Boyko Yekaterina Vadimovna
Research assistant
Chelyabinsk State University
Chelyabinsk, Russia
e-mail: kboy98@mail.ru

Dubanevich Lyudmila Eduardovna
Candidate of Economic Sciences
Moscow Institute of Economics
Moscow, Russia
e-mail: ldubanevich@mail.ru

Rokov Anton Iosifovich
Research assistant
St. Petersburg State University of Economics
Saint Petersburg, Russian Federation
e-mail: rokovanton2020@gmail.com

Abstract

Creation of favorable conditions for incoming economic growth repeatedly actualizes such acute problems as attracting investment capital into intellectual resources. This article is devoted to the consideration of theoretical provisions in the field of attracting investment of an intellectual nature, which should ensure an increase in the level of intellectualization of the entire economy and its individual elements. The need to attract this kind of investment is confirmed by the acceleration of innovative development and the requirements for the creation of industries of a new technological order. In this context, it is proposed to consider the issues of ensuring intellectual investment, which is characterized by a high level of uncertainty and ambiguous final efficiency. The result of this article is the definition of generalized directions for ensuring investment of an intellectual nature, the study of which will determine the ways of the intellectual growth of the national economy.

Key words: intellectual resources, investments, investment investments, intellectual capital, investment support, innovative economy.

Интеллектуальный рост является базовым направлением современной экономической повестки, ключевыми детерминантами которого выступают инвестиции. Знаниеемкая экономика многократно повышает значимость человеческого капитала, а следовательно, и системы образования, которая должна адаптироваться к динамике внешней среды. Образование не только повышает уровень знаний и инновационных компетенций человеческих ресурсов, способствуя увеличению производительности труда, но и обеспечивает создание интеллектуального капитала на разных уровнях управления [1]. В современных экономических системах привлечение инвестиций в интеллектуальный капитал сталкивается с рядом проблем, поскольку их эффективность не всегда является однозначной и зачастую не поддается измерению экономико-математическими методами.

Несмотря на ряд сложностей в проведении оценки интеллектуального капитала, в научном сообществе его справедливо рассматривают как базовый актив информационного общества, воспроизводство и рациональное использование которого не просто приводит к накоплению знаний, но и приносит расширенный социально-экономический эффект от их практической реализации. Образовательная среда в контексте обеспечения интеллектуальных преобразований должна рассматриваться не только на уровне национальной системы образования, но и в рамках корпоративных структур. Непрерывное образование формирует ключевые компетенции каждого отдельного работника, а от уровня интеллектуальных направленностей данных компетенций зависит потенциал практического использования знаний работника в контексте инновационного развития [2]. Таким образом, для поступающего экономического роста следует направить усилия на привлечение инвестиций в ключевые интеллектуальные сегменты народного хозяйства, способствуя устойчивому интеллектуальному росту.

Для создания условий по развитию интеллектуального потенциала на уровне страны следует активизировать инвестиционную активность в корпоративном секторе. На текущий момент интеллектуальные инвестиции позволяют получить отдачу в 5–6 раз больше, чем привлечение капитала в материальное производство, а благоприятные условия для осуществления инвестирования способствуют общему увеличению производительности: свыше 30% на предприятиях в технологически развитых странах (США, Япония, ЕС) [3]. Однако стоит осознавать, что интеллектуальные ресурсы подвержены моральному износу, т. к. любое знание со временем устаревает, обуславливая требования к его расширенному воспроизводству. Предотвращение интеллектуальной деградации многократно увеличивает значимость инвестиций, направленных в интеллектуальный капитал. Со стороны государства целесообразно использовать доступные инструменты поддержки инвестиционной составляющей процессов интеллектуализации. Инструменты можно условно подразделить на инфраструктурные, финансовые и административные, совокупность которых позволит эффективно функционировать экономическим субъектам и реализовывать высокорисковые интеллектуальные проекты [1; 4]. В табл. 1 представлено воздействие основных составляющих на инвестиционные процессы в интеллектуальные ресурсы. Рассмотренные инструменты способствуют повышению уровня интеллектуализации всей экономики и отдельных ее элементов.

Инструменты государственного воздействия на обеспечение инвестиционных вложений в интеллектуальные ресурсы

Инструменты	**Характеристика**	**Примеры**
Инфраструктурные	Создание условий для функционирования субъектов инвестирования на конкретном рынке через развитие экономических, финансовых, социальных и других элементов на конкретной территории	1) создание фондов, осуществляющих соинвестирование; 2) проведение ярмарок, конференций и других площадок для инвесторов; 3) развитие смежной инфраструктуры территорий

Финансовые	Изыскание денежных средств и их направление на содействие реализации проектов с интеллектуальной направленностью.	1) прямое финансирование смежных интеллектуальных проектов; 2) финансовая поддержка реализации приоритетных направлений через институты развития; 3) аккумулирование сбережений и их трансформация в инвестиции через коммерческие банки
Административные	Правовое закрепление необходимых норм для создания условий по обеспечению институциональной защиты инвесторов	1) нормативно-правовое сопровождение инвестиционных вложений; 2) гарантирование защиты прав инвесторов; 3) предоставление льгот на интеллектуальное развитие

Таблица 1

Содействие созданию интеллектуальных активов приводит к формированию системы интеллектуальной стоимости, что требует от государства реализации политики, ориентированной как на поддержку интеллектуальных инвестиций через инструменты воздействия, так и на основе создания здоровой конкуренции. Ключевые задачи, которые решают инвестиции интеллектуального характера: структурное перестроение национальной экономики; содействие непрерывному образованию; прямая и косвенная поддержка инновационно активных субъектов; расширенное воспроизводство интеллектуального капитала.

Механизмы обеспечения инвестиционной деятельности должны учитывать процессы ускорения инновационного развития и требования к созданию производств нового технологического уклада. Интеллектуальные ресурсы это локомотив современной экономики, поэтому для более полного использования интеллектуального капитала требуется разработать ориентиры его измерения. Поскольку наращивание инвестиций в интеллектуальные ресурсы имеет высокую значимость как для государства, так и для отдельно взятого производства, целесообразно рассмотреть особенности их обеспечения на корпоративном уровне. С позиции воспроизводства интеллектуального капитала необходимо обеспечить привлечение инвестиций в информационное обеспечение, непре-

рывное образование и программы повышения квалификации, а также в другие аспекты содействия трудовой деятельности. В то же время на предприятиях требуется обеспечить рациональное управление денежными потоками, используя универсальные системы построения процессов инвестиционного регулирования, максимизировав положительный эффект от инвестиций. При этом положительный эффект следует рассматривать не только с экономической точки зрения, но и с социальной, поскольку эффективность от интеллектуальных инвестиций зачастую может не приносить очевидную экономическую выгоду, но благоприятно скажется на функционировании социально-экономических отношений и благополучии общества [1; 5].

Таким образом, проработка вопросов интеллектуальных инвестиций позволит определить пути интеллектуального роста разных секторов экономики. Однако наблюдается ряд сложностей, не позволяющих спрогнозировать их итоговую эффективность. В российском контексте с каждым годом возрастает необходимость осуществления перехода от сырьевой экономики к инновационной. Решение такой приоритетной задачи невозможно обеспечить без привлечения финансирования в интеллектуальные проекты и без воспроизводства отечественного интеллектуального ресурса. Выборка и использование наиболее эффективных инструментов воздействия на привлекательность интеллектуальных инвестиций позволит подготовить высококвалифицированные кадры и станет первым шагом к разработке прорывных технологий и новейшего оборудования.

Список литературы

1. Едалова Е. С., Ханина А. В. Особенности инвестирования в интеллектуальный капитал // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 4. С. 480–485.

2. Альхименко О. Н. Инвестиции в интеллектуальный капитал: роль образования // Экономика образования. 2015. № 1. С. 58–62.

3. Мильнер Б. З. Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями. М: Инфра-М, 2021. 624 с.

4. Устинова Л. Н., Устинов А. Э., Вирцев М. Ю. Роль инвестиций в развитии интеллектуального капитала // Экономический анализ. 2016. № 6. С. 135–145.

5. Golovchenko A. V., Dmitriev N. D. Management of cash flow of the enterprise // Modern Science. 2019. № 5-4. С. 47–49.

References

1. Edalova E. S., Khanina A. V. Features of investing in intellectual capital // Modern scientific research and innovation. 2017. No. 4. Pp. 480–485.

2. Alkhimenko O. N. Investments in intellectual capital: the role of education // Economics of Education. 2015. No. 1. Pp. 58–62.

3. Milner B. Z. Innovative development: economics, intellectual resources, knowledge management. M: Infra-M, 2021. 624 p.

4. Ustinova L. N., Ustinov A. E., Vircev M. Yu. The role of investments in the development of intellectual capital // Economic analysis. 2016. No. 6. Pp. 135–145.

5. Golovchenko A. V., Dmitriev N. D. Management of cash flow of the enterprise // Modern Science. 2019. No. 5-4. Pp. 47–49. Modern Science. 2019. No. 5-4. S. 47–49. Modern Science. 2019. No. 5-4. Pp. 47-49.

УДК/UDC 352

Развитие системы государственной службы в Республике Казахстан: приоритетные направления и перспективы

Кыдырбаева Эльмира Омирсериковна
доктор философии, заведующая кафедрой государственного управления и менеджмента
Жетысуский университет им. Ильяса Жансугурова
г. Талдыкорган, Республика Казахстан
e-mail: ekydyrbaeva@mail.ru

Садвакасова Айгуль Багинбаевна
доктор экономических наук, профессор кафедры государственного управления и менеджмента
Жетысуский университет им. Ильяса Жансугурова
г. Талдыкорган, Республика Казахстан
e-mail: aigulbaginbay@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена вопросам и приоритетным направлениям развития системы государственной службы в Республике Казахстан. Изучены основные этапы развития системы государственной службы в стране с момента обретения независимости, определены основные направления и особенности ее развития, обозначены нормативно-правовые документы, регламентирующие государственную службу в Республике Казахстан. Рассмотрены вопросы формирования государственного аппарата, повышения квалификации и обеспечения социального уровня государственных служащих, кадровой политики и электронной системы управления персоналом, вопросы этики и чести государственных служащих, процедуры отбора на государственную службу. Для совершенствования системы государственной службы в Республике Казахстан авторами предложены конкретные мероприятия, реализация которых, в первую очередь направлена на борьбу с коррупцией в системе государственной службы в стране.

Ключевые слова: государственная служба, государственный служащий, государственный аппарат, отбор, конкурс.

Development of the civil service system in the Republic of Kazakhstan: priority directions and prospects

Kydyrbayeva Elmira Omirserikovna
Doctor of Philosophy, Head of the Department of Public Administration and Management
Zhetysu University named after Ilyas Zhansugurov
Taldykorgan, Republic of Kazakhstan
e-mail: ekydyrbaeva@mail.ru

Sadvakasova Aygul Baginbayevna
Doctor of Economics, professor of the Department of Public Administration and Management
Zhetysu University named after Ilyas Zhansugurov
Taldykorgan, Republic of Kazakhstan
e-mail: aigulbaginbay@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the issues and priority directions of development of the civil service system in the Republic of Kazakhstan. The main stages of the development of the civil service system in the country from the moment of gaining independence have been studied, the main directions and features of its development have been determined, the normative legal documents governing the civil service in the Republic of Kazakhstan have been outlined. The issues of the formation of the state apparatus, professional development and ensuring the social level of civil servants, personnel policy and electronic personnel management system, issues of ethics and honor of civil servants, selection procedures for the civil service are considered. To improve the system of civil service in the Republic of Kazakhstan, the authors proposed specific measures, the implementation of which, first of all, is aimed at combating corruption in the system of civil service in the country.

Key words: civil service, civil servant, state apparatus, selection, competition.

С момента получения независимости Республики Казахстана (далее по тексту — РК) система государственной службы страны прошла много этапов развития, которые имеют свои приоритеты и особенности.

За 20-летний период независимого Казахстана проведено очень масштабное дело в системе государственной службы, в связи с чем развитие системы государственной службы в стране необходомо рассмотреть поэтапно.

Первым этапом развития системы государственной службы можно назвать период с 1992 по 1997 гг. В эти годы была принята «Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства», велась активная работа во формированию государственного аппарата, который сможет правильно реализовать поставленные перед страной цели и задачи. Основными направлениями в сфере государственной кадровой политики было повышение квалификации и социального уровня государственных служащих [1]. Для стимулирования государственных служащих к добросовестному труду законодательно закреплено приоритетное право на служебное продвижение служащих, добившихся лучших результатов в работе и постоянно повышающих свой профессиональный уровень [2].

Второй этап развития системы государственной службы охватывает 1997–2012 гг. В эти годы была разработана долгосрочная стратегия развития страны, приоритетным направлением которой являлось создание эффективного и современного кадрового состава государственных служащих. В целях реализации единой политики в сфере государственной службы в 1998 г. создано Агентство по делам государственной службы, которое подчиняется главе государства. В 1999 г. был принят закон «О государственной службе», который определил дальнейшее развитие государственной службы в стране [3].

В данный период государственные служащие юридически делились на политических и административных. Система отбора была изменена, основываясь на принципах меритократии. В 2005 г. был утвержден Кодекс чести государственных служащих, расширены требования к их поведению. Утверждены антикоррупционные стандарты поведения, требования к стилю одежды, урегулированы вопросы участия сотрудников в религиозных и общественных объединениях [4].

Третий этап развития государственной службы охватывает период с 2012 г. по настоящее время. Главой государства была поставлена задача по формированию профессиональногго государственного аппарата. В 2015 г. был принят закон «О государственной службе Республики Казахстан», в соответствии с которым система государственной службы перешла к «карьерной» модели. В этот период на законодательной основе была обеспечена прозрачность процедур отбора на государственную службу, введен институт наблюдателей и экспертов, для автоматизации кадровой службы создана электронная система управления персоналом [5]. Особое внимание было уделено правилам соблюдения этики. В 2016 г. дисциплинарные советы были переименованы в советы по этике. Законом было введено понятие проступков, порочащих репутацию государственной службы. Был сформирован молодежный кадровый резерв, что позволило мобилизовать прогрессивно мыслящих молодых лидеров и мотивировать молодежь.

В 2021 г. приняты меры, направленные на совершенствование законодательства о государственной службе и устранение правовых пробелов, возникающих на практике.

Несмотря на проделанную работу, в сфере развития системы государственной службы в РК имеются проблемы, требующие решения. Для совершенствования системы государственной службы в РК необходимо:

Нумерованный список со скобкой после цифры:

1) повышение уровня доверия населения к системе конкурентного отбора кадров на государственную службу;
2) повышение уровня доверия государственных служащих к соблюдению органами меритократии;
3) совершенствование структуры государственных органов (при принятии управленческих решений необходимо обеспечить комплексность в деятельности государственных органов);
4) повышение заработной платы государственных служащих в соответствии с реальными результатами работы;

5) совершенствование системы подготовки, переподготовки и обучения государственных служащих;
6) повышение роли кадровых служб в управлении персоналом государственных органов и совершенствование работы системы электронных услуг;
7) снижение затрат времени и труда кадровых служб на получение и обработку информации;
8) автоматизация системы оценки управления персоналом государственных органов;
9) совершенствование этических норм и антикоррупционного законодательства, а также системы контроля за их соблюдением.

Все вышеперечисленные меры и логика административной реформы направлены на борьбу с коррупцией в системе государственной службы.

Таким образом, на любом этапе система государственной службы постоянно совершенствуется с учетом современных требований. За короткий срок РК создала современный профессиональный государственный аппарат, отвечающий передовым международным стандартам и способный вывести нацию в тридцатку развитых стран мира.

Список литературы

1. О государственной службе: Закон РК от 23.07.1999 № 453-1 // Ведомости Парламента РК. 1999. № 21.

2. Положение об Агентстве РК по делам государственной службы: утверждено Указом Президента РК от 03.12.1999 №280 // САПП РК. 1999. № 54. Ст. 532.

3. Байменов А. Государственная служба. Международный опыт. Казахстанская модель. Астана: Фолиант, 2000. 147 с.

4. Ишмухамедова А. К. Правовые основы классификации должностей государственных служащих Республики Казахстан: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Алматы, 2002. 28 с.

5. Кегембаева Ж. А. Проблемы юридической ответственности должностных лиц в государственном управлении по законодательству Республики Казахстан: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Алматы, 2006. 25 с.

References

1. On public service: Law of the Republic of Kazakhstan dated 07.23.1999 No. 453-1 // Bulletin of the Parliament of the Republic of Kazakhstan. 1999. No. 21.

2. Regulations on the Agency of the Republic of Kazakhstan for Civil Service Affairs: approved by the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated 03.12.1999 No. 280 // SAPP RK. 1999. No. 54. Art. 532.

3. Baymenov A. State service. International experience. Kazakhstan model. Astana: Foliant, 2000. 147 p.

4. Ishmukhamedova A. K. Legal basis for the classification of positions of civil servants of the Republic of Kazakhstan: author. diss. ... Cand. lagal sciences. Almaty, 2002. 28 p.

5. Kegembaeva J. A. Problems of legal responsibility of officials in public administration under the legislation of the Republic of Kazakhstan: author. diss. ... Cand. legal sciences. Almaty, 2006. 25 p.

УДК/UDC 330.14

Технологии искусственного интеллекта при построении самообучающейся системы электронного документооборота

Кубарский Александр Вячеславович
аспирант
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail: sasha.kub95@mail.ru
SPIN-код: 7397-6990

Аннотация

Информационный век и непрерывное развитие цифровых технологий ставят перед современным бизнесом ряд жизненно важных задач по обеспечению своей стратегической конкурентоспособности в непрерывно изменяющемся глобальном экономическом пространстве. Для совершенствования функционирования предприятия целесообразно обеспечить эффективный документооборот всех бизнес-процессов. На протяжении долгого времени разрабатываются альтернативные системы электронного документооборота, успешное внедрение которых уже на текущий момент позволяет рационализировать многие бизнес-операции. В данной статье предлагается рассмотреть возможность использования технологии искусственного интеллекта для развития системы электронного документооборота, учитывая необходимость выстраивать алгоритмы ее самообучения. Актуальность исследований в данном направлении подтверждается непрерывным ростом вычислительных мощностей, что позволяет обеспечить дальнейшее развитие автоматизации производства и широкомасштабную разработку системы искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, система электронного документооборота, цифровые технологии, самообучающийся документооборот, инновации.

Intelligence technologies in the construction of a self-learning electronic document management system

Kubarskiy Aleksandr Vyacheslavovich
postgraduate student
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
St. Petersburg, Russia
e-mail: sasha.kub95@mail.ru
SPIN Code: 7397-6990

Abstract

The information age and the continuous development of digital technologies pose several vital tasks for modern business to ensure its strategic competitiveness in the continuously changing global economic space. To improve the functioning of the enterprise, it is advisable to ensure an effective document flow of all business processes. For a long time, alternative electronic document management systems have been developed, the successful implementation of which already now allows us to rationalize many business operations. In this article, it is proposed to consider the possibility of using artificial intelligence technology for the development of an electronic document management system, considering the need to build algorithms for its self-learning. The relevance of research in this direction is confirmed by the continuous growth of computing power, which allows for further development of production automation and large-scale development of an artificial intelligence system.

Key words: artificial intelligence, electronic document management system, digital technologies, self-learning document management, innovations.

Традиционный бумажный документооборот, который до сих пор реализуется на многих предприятиях, серьезно затрудняет рациональное выполнение бизнес-процессов. Трансакционные издержки и денежные затраты определяют острую необходимость совершенствования системы корпоративного документооборота. На помощь приходят современные технологии, обеспечивающие перевод процессов документооборота в цифровое поле. Качественное использование цифровых технологий поз-

воляет унифицировать документооборот, например, на основе создания типовых формуляров. Наиболее актуальным направлением в современной бизнес-среде является применение технологий искусственного интеллекта (далее по тексту — ИИ) при цифровой обработке корпоративных документов [1].

Цифровая трансформация обусловила создание совершенно новых технологий управления, где человек является вторичным элементом управления. Такие технологии, как blockchain, виртуальная реальность, IT-управление и ИИ, позволили качественно новым образом выстроить бизнес-процессы, а практическое применение инновационных элементов в достижении конкурентных преимуществ стало весомым фактом в пользу осуществления дальнейшего технологического обновления. Необходимо отметить, что для построения самообучающейся системы электронного документооборота требуется выработать соответствующую модель инновационной системы менеджмента качества, что в российских условиях затрудняется в связи с нестабильной экономической средой [2].

Возможность моделирования больших объемов данных позволяет с помощью обучения алгоритмов разработать элементы предсказательной аналитики, автоматизация которой на базе ИИ предоставляет возможность выявить альтернативы действий при построении системы электронного документооборота (ECM-системы). Так, возможность хранить большой объем данных в структурированной и неструктурированной форме имеет высокую ценность для предприятия, следовательно использование «умного» электронного документооборота способствует более полезному использованию документов с наибольшей эффективностью. При этом если структурированные данные активно используются в отчетности, то ИИ открывает ряд возможностей для использования неструктурированного контента при улучшении функционирования бизнес-процессов [3; 4].

При наличии достаточного объема информации, необходимого для построения аналитических алгоритмов корпоративной ECM-системы, допустимо использовать структурированные метаданные для дальней-

шей обработки неструктурированных данных. Совершенствование формальных правил обработки приводит к появлению новых технологий внедрения ИИ в систему документационного обеспечения, однако использование информационных элементов позволяет многократно повысить вычислительные мощности и повысить качество автоматизации документооборота за счет его дальнейшего самообучения. Высокая актуальность применения информационных компьютерных технологий повышается в условиях реализации инновационной деятельности [1; 5].

Развитая информационная система документооборота с элементами интеллектуального самообучения открывает ряд возможностей для поддержания жизненного цикла информации и ее рационального использования. В рамках данного направления включаются такие элементы, как обработка данных на входе, управление информацией и расширение знаниеемкого аппарата. Результатом становится повышение эффективности бизнес-процессов, однако для их реализации требуется увеличить объемы информации. На рис. 1 представлен сравнительный анализ классической (верхний алгоритм) и самообучающейся (нижний алгоритм) ЕСМ-системы.

Сравнительный анализ системы электронного документооборота

Рисунок 1

Если рассмотреть статистику, то роботизация бизнес-процессов, развитие нейронных сетей и внедрение ИИ уже заняли свое место в корпоративном сегменте. Так, благодаря ИИ предприятия существенно сокращают ресурсы на выполнение однотипной работы (до 80%). С помощью автоматизации:

1) налаживается непрерывная аналитика поступающей документации;
2) обеспечивается управление дебиторской задолженностью (потенциал около 50%);
3) более точно предсказываются потенциальные доходы предприятия (до 40%);
4) происходит ускорение обработки документации по выставлению счетов и получению платежей (до 45%);
5) более полно отражается расходная часть бизнеса (до 40%);
6) ускоряется подтверждение операций и сверка их на соответствие нормативам (до 90%);
7) эффективно обеспечивается контроль за налоговым (до 25%) и управленческим учетом (до 75%) и т. д. [6].

Однако ИИ не может быть эффективным на 100%, поскольку неопределенность информации и непредсказуемость отдельных явлений создает ошибки. Ускорение процессов электронного документооборота безусловно повышает эффективность бизнес-процессов, однако излишне радикальный подход к данному процессу может привести к серьезным экстерналиям. Следовательно, любые кардинальные изменения должны учитывать потенциальные ошибки, что не позволяет функционировать ИИ полностью автономно без присутствия человека.

Таким образом, самообучающиеся системы электронного документооборота хоть и ускоряют процессы обработки документов, но не изменяет сути этих процессов. Во многом эффективность технологии ИИ при построении самообучающейся системы электронного документооборота определяется ее возможностью анализировать накопления информации об уже реализованных сценариях ее обработки, что серьезно сокращает ошибки. Классическим направлением использования самообучающейся системы электронного документооборота может выступать проверка работы на антиплагиат, поиск аналогов текстов, автоматическое создание заданий или определение процессов обработки для конкретного типа документов, обработка в регламентированные сроки типовых обращений и

«умный» поиск необходимых документов. Перечисленные примеры направлены на уменьшение трансакционных издержек в задачах документооборота.

Использование машинного обучения сделало доступным и относительно недорогостоящим применение самообучающихся ECM-систем. Тем не менее, несмотря на их высокую эффективность, есть целый ряд проблем, которые в ближайшее время потребуется разрешить путем расширенного развития технологий самообучения. Например, работа над орфографией и пунктуацией в тексте, анализ информативности, рационализация входных данных на основе обработки метаданных, реализация механизмов индексации документооборота для улучшения мониторинга, обеспечение кибербезопасности. Активное использование алгоритмов самообучения данных технологий с учетом потенциального возникновения ошибок позволит минимизировать трудоемкость бизнес-процессов, а на основе интеграции ECM-систем в стратегию корпоративного управления возможно перевести бизнес-процессы на новый уровень. Искусственный интеллект постоянно расширяет сферу своего применения, а его использование в области документооборота является одним из наиболее значимых направлений рационализации внутренней системы управления, что на практике уже на текущей момент приносит положительный эффект и обуславливает перспективы развития.

Список литературы:

1. Андреева Д. Б., Давыдова М. И., Виниченко М. В. Перспективы использования технологий искусственного интеллекта в системах автоматизации документооборота // Новое поколение. 2019. № 20. С. 1–6.

2. Рогозина Е. А., Филимонихина Т. В., Дмитриев Н. Д. Построение инновационной системы менеджмента качества // Стратегии бизнеса. 2020. № 2. С. 45–49.

3. Горюнова В. В., Горюнова Т. И. Использование онтологически-ориентированных баз знаний в системах электронного документооборота // Инновационные, информационные и коммуникационные технологии. 2019. № 1. С. 154–156.

4. Дмитриева Н. В., Кокорина И. С. Потребности организаций в улучшении бизнес-процессов // В сборнике: Наука и образование: актуальные вопросы, про-

блемы теории и практики. Сборник научных трудов Национальной (всероссийской) научно-практической конференции. 2020. С. 638–644.

5. Алферьев Д. А., Родионов Д. Г. Место современных информационных компьютерных технологий в управлении инновационной деятельностью промышленных предприятий // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 9-2. С. 199–203.

6. Садовая Е. С., Сауткина В. А., Зенков А. Р. Формирование новой социальной реальности: технологические вызовы. М.: ИМЭМО РАН, 2019. 190 с.

References:

1. Andreeva D. B., Davydova M. I., Vinichenko M. V. Prospects for the use of artificial intelligence technologies in document flow automation systems // New generation. 2019. No. 20. Pp. 1–6.

2. Rogozina E. A., Filimonikhina T. V., Dmitriev N. D. Building an innovative quality management system // Business strategies. 2020. No. 2. Pp. 45–49.

3. Goryunova V. V., Goryunova T. I. The use of ontologically-oriented knowledge bases in electronic document management systems // Innovative, information and communication technologies. 2019. No. 1. Pp. 154–156.

4. Dmitrieva N. V., Kokorina I. S. The needs of organizations to improve business processes // In the collection: Science and education: topical issues, problems of theory and practice. Collection of scientific papers of the National (All-Russian) scientific and practical conference. 2020. Pp. 638–644.

5. Alferyev D. A., Rodionov D. G. The place of modern information computer technologies in the management of innovative activities of industrial enterprises // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2020. No. 9-2. Pp. 199–203.

6. Sadovaya E. S., Sautkina V. A., Zenkov A. R. Formation of a new social reality: technological challenges. Moscow: IMEMO RAN, 2019.190 p.

УДК/UDC 332.3

Особенности формирования водоохранных зон в муниципальном образовании городе-курорте Анапа в современных условиях

Яроцкая Елена Вадимовна
кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой землеустройства и земельного кадастра, профессор
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: yarockaya_ev@mail.ru
SPIN-код: 5785-9850

Бармина Валерия Александровна
студентка землеустроительного факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: valeriabarmina@mail.ru

Аннотация

В статье поднимается проблема методики определения формирования водоохранных зон около водных объектов. В качестве примера рассмотрено муниципальное образование город-курорт Анапа, который имеет различные виды водных объектов. В частности, в Анапе существуют такие водные объекты, как лиманы большой площади. Из-за неустановленных водоохранных зон вокруг данных водных объектов возникает высокая антропогенная и транспортная нагрузка, особенно в летний период на границе лимана и Черного моря. Авторами предлагается методика определения водоохранных зон лиманов. Отмечается, что установление границ указанных зон является важным звеном в рациональном использовании земли. Наличие сведений о водоохранных зонах в ЕГРН осведомит землепользователей и землевладельцев о том, что на данной территории устанавливается ограничение в осуществлении определенной деятельности.

Ключевые слова: водоохранная зона, водный объект, лиман.

Features of the formation of water protection zones in the municipal formation of the resort city of Anapa in modern conditions

Yarotskaya Yelena Vadimovna
Candidate of Economics, assistant professor, Head of the Department of Land Management and Land Cadastre, professor
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: yarockaya_ev@mail.ru
SPIN Code: 5785-9850

Barmina Valeriya Aleksandrovna
student of the Land Management Faculty
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: valeriabarmina@mail.ru

Abstract

The article raises the problem of methods for determining the formation of water protection zones near water bodies. As an example, the municipality of the resort city of Anapa, which has various types of water bodies, is considered. In particular, in Anapa there are such water bodies as estuaries of a large area. Due to unidentified water protection zones around these water bodies, there is a high anthropogenic and transport load, especially in summer on the border of the estuary and the Black Sea. The authors propose a method for determining the water protection zones of estuaries. It is noted that the establishment of the boundaries of these zones is an important link in the rational use of land. The availability of information about water protection zones in the USRN will inform land users and landowners that a restriction is established in the implementation of certain activities in this territory.

Key words: water protection zone, water body, estuary.

В настоящее время большое количество земель, примыкающих к границам водных объектов, используется с нарушением. Установление водоохранных зон, в свою очередь, обеспечивает рациональное использо-

вание данной территории, т. к. накладывает ограничения в реализации определенной деятельности в целях минимизации загрязнения водных объектов.

Актуальность статьи заключается в том, что водоохранная зона является зоной с особыми условиями использования территории, в связи с чем возникает необходимость рационального использования данной зоны, а также обеспечения ее правовой охраны. В соответствии с принятием Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 342-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» границы всех зон с особыми условиями использования территории необходимо установить до 1 января 2025 г. [1].

Так, проанализируем организацию установления водоохранных зон водных объектов на территории муниципального образования город-курорт Анапа (далее по тексту — Анапа). На территории Анапы располагаются такие водные объекты, как р. Сукко, р. Анапка, р. Котлома, р. Гастогайка, р. Чекон, Чембурское озеро, Витязевский лиман, Кизилташский лиман.

В целях выявления установленных водоохранных зон в Анапе были проанализированы сведения из Единого государственного реестра недвижимости (далее по тексту — ЕГРН). Выяснилось, что на территории Анапы отсутствуют установленные водоохранные зоны у следующих водных объектов: Чембурское озеро, Витязевский лиман, Кизилташский лиман. Возникает необходимость установления водоохранных зон данных водных объектов и внесения сведений о них в ЕГРН [2].

Особенностью водных объектов на территории Анапы является наличие лиманов. При этом статус водного объекта «лиман» имеет неоднозначный характер. Это выражается в том, что понятие «лиман» не имеет четкого закрепления в законодательстве. Из этого вытекает ряд проблем: отсутствие установленной береговой линии и водоохранной зоны данного объекта, государственного регулирования водного объекта.

Ст. 5 Водного кодекса Российской Федерации [3] относит водный объект «лиман» к поверхностным водам, наряду с бухтами, проливами и заливами. Установление водоохранной зоны, а также внесение сведений о ней в ЕГРН и в Публичную кадастровую карту (далее по тексту — ПКК) в первую очередь происходит по отношению к тем лиманам, которые впадают в море. Сведения о водоохранных зонах лиманов, которые являются обособленными, не отображаются на ПКК, ввиду этого имеют «шаткий» правовой режим. На примере Витязевского и Кизилташского лиманов можно сказать, что данные водные объекты имеют большую антропогенную и транспортную нагрузку в летний период. Самовольный захват земель вблизи данных водных объектов, неорганизованное передвижение транспортных средств, стоянка транспортных средств, эксплуатация ценных ресурсов водных объектов все эти нарушения возникают из-за неустановленных водоохранных зон, которые, в свою очередь, несут функцию контроля данной зоны.

Данные проблемы носят системный характер (рис. 1).

Пример нарушения законодательства вблизи водного объекта

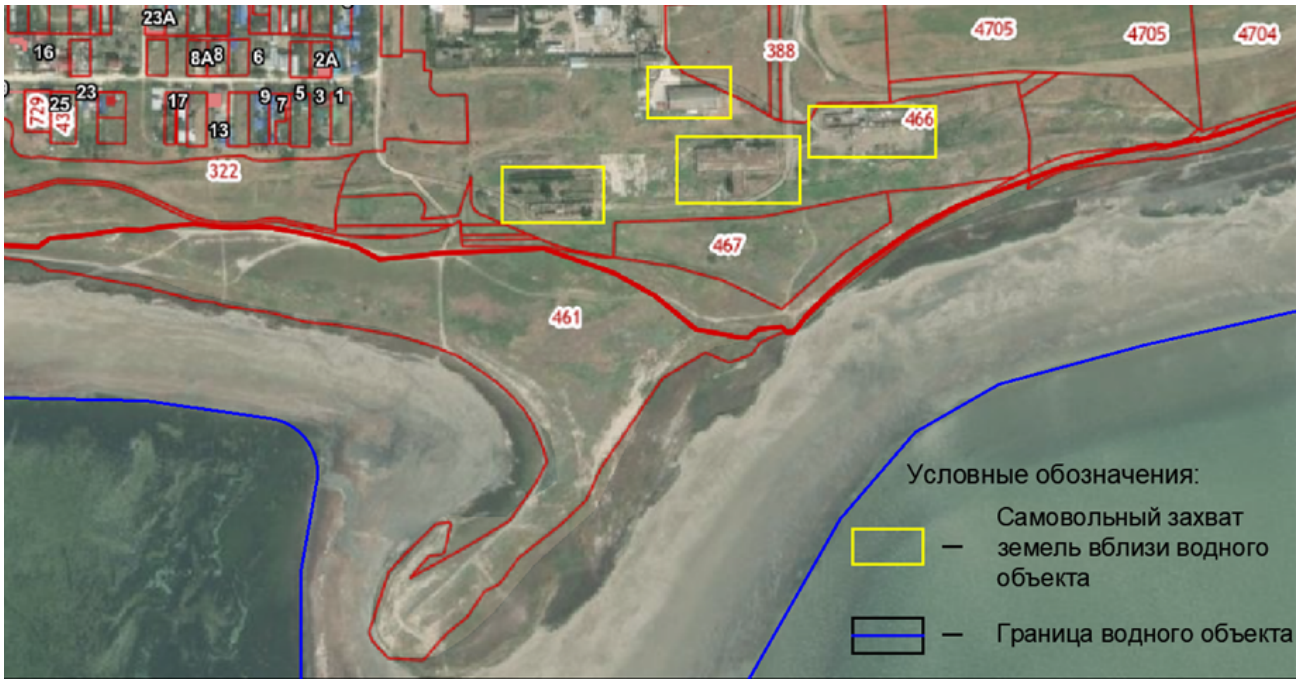

Рисунок 1

Главный инструмент устранения всех нарушений вблизи водных объектов — это установление водоохранной зоны и отображение данной зоны на ПКК. Это будет служить информационным источником для землевладельцев и землепользователей объектов недвижимости вблизи водного объекта [4; 5].

В настоящее время нет конкретных методических рекомендаций по установлению границ водоохранных зон и прибрежных защитных полос. В связи с этим исполнители работ по установлению границ руководствуются одним из трех условно сформированных подходов:

1) нормативный подход,
2) формализованный подход,
3) ландшафтный подход.

Каждый из этих подходов используется по отдельности и применяется в зависимости от сложности ситуации и пожеланий заказчика работ. На наш взгляд, необходимо преобразовать требования к установлению границ водоохранных зон посредством введения единого подхода, который будет иметь четкий алгоритм выполнения работ, а также создать нормативный документ, который мог бы регламентировать данный процесс [6].

Установление границ водоохранной зоны и прибрежных защитных полос включает систему полевых и камеральных работ, которые прописываются в техническом задании.

Предлагается установить водоохранные зоны вышеупомянутых водных объектов и рассчитать сметную стоимость установления водоохранных зон с целью внесения полученных сведений в ЕГРН [7].

Для того чтобы рассчитать сметную стоимость указанных работ, требуется следующая информация о границах каждого водного объекта: протяженность, количество характерных точек. Данная информация хранится в векторном формате в Управлении архитектуры и градостроительства соответствующего муниципального образования, но поскольку данная информация не разглашается, проведем оцифровку водных объ-

ектов в программном обеспечении AutoCAD для получения необходимых данных.

Преследуя цель точности установления границ береговой линии, в качестве еще одного картографического материала, который будет служить растровой основой, будем использовать космоснимок из программы SASPlanet.

При сравнивании двух картографических основ обеспечится максимальная точность установление границ муниципального образования и береговой линии. Фрагмент космоснимка представлен на рис. 2.

Фрагмент космоснимка Анапы в программе SASPlanet

Рисунок 2

Собрав всю исходную информацию необходимо сделать привязку растрового изображения границ к векторным изображениям границ Анапы. Затем выполняется привязка растровых изображений друг к другу: космоснимок привязывается к растру с границами Анапы. Далее при помощи инструмента «Полилиния» необходимо уточнить границу Анапского района и оцифровать водные объекты. Важно чтобы создаваемый контур был замкнутым. При помощи программ «Нумерация вершин по-

лилинии» и «Экспорт координат» можно автоматически получить координаты характерных точек береговой линии.

На рис. 3 представлен оцифрованный картографический материал.

Оцифрованный картографический материал

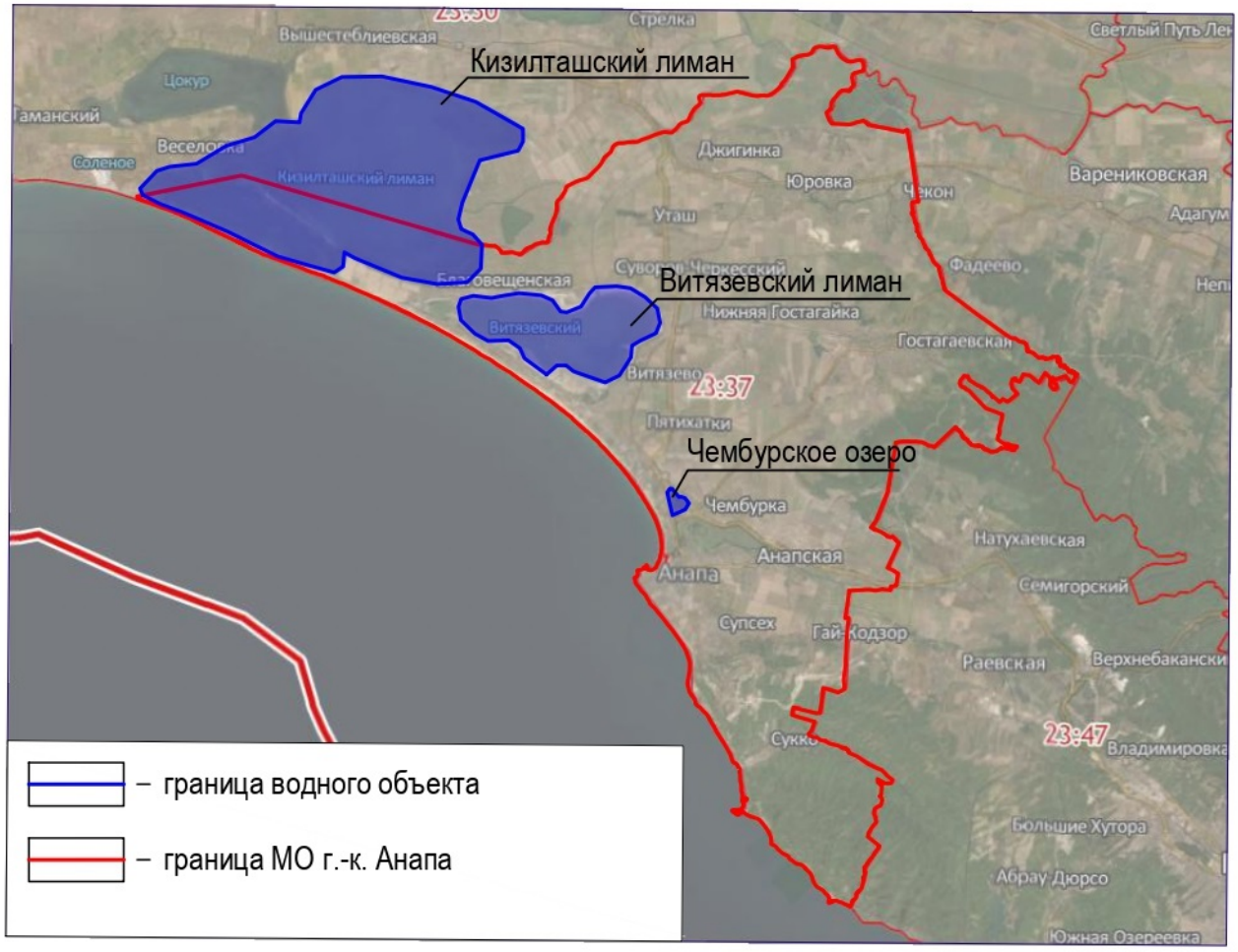

Рисунок 3

Таким образом, посредством оцифровки картографического материала в программном обеспечении AutoCAD была получена и извлечена информация, которая требуется для расчета сметной стоимости работ по установлению границ водоохранных зон.

Полученная информация при проделанной работе оцифровки картографического материала сведена в табл. 1.

Полученная исходная информация

Наименование водного объекта	Протяженность, км	Среднее количество характерных точек на 1 км
Кизилташский лиман	64,55	2
Витязевский лиман	36,99	3
Чембурское озеро	5,25	5

Таблица 1

Проделав всю предварительную работу и получив необходимую исходную информацию, можно приступать к расчету сметной стоимости. Изучив практику составления смет на установление границ водоохранных зон, мы пришли к выводу, что нет единой установленной формы составления сметы на данные виды работ [8].

Исполнитель работ в лице землеустроительной организации определяет содержание сметы в зависимости от сложности работ, территориального расположения объекта, природного ландшафта. Основой для составления сметы является сборник цен и общественно необходимых затрат труда (ОНЗТ), который применяется при изготовлении изыскательской и проектной продукции в области землеустройства, кадастра и геодезии. Данный сборник разработан в 1996 г., вследствие чего представленные в нем цены необходимо учитывать с коэффициентом инфляции.

Согласно нашим расчетам сумма установления границ водоохранных зон трех водных объектов составила 476 196 руб. При выполнении расчетов учитывался коэффициент инфляции, который составляет 14,68. Данный коэффициент установлен для первого квартала 2021 г. для Европейской части Российской Федерации.

Также следует отметить, что в расчет не были включены такие работы, как рекогносцировка местности, установление на местности информационных знаков, составление карты крутизны склонов. В табл. 2 представлены технико-экономические показатели.

Технико-экономические показатели работы

Показатель	Значение
Местоположение проведения работ	Анапа
Количество водных объектов без установленной водоохранной зоны, шт	3
Общая протяженность границ водных объектов в Анапе, км	106,79
Среднее количество поворотных точек на 1 км границы, шт	3
Стоимость проведения работ, руб.	467 196
Срок выполнения работ, мес.	3

Таблица 2

Таким образом, установление границ водоохранных зон является важным звеном в рациональном использовании земли. Наличие сведений о водоохранных зонах в ЕГРН осведомит землепользователей и землевладельцев о том, что на данной территории устанавливается ограничение в осуществлении определенной деятельности.

Список литературы:

1. Градостроительный Кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru /documentcons_doc_LAW_51040/ (дата обращения: 10.06.2021).

2. Официальный сайт администрации муниципального образования город-курорт Анапа. URL: https://www.anapa-official.ru (дата обращения 10.06.2021).

3. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons$_d oc_L AW_6$0683/(: 10.06.2021).

4. Митенева Е. В., Уварова Л. Е. Актуальные проблемы использования земель в границах зон с особыми условиями использования территории // Роль молодых ученых в решении актуальных задач АПК. Сборник по материалам международной научно-практической конференции молодых ученых. 2018. С. 270–273.

5. Яроцкая Е. В. К вопросу оценки эффективности использования земель // Кадастровое и эколого-ландшафтное обеспечение землеустройства в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции факультета землеустройства и кадастров ВГАУ. 2018. С. 267–271.

6. Чилингер Л. Н. Методический подход к установлению границ зон с особым водным режимом: обоснование и технологическая схема реализации // Вестник

СГУГиТ (Сибирского государственного университета геосистем и технологий). 2019. Т. 24. № 3. С. 222–237.

7. Абуова Г. Б., Масютин Н. С., Москвичева Е. В. Экологическое состояние водных объектов в южном регионе России // Инженерно-строительный вестник Прикаспия. 2018. № 4 (26). С. 35–39.

8. Шпендик Н. Н., Шешко Н. Н. Нормативно-научные подходы к установлению водоохранных зон водных объектов // Экологическое состояние природной среды и научно-практические аспекты современных мелиоративных технологий. Сборник научных трудов по материалам заочной международной научной конференции. Под общ. ред. Ю. А. Мажайского, В. И. Желязко. 2020. С. 295–296.

References:

1. Urban Planning Code of the Russian Federation of December 29, 2004 No. 190-FZ (as revised on July 2, 2021) // Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/ (access date: June 10, 2021).

2. The official website of the administration of the municipality of the resort town of Anapa. URL: https://www.anapa-official.ru (access date: June 10, 2021).

3. Water Code of the Russian Federation dated 03.06.2006 No. 74-FZ // Consultant Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons$_d oc_L AW_6$0683/$(accessdate : June 10, 2021)$.

4. Miteneva E. V., Uvarova L. E. Actual problems of land use within the boundaries of zones with special conditions for the use of the territory // The role of young scientists in solving urgent problems of the agro-industrial complex. Collection based on the materials of the international scientific-practical conference of young scientists. 2018. Pp. 270–273.

5. Yarotskaya E. V. On the issue of assessing the efficiency of land use // Cadastral and ecological-landscape support of land management in modern conditions. Materials of the international scientific-practical conference of the Faculty of Land Management and Cadastres of the VSAU. 2018. Pp. 267–271.

6. Chilinger L. N. Methodical approach to establishing the boundaries of zones with a special water regime: justification and technological scheme of implementation // Bulletin of SSUGiT (Siberian State University of Geosystems and Technologies). 2019. Vol. 24. No. 3. Pp. 222–237.

7. Abuova G. B., Masyutin N. S., Moskvicheva E. V. Ecological state of water bodies in the southern region of Russia // Engineering and construction bulletin of the Caspian Sea region. 2018. No. 4 (26). Pp. 35–39.

8. Shpendik N. N., Sheshko N. N. Normative and scientific approaches to the establishment of water protection zones of water bodies // Ecological state of the natural

environment and scientific and practical aspects of modern reclamation technologies. Collection of scientific papers based on the materials of the international scientific conference. Under total. ed. Yu A. Mazhaisky, V. I. Zelazko. 2020. Pp. 295–296.

УДК/UDC 342.7

Проблема равноправия мужчин и женщин в Российской Федерации

Андреева Мария Александровна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: maria.andr.2020@mail.ru

Аннотация

Данная статья посвящена анализу принципа равноправия мужчин и женщин в Российской Федерации. Рассматриваются причины гендерного неравноправия, исследуются положения Конституции Российской Федерации, Трудового кодекса Российской Федерации и ряда других нормативно-правовых актов, препятствующих реализации принципа равноправия мужчин и женщин. Анализируется современная научная литература. Отмечается, что проблема равноправия мужчин и женщин является важной для юридической науки, а степень и пути ее решения отражают уровень развития демократии в России. Также в статье рассматривается опыт зарубежных стран, в частности Швеции, в решении проблемы гендерного неравенства. В заключении автор приходит к выводу о необходимости создания в России государственных органов, деятельность которых будет направлена на борьбу с дискриминацией по половому признаку.

Ключевые слова: принцип равноправия, гендерное неравенство, права и свободы, дискриминация.

The problem of equality of men and women in the Russian Federation

Andreyeva Mariya Aleksandrovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: maria.andr.2020@mail.ru

Abstract

This article is devoted to the analysis of the principle of equality of men and women in the Russian Federation. The reasons for gender inequality are considered, the provisions of the Constitution of the Russian Federation, the Labor Code of the Russian Federation and a number of other normative legal acts that impede the implementation of the principle of equal rights for men and women are examined. The modern scientific literature is analyzed. It is noted that the problem of equality between men and women is important for legal science, and the degree and ways of its solution reflect the level of development of democracy in Russia. The article also examines the experience of foreign countries, in particular Sweden, in solving the problem of gender inequality. In conclusion, the author comes to the conclusion that it is necessary to create state bodies in Russia, whose activities will be aimed at combating gender discrimination.

Key words: principle of equality, gender inequality, rights and freedoms, discrimination.

Проблемы социальной справедливости, гендерного неравенства, равноправия мужчин и женщин являются важными для юридической науки, а степень и пути их решения отражают уровень развития демократии в государства. Гендерное равенство — это концепция, подразумевающая достижение равенства в правах между мужчиной и женщиной в различных сферах жизни.

В современной России равенство между мужчиной и женщиной закрепляется в Конституции Российской Федерации, семейном, трудовом, гражданском и уголовном законодательстве. В частности, Уголовный кодекс Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ) устанавливает уголовную ответственность за нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина (ст. 136 УК РФ) [1].

В соответствии со ст. 19 Конституции Российской Федерации «мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности их реализации», однако практика показывает обратное [2].

Так, в Федеральном законе от 3 октября 2018 г. № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» говорится о том, что

мужчины выходят на пенсию в 65 лет, а женщины — на 2 года раньше [3].

Другой пример нарушения принципа гендерного равенства можно найти в ст. 17 Семейного кодекса Российской Федерации, где говорится о том, что муж не имеет право без согласия жены возбуждать дело о расторжении брака во время беременности жены и в течение года после рождения ребенка [4]. Здесь ограничиваются исключительно права мужчины, женщина в этом случае полностью сохраняет свои права на развод.

Неравноправие полов на законодательном уровне встречается и в отношении женщин. Так, например, в соответствии со ст. 253 Трудового кодекса Российской Федерации устанавливается перечень производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин, и предельно допустимые нормы нагрузок для женщин при подъеме и перемещении тяжестей вручную [5].

Ярким примером обеспечения гендерного равноправия является законодательство Швеции, которое закрепляет равное распределение рабочих мест между мужчинами и женщинами. Также законодательство Швеции предусматривает равные права обоих родителей на декретный отпуск и обязывает каждого из родителей взять минимум 90 дней отпуска по уходу за ребенком, а остальные 300 дней поделить по своему усмотрению [6].

Важное значение в законодательном регулировании гендерного равноправия играет деятельность специально уполномоченных органов. В большинстве стран мира созданы самостоятельные органы государственной власти, деятельность которых направлена на соблюдение принципа равноправия полов. Например, в Чехии — Правительственный совет по обеспечению равных возможностей для мужчин и женщин, в Дании — Департамент и Совет по гендерному равенству и т. д. [7]. В Российской Федерации на данный момент не существует специального органа, который бы занимался подобной деятельностью». Следует отметить, что

по итогам 2016 года 41% руководящих должностей в России занимают женщины. Это хороший показатель, характеризующий степень участия женщин в принятии решений в обществе [8].

Кроме того, с каждым годом все больше мужчин стали уходить в отпуск по уходу за ребенком. Так, в 2018 г. около 13 тыс. мужчин ушли в декретный отпуск [9]. Это большой шаг к равноправию, который показывает, что право на декретный отпуск имеют не только женщины, но и мужчины.

Таким образом, законодательство Российской Федерации содержит нормы, нарушающие равноправие мужчин и женщин в государстве. Традиционные представления в обществе о социальных ролях мужчин и женщин являются существенным препятствием, ограничивающим возможности граждан в полной мере пользоваться всеми правами и свободами. Несмотря на работу активистских организаций, проблема дискриминации по половому признаку сегодня остается актуальной, что делает ее перспективной для дальнейшего исследования.

По мнению автора, для разрешения выделенных в статье проблем необходимо:

1) бороться с гендерной дискриминацией при найме на работу посредством равного распределения рабочих мест на предприятиях между мужчинами и женщинами (например, путем внесения в трудовое законодательство изменений, которые будут в полном объеме обеспечивать гендерное равноправие и исключать дискриминацию по половому признаку);
2) создать государственные органы, деятельность которых будет направлена на борьбу с гендерным неравенством.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий: Федеральный закон от 03.10.2018 № 350-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 41. Ст. 6190.

4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

6. Lag (1979: 1118) om jämställdhet mellan kvinnor och män i arbetslivet / Закон (1979: 1118) о равенстве женщин и мужчин в трудовой жизни // Sveriges Riksbank. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/lag-19791118om-jamstalldhet-mellan-kvinnor$_sfs - 1979 - 1118(: 25.04.2021)$.

7. Штылева М. В. Реализация политики гендерного равенства в странах Северной Европы // Женщина в российском обществе. 2012. № 1. С. 67–80.

8. Какителашвили М. М. О дискриминации по гендерному принципу // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 6. С. 95–99.

9. Кармаева Т. Н. Ущемление прав мужчин в России // Сборник статей по материалам 74-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2018 год. Отв. за вып. А. Г. Кощаев. 2019. С. 1195–1196.

References:

1. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

2. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Collection of the Legislation. 1994. No. 32. Art. 3301.

3. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation on the appointment and payment of pensions: Federal Law dated 03.10.2018 No. 350-FZ // Collection of the Legislation. 2018. No. 41. Art. 6190.

4. Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995 No. 223-FZ // Collection of the Legislation. 1996. No. 1. Art. 16.

5. Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 No. 197-FZ // Collection of the Legislation. 2002. No. 1 (part 1). Art. 3.

6. Lag (1979: 1118) om jämställdhet mellan kvinnor och män i arbetslivet / Law (1979: 1118) on the equality of women and men in working life // Sveriges Riksbank. URL:

https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/lag-19791118om-jamstalldhet-mellan-kvinnor$_s fs - 1979 - 1118(accessdate : April 25, 2021)$.

7. Shtyleva M. V. Implementation of the policy of gender equality in the Nordic countries // Woman in Russian society. 2012. No. 1. Pp. 67–80.

8. Kakitelashvili M. M. On gender discrimination // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2016. No. 6. Pp. 95–99.

9. Karmaeva T. N. Infringement of the rights of men in Russia // Collection of articles based on the materials of the 74th scientific-practical conference of students on the results of research in 2018. Resp. for issue. A. G. Koschaev. 2019. Pp. 1195–1196.

УДК/UDC 349.2

Особенности предоставления ежегодного основного оплачиваемого отпуска работникам агропромышленного комплекса

Катанян Александр Макичевич
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: gogse@mail.ru

Аннотация

В данной статье автором анализируется особенность предоставления ежегодного основного оплачиваемого отпуска работникам агропромышленного комплекса. Правовое регулирование трудовых отношений между работником агропромышленного комплекса и сельскохозяйственным товаропроизводителем в части охраны труда, заработной платы, учета рабочего времени, времени отдыха обладает определенной спецификой ввиду особенностей осуществляемой хозяйственной деятельности. Отмечается, что правовое регулирование труда работников в сфере агропромышленного комплекса недостаточно урегулировано на законодательном уровне. Ежегодные оплачиваемые отпуска предоставляются работникам агропромышленного комплекса на общих основаниях. По мнению автора, представляется целесообразным включить в действующую редакцию Трудового кодекса Российской Федерации главу «Особенности регулирования труда работников агропромышленного комплекса», в которой следует закрепить как особенности осуществления трудовой функции, так и вопросы предоставления отпусков.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, трудовая функция, работник, работодатель, оплачиваемые отпуск, сельское хозяйство

Specifics of providing annual basic paid leave to employees of the agro-industrial complex

Katanyan Aleksandr Makichevich
student of the Faculty of Law

Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: gogse@mail.ru

Abstract

In this article, the author analyzes the peculiarity of providing annual basic paid leave to employees of the agro-industrial complex. Legal regulation of labor relations between an employee of the agro-industrial complex and an agricultural commodity producer in terms of labor protection, wages, accounting of working hours, rest time has a certain specificity due to the peculiarities of the economic activity carried out. It is noted that the legal regulation of labor of workers in the field of the agro-industrial complex is not sufficiently regulated at the legislative level. Annual paid vacations are provided to employees of the agro-industrial complex on a general basis. In the author's opinion, it seems expedient to include in the current edition of the Labor Code of the Russian Federation the chapter "Peculiarities of labor regulation of workers in the agro-industrial complex in which both the peculiarities of the implementation of the labor function and the issues of granting leave should be fixed.

Key words: agro-industrial complex, labor function, employee, employer, paid leave, agriculture

Агропромышленный комплекс представляет собой объединенную совокупность хозяйственной деятельности, осуществляемой сельскохозяйственными товаропроизводителями, направленную на производство, первичную и последующую переработку сельскохозяйственной продукции (в т. ч. и органической продукции) и реализацию данной продукции.

Необходимо отметить, что правовое регулирование трудовых отношений между работником агропромышленного комплекса и сельскохозяйственным товаропроизводителем в части охраны труда, заработной платы, учета рабочего времени, времени отдыха обладает определенной спецификой ввиду особенностей осуществляемой хозяйственной деятельности [1; 2]. В рамках данного исследования нами будет проанализирована специфика предоставления ежегодного основного оплачиваемого отпуска работникам агропромышленного комплекса.

Отметим, что положения гл. 41 Трудового кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ТК РФ) [3] не регламентируют особенности регулирования труда работников агропромышленного комплекса. Исключение составляют положения гл. 46 «Особенности регулирования труда работников, занятых на сезонных работах», предусматривающие предоставление оплачиваемого отпуска из расчета два рабочих дня за каждый месяц работы при условии закрепления в трудовом договоре положений о характере сезонности работы. В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 апреля 1999 г. № 382-ФЗ «О перечнях сезонных отраслей и видов деятельности, применяемых для целей налогообложения» к проводимым сезонным работам в сфере агропромышленного комплекса относятся: работы в картофелетерочном производстве, работы по заготовке пуха, пера и яиц птицы на складах, заливка овощей и плодов, механизированные работы в полевых условиях, звероводство, заготовки сельскохозяйственного сырья и продукции, выращивание рыбопосадочного материала и рыбы, растениеводство [4].

Однако не для всех категорий работников агропромышленного комплекса допустима сезонность работы, что еще раз подчеркивает актуальность проводимого исследования. Таким образом, к иным отношениям будут применяться общие положения трудового законодательства о предоставлении оплачиваемых отпусков (гл. 19 ТК РФ).

В соответствии с абз. 1 ст. 115 ТК РФ ежегодный оплачиваемый отпуск предоставляется работникам продолжительностью 28 календарных дней. При наличии особых условий труда продолжительность ежегодного оплачиваемого отпуска может устанавливаться в иных временных периодах. Так, например, в соответствии с абз. 5 ст. 23 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» инвалидам предоставляется отпуск не менее 30 календарных дней [5].

Таким образом, время отдыха работников агропромышленного комплекса находится в прямой зависимости от специфики рабочего вре-

мени, условий и стажа работы, а также социального положения работника [6].

Необходимо отметить, что определенная категория работников агропромышленного комплекса также наделена правом на удлиненный отпуск [7]. Так, например, в соответствии со ст. 267 ТК РФ несовершеннолетним работникам гарантируется право на отпуск сроком не менее 31 календарного дня. При этом несовершеннолетний может воспользоваться данным правом в любое удобное для него время.

Кроме того, ввиду специфики трудовых отношений реализация права на отпуск может осуществляться посредством предоставления денежной компенсации пропорционально отработанному времени (например, в отношении сезонных работников и при заключении срочного трудового договора на время выполнения временных работ).

Таким образом, правовое регулирование труда работников в сфере агропромышленного комплекса, обладая своей спецификой, недостаточно урегулировано на законодательном уровне. Ежегодные оплачиваемые отпуска предоставляются работникам агропромышленного комплекса на общих основаниях. На наш взгляд, представляется целесообразным включить в действующую редакцию ТК РФ новую главу «Особенности регулирования труда работников агропромышленного комплекса». В данной главе следует закрепить как особенности осуществления трудовой функции, так и вопросы предоставления отпусков. В частности, ввиду возможного удлиненного рабочего дня и превышения нормы рабочего времени при уборке урожая и сокращения рабочего времени в зимний период следует предусмотреть возможность установления суммированного учета рабочего времени, необходимого при составлении графика отпусков.

Список литературы:

1. Сапфирова А. А., Любофеева Е. А. Трудовой договор с работниками агропромышленного комплекса и договоры гражданско-правового характера: отличительные признаки в правовом регулировании // В сборнике: Актуальные проблемы

гражданского и предпринимательского права: история и современность. Сборник научно-практических статей IV Международной научно-практической конференции (симпозиума) молодых ученых. 2020. С. 253–256.

2. Сапфирова А. А. Правовое регулирование рабочего времени работников агропромышленного комплекса // В книге: Институциональные преобразования АПК России в условиях глобальных вызовов. Сборник тезисов по материалам V Международной конференции. Краснодар, 2020. С. 105.

3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 3.

4. О перечнях сезонных отраслей и видов деятельности, применяемых для целей налогообложения: Постановление Правительства РФ от 06.04.1999 № 382 (ред. от 25.02.2014) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 15. Ст.1827.

5. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4563.

6. Усенко А. С., Кобылинская С. В. К вопросу о совершенствовании институтов права социального обеспечения РФ на основе немецкой социальной системы // В сборнике: Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник статей по материалам IX Всероссийской конференции молодых ученых. Отв. за вып.: А. Г. Кощаев. 2016. С. 595–596.

7. Сапфирова А. А. Правовое регулирование отпусков работников агропромышленного комплекса // В книге: Научно-технологическое обеспечение агропромышленного комплекса России: проблемы и решения. Сборник тезисов по материалам IV Национальной конференции. Отв. за вып. А. Г. Кощаев. 2019. С. 161.

References:

1. Sapfirova A. A., Lyubofeeva E. A. Labor contract with employees of the agro-industrial complex and contracts of a civil nature: distinctive features in legal regulation // In the collection: Actual problems of civil and business law: history and modernity. Collection of scientific and practical articles of the IV International scientific and practical conference (symposium) of young scientists. 2020. Pp. 253–256.

2. Sapfirova A. A. Legal regulation of working time of workers in the agro-industrial complex // In the book: Institutional transformations of the agro-industrial complex of Russia in the context of global challenges. Collection of abstracts based on the materials of the V International conference. Krasnodar, 2020. P. 105.

3. Labor Code of the Russian Federation of 12/30/2001 No. 197-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (part I). Art. 3.

4. On the lists of seasonal industries and types of activities used for tax purposes: Decree of the Government of the Russian Federation dated 06.04.1999 No. 382 (as amended on 25.02.2014) // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1999. No. 15. Art.1827.

5. On social protection of disabled people in the Russian Federation: Federal Law of November 24, 1995 No. 181-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 48. Art. 4563.

6. Usenko A. S., Kobylinskaya S. V. On the issue of improving the institutions of social security law in the Russian Federation on the basis of the German social system // In the collection: Scientific support of the agro-industrial complex. Collection of articles based on the materials of the IX All-Russian Conference of Young Scientists. Resp. per issue: A. G. Koschaev. 2016. Pp. 595–596.

7. Sapfirova A. A. Legal regulation of vacations for workers in the agro-industrial complex // In the book: Scientific and technological support of the agro-industrial complex of Russia: problems and solutions. Collection of abstracts based on the materials of the IV National Conference. Resp. for issue. A. G. Koschaev. 2019. P. 161.

УДК/UDC 343.93/.94

Личность преступника, совершающего преступления в цифровом пространстве

Исаева Мария Андреевна
студентка юридического факультета
Московский университет им. С. Ю. Витте
г. Москва, Россия
e-mail: masis2001@mail.ru

Кислый Олег Алексеевич
кандидат педагогических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин и таможенного дела
Московский гуманитарно-экономический университет
г. Москва, Россия
e-mail: razboiniki@yandex.ru
SPIN-код: 4737-6134

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы характеристики личности, совершающей преступления в цифровом пространстве. Отмечается, что сложившаяся в Российской Федерации криминологическая обстановка вынуждает значительно переориентировать деятельность правоохранительных органов на обеспечение безопасности личности, общества и государства в условиях развития цифровизации. Для понимания структуры личности преступника необходимо дать ей уголовно-правовую, социально-демографическую и нравственно-психологическую характеристику. Выделяются четыре типа «цифровых» преступников: корыстный, престижный, насильственный и сексуальный. Анализируются мотивы совершения рассматриваемых преступлений. В заключение авторы приходят к выводу, что исследование особых черт личности преступников, совершающих преступления в цифровом пространстве, и систематизация полученных сведений — важнейшая криминалистическая задача, осуществлять которую необходимо непрерывно в связи с постоянным развитием указанного вида преступности.

Ключевые слова: информационная культура, виртуальное общение, криминология, личность преступника, личность, криминологический портрет преступника, преступление, внешность преступника.

Personality of a criminal committing crimes in digital space

Isayeva Mariya Andreyevna
student of the Faculty of Law
S. Yu. Witte Moscow State University
Moscow, Russia
e-mail: masis2001@mail.ru

Kisliy Oleg Alekseyevich
Candidate of Pedagogical Sciences, lecturer of the Department of Administrative and Legal Disciplines and Customs Affairs
Moscow University of Humanities and Economics
Moscow, Russia
e-mail: razboiniki@yandex.ru
SPIN Code: 4737-6134

Abstract

The article deals with the issues of characteristics of a person who commits crimes in the digital space. It is noted that the current criminological situation in the Russian Federation makes it necessary to significantly reorient the activities of law enforcement agencies to ensure the safety of the individual, society and the state in the context of the development of digitalization. To understand the structure of a criminal's personality, it is necessary to give it a criminal law, socio-demographic and moral-psychological characteristics. There are four types of digital criminals: mercenary, prestigious, violent and sexual. The motives for committing the crimes under consideration are analyzed. In conclusion, the authors come to the conclusion that the study of the special personality traits of criminals who commit crimes in the digital space, and the systematization of the information obtained is the most important forensic task, which must be carried out continuously in connection with the constant development of this type of crime.

Key words: nformation culture, virtual communication, criminology, personality of a criminal, personality, criminological portrait of a criminal, crime, appearance of a criminal.

Преступность и преступное поведение — объект юридических и социологических исследований. В теории и правоприменительной практике актуальным остается вопрос исследования природы нарушения законо-

дательных норм, особенно уголовных, общие и специфические причины или условия, способствующие воспроизводству и распространению преступности. Здесь на помощь приходит наука криминология. Целенаправленная и эффективная деятельность государства по предупреждению правонарушений предполагает большой объем теоретических и прикладных криминологических знаний, наличие четкого понятийного аппарата [1]. Для криминологии особое значение имеет изучение механизма преступного посягательства [2], который представляет собой взаимосвязь объективных и субъективных факторов, детерминирующих совершение преступления.

Современное общество диктует новые правила. С изменением мира трансформируется и преступность. В результате всеобщей информатизации получает развитие цифровая преступность — киберпреступность. Информационные потоки свободно преодолевают границы государств. Совершенствуются методы сбора, обработки, хранения и передачи данных, а также доступа к ним. Не зря еще в XVII в. профессор Г. В. Лейбниц указывал, что «будущее неизбежно связано со считающими машинами, которые будут настолько совершенны, объективны и эффективны, что смогут беспристрастно взвешивать “за” и “против” и таким образом способствовать, например, судопроизводству» [3].

Сложившаяся в Российской Федерации криминологическая обстановка вынуждает значительно переориентировать деятельность правоохранительных органов на обеспечение безопасности личности, общества и государства в условиях развития цифровизации. Ведь очевидным становится и тот факт, что все больше преступлений совершается с использованием цифровых технологий. К такому выводу приводят официальный статистические данные количества зарегистрированных преступлений в Российской Федерации [4].

Личность преступника и природа его преступных намерений всегда были и остаются одной из ключевых проблем криминалистики. Особенности личности преступника считаются ключевыми не только в теоретическом аспекте для криминологии, но и в практическом для реализации

работы по предупреждению и прогнозированию преступности органами внутренних дел. Ведь предупредительная деятельность органов внутренних дел базируется на знаниях криминологической науки, изучающей закономерности и направления развития преступности, ее причины и условия, личность преступников, систему детерминации и происхождения криминального поведения. Теоретическое исследование личности в криминологической науке является фундаментом практических рекомендаций, используемых при исполнении индивидуальной профилактики преступлений [5; 6].

Таким образом, в криминологии под личностью преступника понимается личность человека, который совершил преступное деяние из-за свойственных ему психологических отличительных черт, противообщественных представлений, негативного отношения к ценностям нравственности и выбора общественно опасного пути для удовлетворения собственных нужд, а также отсутствия достаточной активности в предупреждении отрицательного преступного результата [7]. Также можно дополнить данное определение комплексом значимых в социальном плане свойств, которые в сочетании с условиями внешней действительности влияют на противозаконное поведение.

Ч. Ломброзо, сопоставляя физические особенности преступников и законопослушных граждан, пришел к выводу о том, что существует особый преступный тип людей, выявляемый по внешним физиологическим характеристикам (форма черепа, скошенная лобная кость, отсутствие симметрии лица, явное развитие челюсти и т. д.). Однако такую теорию нельзя считать верной.

Итак, современные преступники, которые совершают преступления в сфере цифровых технологий, обладают деформацией конкретных субъективных качеств, а именно качеств ценностно-морального ряда. Возникающие в обществе ситуации и окружающая среда являются «спусковым крючком», оказывающие воздействие на психологические особенности личности. И внешние условия накладываются на специфические черты личности, которые располагают к негативному поведению, приводя к

совершению преступления в области цифровых технологий. По мнению А. Р. Ратинова, в основе совершения личностью любых действий лежат ценностные ориентации, т. е. внутренние свойства личности, и неважно, какой это будет поступок — положительный, нейтральный, отрицательный [8]. Изменения морали и правосознания сами по себе могут стать причиной выбора преступного поведения [9]. Криминальное поведение можно связать с потребностями, моральными свойствами, ценностными ориентациями и правосознанием, а главное —- с мотивацией. Данные личностные признаки помогают мыслить как преступник, что является важнейшим интеллектуальным аспектом оперативно-розыскной тактики.

Так, в научно-практических исследованиях существуют некоторые сведения о криминологических видах преступников, совершающих преступления в сфере информационных технологий (например, «стафферы», «заливщики», «дроповоды», «фишеры»), и их мотивации (например, корыстная, политическая, анархическо-индивидуалистическая, насильственно-эгоистическая, легкомысленно-безответственная и т. п.).

Особую значимость в работе органов внутренних дел по профилактике преступлений играют условия жизнедеятельнсоти лиц, совершивших преступления в сфере цифровых технологий, в частности бытовое окружение, связи, знакомства. Например, Р. Гарофало в своей теории «опасного состояния личности» выделял постоянную и внутреннюю склонности человека к совершению преступлений, во многом объясняемые его образом жизни и психическим состоянием. В большинстве случаев преступники являются маргинальными личностями, образ жизни которых предполагает их общественную опасность. Социальная маргинальность служит основой «опасного состояния личности». Если рассмотреть спорные вопросы маргинальности личности с позиции аксиологии — философского учения о ценностях человека, то можно дополнить критерии маргинальности аксиологическими составляющими. Социальными маргиналами называют тех, кто сам отторгает общество или оказывается им отвергнутым. Социальная маргинальность предполагает ли-

бо разрыв традиционных общественных связей и создание собственного, аддиктивного мира, либо постепенное вытеснение индивида за пределы социума. Чем короче «нить взаимодействия» маргиналов с обществом, тем более явно их внешний облик и поведение отличаются, что влечет возможность и преступного поведения.

Принимая во внимание многообразие цифровых преступлений, изучение личности преступника приобретает особую актуальность, т. к. приходится иметь дело с ранее не попадавшими в поле зрения правоохранительных структур субъектами. Исследуя личность человека, совершившего преступление в сфере цифровых технологий, необходимо исходить из следующих тезисов:

1. Комплекс «встроенных» в личность преступника социально значимых свойств рождается вследствие разнообразных и в то же время систематических контактов с другими людьми. Отсюда можно сделать вывод, что такой человек все-таки является членом общества, групп или иных общностей социума (студент технического ВУЗа, лицо, состоящее в хакерской организации и т. п.), носителем социально-типичных характеристик.
2. Изучаются все субъекты, которые когда-либо совершали цифровые преступления.
3. Ярко выраженная индивидуалистическая направленность против общества не характерна для всех без исключения «цифровых» преступников.
4. Общественная опасность преступника.

Можно предположить, что правонарушения в области цифровых технологий осуществляются высококвалифицированными программистами, специалистами в области телекоммуникационных систем, иными словами профессионалами. Парадоксально, но это не так — «цифровые» преступления, совершаемые таким типом личности, занимают лишь незначительную долю в общем объеме всех рассматриваемых преступлений.

Дадим простую классификацию личностных свойств, в соответствии с которой все основные элементы преступной личности можно разделить на следующие категории:

1. Уголовно-правовая характеристика — сведения о начале или продолжении субъектом «преступной карьеры». Информация в рамках данного блока структуры личности преступника содержит признаки состава преступления, т. е. это сведения о тяжести совершенного преступления, мотивах преступления, форме вины, месте и роли в совершении преступления, о судимости лица, привлечении к уголовной ответственности, форме рецидива и т. д. Следует указать, что «цифровые» преступления умышленны и в большинстве случаев спланированы. Данные факты указывают на заинтересованность лица в осуществлении корыстных преступлений в сфере информационных технологий. Такие преступники отличаются профессионализмом и криминальной устойчивостью.
2. Социально-демографическая характеристика — сведения о семейном положении, возрасте, половой принадлежности, образовании т. д. В этом блоке акцентируют внимание на социально-ролевой характеристике преступника: социальные функции (профессиональная принадлежность, род занятий), социальный статус и др. Возраст рассматриваемых нами преступников составляет в основном от 18 до 35 лет [10]. Лица более старшего возраста встречается реже ввиду того, что компьютерная техника стала широко использоваться только в конце 1990-х гг. Как правило, немолодым преступникам ее освоить нелегко. В настоящее можно отметить тенденцию к «омоложению» преступности в области цифровых технологий. Например, подростки, совершая преступления в указанной сфере, осознают свою безнаказанность, поскольку не являются субъектами преступления в силу возраста. Совершение преступлений рассматриваемой категории характерно для мужчин [11; 12]. Однако

в последнее время наблюдается тенденция к увеличению количества женщин, совершающих данные преступления, при этом женщины обычно выступают в качестве соучастников.

3. Нравственно-психологическая характеристика — сведения о том, как относится преступник к социуму, общественным ценностям и нормативно-одобряемым социальным ролям. Сюда относятся навыки, привычки, интеллект, способности, волевые и эмоциональные установки, ценностные ориентации, отношение к нормам морали и права, интересы, потребности, способы удовлетворения потребностей и др. Преступники, совершающие цифровые преступления, имеют индивидуально-эгоистические и кланово-эгоистические ценностные ориентации, стремятся к материальному благополучию. Нравственное и правовое сознание личности у таких правонарушителей обычно деформировано. Мотивы корысти продуцируются либо гипертрофированными, либо извращенными потребностями, например стремлением к легкой наживе. Также отметим, что молодые люди —- преступники в сфере информационных технологий отличаются потребностями социального характера. Они часто имеют проблемы в общении со сверстниками, противоположным полом, хотят самореализоваться и ищут этого в виртуальной среде. Можно сказать, что они замкнуты и скрытны, однако при этом желают получить известность, стремятся к самоутверждению, установлению авторитета. Или, наоборот, являются мыслящими личностями, способными принимать ответственные решения, часто имеют завышенную самооценку. Им присущ правовой нигилизм, несмотря на который они не имеют преступного прошлого. Лицо, совершающее «цифровые» преступления, может как действовать бездумно, импульсивно, так и прорабатывать свои действия до мелочей, долго планируя противоправное деяние, ожидая удобного момента или стечения обстоятельств,

просчитывая все возможные последствия, способы сокрытия следов.

Помимо корыстных мотивов, данными преступниками движут политические, игровые, хулиганские мотивы; исследовательский интерес; месть; потребность в самоутверждении; мотивы, связанные с психическими отклонениями и зависимостями. У несовершеннолетних мотивами преступных действий, как правило, являются исследовательский интерес, самоутверждение и жажда славы.

Обобщая все вышесказанное, можем выделить следующие типы «цифровых» преступников, исходя из их мотивов:

1) корыстный тип (лица, совершающие преступления ради личного обогащения);
2) престижный тип (лица, совершающие преступления из желания получить известность, завоевать авторитет);
3) насильственный тип (лица, совершающие психическое насилие в отношении других лиц);
4) сексуальный тип (лица, распространяющие порнографию) и др.

Некоторые отечественные ученые выделяют четыре базовых типа преступников (А. Л. Осипенко, В. В. Крылов, В. В. Поляков, В. А. Мерещяков, В. Б. Вехов, С. В. Крыгин):

1) нарушители правил пользования компьютерной техникой;
2) «белые воротнички»;
3) компьютерные шпионы;
4) хакеры («одержимые программисты»).

Исходя из социальной направленности личности, можно выделить такие типы, как:

1. Профессиональный тип — направленность личности деформирована. Данный тип характеризуется совершением повторных преступлений.
2. Привычный тип — значительная деформация структуры социальной направленности, позитивный компонент выражен слабо. Для совершения преступления он преимущественно использует

жизненные ситуации; не активен в создании ситуаций, имеющих целью преступление.

3. Неустойчивый тип — элементы негативной и позитивной направленности равны, но тенденции противоречивы.
4. Небрежный тип — социальная направленность в основном выражена позитивным моментом, а негативная направленность минимальная. Ему свойственно легкомысленное отношение к социальным нормам.
5. Случайный тип — характеризуется позитивной социальной направленностью без деформаций со стороны негативного аспекта. Преступление происходит исключительно в силу давления критической жизненной ситуации.

Исследование особых черт личности преступников, совершающих преступления в области цифровых технологий, и систематизация полученных сведений — важная криминалистическая задача, осуществлять которую необходимо непрерывно в связи с развитием «цифровой» преступности. А это, в свою очередь, не только повысит качество расследования таких преступлений, но и поможет в их предупреждении.

Список литературы:

1. Криминология: учебник для вузов / Под общ. ред. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. 912 с.

2. Шалагин А. Е. Механизм индивидуального преступного поведения // Библиотека уголовного права и криминологии. 2017. № 2 (20). С. 156–160.

3. Квашис В. Е., Случевская Ю. А. О новой теории прикладной криминологии: рецензия на учебник В. С. Овчинского «Криминология цифрового мира» // Общество и право. 2018. № 1 (63). С. 122–124.

4. Аналитический материал «Состояние преступности на территории Российской Федерации в условиях пандемии COVID-19 и тенденции ее развития до конца 2020 г.» // ВНИИ МВД России, Академия управления МВД России, 2020.

5. Антонян Ю. М. Основные черты теории личности преступника в криминологии // Советское государство и право. М., 1984. № 3.

6. Кислый О.А., Исаева М.А. Обеспечение экономической безопасности таможенными органами в условиях цифровизации экономических отношений // Вестник МГЭИ (on line). 2021. № 1. С. 52-66.

7. Криминология: учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007. 734 с.

8. Ратинов А. Р. Психология личности преступника. Ценностно-нормативный подход // Личность преступника как объект психологического воздействия. М., 1979. С. 3-33.

9. Карпец И. И., Ратинов А. Р. Правосознание как элемент правовой культуры // Правовая культура и вопросы правового воспитания. М., 1974. С. 201-214.

10. Черкасов В. Н., Нехорошев А. Б. Кто живет в «киберпространстве»? // Управление защитой информации. 2003. № 4. С. 468.

11. Ушаков С. И. Преступления в сфере обращения компьютерной информации (теория, законодательство, практика): дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов, 2000. 176 с.

12. Дворецкий М. Ю. Преступления в сфере компьютерной информации (уголовно-правовое исследование): дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. 190 с.

References:

1. Criminology: a textbook for universities / Under total. ed. A. I. Debt. 3rd ed., Rev. and add. M., 2007. 912 p.

2. Shalagin A. E. The mechanism of individual criminal behavior // Library of criminal law and criminology. 2017. No. 2 (20). Pp. 156-160.

3. Kvashis V. E., Sluchevskaya Yu. A. On the new theory of applied criminology: a review of the textbook V. S. Ovchinsky "Criminology of the Digital World"// Society and Law. 2018. No. 1 (63). Pp. 122-124.

4. Analytical material "The state of crime on the territory of the Russian Federation in the context of the COVID-19 pandemic and its development trends until the end of 2020"// All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020.

5. Antonyan Yu. M. The main features of the theory of the personality of a criminal in criminology // Soviet state and law. M., 1984. No. 3.

6. Sour O.A., Isaeva M.A. Ensuring economic security by customs authorities in the context of digitalization of economic relations // Vestnik MGEI (on line). 2021. No. 1. Pp. 52-66.

7. Criminology: textbook / Ed. V. N. Kudryavtseva, V. E. Eminov. 2nd ed., Rev. and add. M., 2007. 734 p.

8. Ratinov A. R. Psychology of the personality of the criminal. Value-normative approach // Personality of a criminal as an object of psychological influence. M., 1979. Pp. 3-33.

9. Karpets I. I., Ratinov A. R. Legal awareness as an element of legal culture // Legal culture and issues of legal education. M., 1974. Pp. 201-214.

10. Cherkasov V. N., Nekhoroshev A. B. Who lives in cyberspace? // Information security management. 2003. No. 4. P. 468.

11. Ushakov S. I. Crimes in the sphere of circulation of computer information (theory, legislation, practice): diss. ... Cand. jurid. sciences. Rostov, 2000.176 p.

12. Butler M. Yu. Crimes in the field of computer information (criminal law research): diss. ... Cand. jurid. sciences. Volgograd, 2001.190 p.

УДК/UDC 343.132.2

Неопределенность процессуального статуса родственников потерпевших, умерших во время уголовного судопроизводства

Колбасюк Егор Федорович
студент факультета заочного обучения
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: egor-yo@mail.ru

Аннотация

Настоящая статья раскрывает одну из самых обсуждаемых в научных кругах проблем, которая касается неопределенности процессуального статуса родственников потерпевших, умерших во время уголовного судопроизводства. Хотя уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации установил перечень лиц, к которым переходят процессуальные права умершего в результате преступления потерпевшего, то, каким именно способом эти права должны перейти, неясно. Отсюда и отсутствие единой правоприменительной практики. Кроме того, не совсем понятен способ подтверждения отношения лиц, изъявивших желание принять процессуальные права потерпевшего к категории «близкие лица». В юриспруденции существует множество мнений на этот счет, а также представлены разные пути разрешения сложившейся проблемы. В данной работе автор тоже предлагает способ разрешения исследуемого вопроса.

Ключевые слова: потерпевший, близкие лица, правопреемник, представительство, уголовный процесс, процессуальный статус.

Uncertainty of the procedural status of relatives of victims who died during criminal proceedings

Kolbasyuk Yegor Fedorovich
student in the master's programme of the Faculty of Distance Learning
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia

e-mail: egor-yo@mail.ru

Abstract

This article reveals one of the most discussed problems in scientific circles, which concerns the uncertainty of the procedural status of relatives of victims who died during criminal proceedings. Although the Criminal Procedure Code of the Russian Federation established a list of persons to whom the procedural rights of the deceased as a result of the victim's crime are transferred, it is not clear how these rights should be transferred. Hence the lack of a unified law enforcement practice. In addition, it is not entirely clear how to confirm the attitude of persons who have expressed a desire to accept the procedural rights of the victim to the category of "close persons". In jurisprudence, there are many opinions on this matter, and different ways of solving the problem are presented. In this work, the author also proposes a way to resolve the issue under study.

Key words: victim, close persons, legal successor, representation, criminal procedure, procedural status.

Вопрос защиты прав и законных интересов потерпевших всегда был и остается актуальным. Согласно официальным статистическим данным ТАСС, в 2020 г. более 1,37 млн человек стали потерпевшими от различных преступлений. В сравнении с 2019 г. рост числа потерпевших от преступных деяний незначительный (+0,5%) [1]. В свою очередь, в соответствии с официальными статистическими данными, предоставленными МВД России, за 2020 г. смертность от преступлений сократилась на 5,2% в сравнении с 2019 г. [2].

В теории уголовного права потерпевшему отведена главенствующая роль, т. к. одной из функций уголовного закона является охрана общественных отношений, на которые посягает лицо, совершая преступное деяние. В случае с преступлениями против личности охраняемым объектом будет выступать жизнь и здоровье человека. Восстановление нарушенных прав и законных интересов потерпевшего — одна из основных целей уголовного наказания.

Несмотря на то, что государство в лице правоохранительных органов бросает все силы на защиту интересов потерпевших, не все нюан-

сы процессуального положения потерпевшего отражены в законе. Так, в данной работе будет рассмотрена процессуальная неопределенность потерпевшего после его смерти, а именно то, кому переходит право представлять интересы потерпевшего после смерти последнего.

Начнем с того, что потерпевшим Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее по тексту — УПК РФ) признает физическое лицо, которому в результате преступного посягательства причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо, которому преступлением причинен имущественный вред и вред деловой репутации (ч. 1 ст. 42 УПК РФ) [3].

Согласно ч. 8 ст. 42 УПК РФ если в результате преступления наступила смерть потерпевшего, то процессуальные права последнего переходят к одному из его близких родственников и (или) близких лиц, а при их отсутствии или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве — к одному из родственников. Данная норма способствует появлению сразу нескольких вопросов: кто является близким родственником и как подтвердить наличие близких людей? Кроме того, фраза «. . . к одному из родственников» вовсе не несет никакой определенности. Если на вопрос о близких родственниках мы сможем найти ответ в ст. 14 Семейного кодекса Российской Федерации, то о близких людях в законе нет никакого упоминания.

В связи с неточностью формулировки закона и с тем, что законодатель не стоит на обязательном признании родственника потерпевшим, судебная практика неоднородна: в большинстве случаев родственники все же признаются потерпевшими, но и нередко встречаются дела, в которых родственники выступают в роли представителей потерпевших или законных представителей.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем Постановлении № 17 от 29 июня 2010 г. обозначил свою позицию, заключающуюся в обязательном привлечении близких родственников к уголовному процессу в качестве потерпевших [4]. При этом их может быть несколько,

если все они настаивают на наделении их статусом потерпевшего в силу того, что их права также нарушены совершенным преступлением.

Стоит отметить, что в процесс в качестве потерпевших привлекаются лица именно в том порядке, в котором они перечислены в ч. 8 ст. 42 УПК РФ. Неясным остается вопрос, касающийся определения близких людей умершего потерпевшего, которые не приходятся ему близкими родственниками, но жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений. Определение понятия «близкие люди» дано в п. 3 ст. 5 УПК РФ. Для установления близких отношений представляется необходимым истребовать документацию, подтверждающую данный факт (например, подтверждающую совместное проживание, наличие общих детей и иное), а также произвести дополнительные процессуальные действия, специально направленные на получение иной информации о близких связях с потерпевшим. Подобным путем подтверждается и отсутствие близких лиц.

Напомним, что на практике существуют факты представительства или законного представительства интересов умершего потерпевшего. Институт представительства сам по себе имеет два вида: договорное и по закону. Представительство по закону в данном случае исключено, т. к. должно основываться на соглашении обеих сторон. Поскольку потерпевший умер, утрачена правосубъектность. А договорное представительство возможно лишь в отношении интересов живого человека. Процессуальный статус представителя производится от процессуального статуса потерпевшего, а если последнего нет, то, следовательно, отсутствует и процессуальный статус представителя.

В специальной литературе верно отмечается, что родственники, признанные представителями умершего потерпевшего, лишаются права иметь представителя, что необоснованно и значительно ограничивает их процессуальные права [5]. Представляется наиболее верным с точки зрения закона признавать родственников потерпевшими. Однако некоторые ученные считают данный шаг незаконным в силу того, что преступление было совершенно не в отношении них [6].

На практике встречаются и такие случаи, когда правоприменитель не признает и вовсе никого в роли потерпевшего, а интересы последнего представляет прокурор. Так, по делу № 1-5/2020, которое было рассмотрено Туапсинским городским судом Краснодарского края по п. «г» ч. 3 ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, потерпевший умер еще до рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции. Лица, которые вправе перенять процессуальный статус умершего, не были найдены. В связи с этим интересы потерпевшего представлял сотрудник Управления социальной защиты населения Министерства труда и социального развития [7].

В разрезе данной проблемы интересной является позиция ряда зарубежных законодателей. Так, например, УПК Республики Армения, УПК Республики Азербайджан, УПК Республики Молдова закрепили, что в отношении умершего может применяться институт правопреемства. В УПК РФ термин «правопреемник» отсутствует, тем не менее в судебных решениях данная формулировка имеет место (например, уголовное дело № 22-4217-15, рассмотренное Тихорецким городским судом, по ч. 4 ст. 111 УК РФ) [8].

Термин «правопреемник» заимствован из гражданского процессуального права, но существует масса аргументов в пользу внедрения данного института в уголовно-процессуальное законодательство. Согласно ч. 1 ст. 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации процессуальный статус правопреемник приобретает тогда, когда лицо, обладающее правами, умирает. Если проецировать данную норму на уголовно-процессуальные отношения, то можно заключить, что правопреемником лицо будет признано в случае, когда еще при жизни жертва преступления была признана потерпевшим. Аналогичным способом исследуемый вопрос регулируется в законодательстве Республики Молдова (ст. 81 УПК). Важно отметить, что даже в Модельном УПК для государств — участников СНГ правопреемникам отведена целая глава.

Из всего изложенного можно сделать следующий вывод: очевидно, что неточности в формулировках закона порождают определенные

трудности в правоприменительной практике, т. к. любое неоднозначное положение сопряжено с неоднозначным толкованием. Это привело к отсутствию единой правовой регламентации процессуального статуса родственников и близких лиц потерпевших, умерших во время производства по уголовному делу.

Полагаем целесообразным внести в УПК РФ институт правопреемства, дополнив его новой статьей, определяющей правопреемником потерпевшего одного из его близких родственников, который заявил ходатайство осуществлять права и обязанности умершего потерпевшего, а также закрепить порядок действий, если на правопреемстве обоснованно настаивают несколько родственников. В таких случаях следует во время производства по уголовному делу принимать у указанных лиц ходатайства и при наличии доказательств родства с умершим потерпевшим привлекать их в качестве правопреемников потерпевшего.

На наш взгляд, применение в подобных ситуациях института правопреемства является наиболее логичным и правильным с точки зрения уголовно-процессуального закона.

Список литературы:

1. Более 1,3 млн россиян стали потерпевшими от преступлений в 2020 году // ТАСС. URL: https://tass.ru/proisshestviya/11229729 (дата обращения: 18.07.2021).

2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2020 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: https://xn–b1aew.xn–p1ai/reports/item/22678184/ (дата обращения: 18.07.2021).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

4. О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводств: Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем Постановлении № 17 от 29 июня 2010 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. Сентябрь. 2010. № 9.

5. Патрушева А. А. Правовое положение лиц, которым переходят права умершего потерпевшего // Вестник Омской юридической академии. 2018. Т. 15. № 2. С. 234–239.

6. Чернова С. С. Процессуальные последствия смерти участника уголовного судопроизводства // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 1 (39). С. 110–119.

7. Приговор по делу № 1-5/2020 Туапсинского городского суда Краснодарского края // Официальный сайт Туапсинского городского суда Краснодарского края. URL: https://tuapse-gor–krd.sudrf.ru/modules.php?name=sud$_d elosrv_n um = 1name_o p = casecase_i d = 90540359case_u id = f0c21a58 - 2997 - 4919 - a822 - 2f66d2588910delo_i d = 1540006(: 20.07.2021)$.

8. Приговор Тихорецкого городского суда по уголовному делу № 22-4217-15 // Официальный сайт Тихорецкого городского суда Краснодарского края – URL: http://tixoreck-gor.krd.sudrf.ru/ (дата обращения: 01.08.2021).

References:

1. More than 1.3 million Russians became victims of crimes in 2020 // TASS. URL: https://tass.ru/proisshestviya/11229729 (access date: July 18, 2021).

2. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January – December 2020 // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: https://xn–b1aew.xn–p1ai/reports/item/22678184/ (access date: July 18, 2021).

3. Patrusheva A. A. Legal status of persons to whom the rights of the deceased victim are transferred // Bulletin of the Omsk Law Academy. 2018. Vol. 15. No. 2. Pp. 234–239.

4. On the practice of the courts' application of the norms governing the participation of the victim in criminal proceedings: the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in its Resolution No. 17 of June 29, 2010 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. September. 2010. No. 9.

5. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 12.18.2001. No. 174-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52. Art. 4921.

6. Chernova S. S. Procedural consequences of the death of a participant in criminal proceedings // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2017. No. 1 (39). Pp. 110–119.

7. Verdict in case No. 1-5 / 2020 of the Tuapse City Court of the Krasnodar Territory // Official site of the Tuapse City Court of the Krasnodar Territory. URL: https://tuapse-gor–krd.sudrf.ru/modules.php?name=sud$_d elosrv_n um = 1name_o p = casecase_i d = 90540359case_u id = f0c21a58 - 2997 - 4919 - a822 - 2f66d2588910delo_i d = 1540006(accessdate : July 20, 2021)$.

8. . The verdict of the Tikhoretsk city court in criminal case No. 22-4217-15 // Official website of the Tikhoretsk city court of the Krasnodar Territory - URL: http://tixoreck-gor.krd.sudrf.ru/ (access date: August 01, 2021)

УДК/UDC 343

Правовое регулирование положения сексуальных меньшинств: к вопросу о российской историко-правовой традиции

Короткова Ольга Анатольевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского
г. Калуга, Россия
e-mail: KorotkovaOA@tksu.ru
SPIN-код: 4019-9588

Фролова Евгения Алексеевна
студентка направления подготовки «Публичная политика и социальные науки»
Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского
г. Калуга, Россия
e-mail: Frolovaeval@studklg.ru

Аннотация

В данной научной статье предпринята попытка анализа историко-правовой традиции правового положения сексуальных меньшинств в России. Тема прав сексуальных меньшинств во всем своем многообразии относится к числу конфликтных. Авторами отмечается, что тема сексуальной вседозволенности, сексуальных меньшинств стала в последнее время все более открываться для изучения и обсуждения, особенно в ходе общенародного обсуждения поправок в Конституцию Российской Федерации в 2020 г. В данной статье анализируется законодательство в различные этапы развития российского государства. Отмечается, что в дореволюционной России к лицам нетрадиционной ориентации относились значительно гуманнее и снисходительнее, чем в других странах Европы. Авторами подчеркиваются волнообразные периоды преследования категорий населения, чья сексуальность отличается от общественного большинства от мягкого его порицания до вынесения смертного приговора в отношении лиц, уличенных в подобных деяниях.

Ключевые слова: сексуальные меньшинства, мужеложство, лесбиянство, гомосексуализм, половая неприкосновенность, преступления сексуального характера.

Legal regulation of the situation of sexual minorities: on the issue of the Russian historical and Legal tradition

Korotkova Olga Anatolyevna
Candidate of Law, assistant professor, assistant professor of the Department of Jurisprudence
Kaluga State University
Kaluga, Russia
e-mail: KorotkovaOA@tksu.ru
SPIN-код: 4019-9588

Frolova Yevgeniya Alekseyevna
student of the direction of training "Public Policy and Social Sciences"
Kaluga State University
Kaluga, Russia
e-mail: Frolovaeval@studklg.ru

Abstract

This scientific article attempts to analyze the historical and legal tradition of the legal status of sexual minorities in Russia. The topic of the rights of sexual minorities in all its diversity is one of the conflicts. The authors note that the topic of sexual permissiveness, sexual minorities has recently become more and more open for study and discussion, especially during the public discussion of amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020. This article analyzes legislation at various stages of development of the Russian state. It is noted that in pre-revolutionary Russia people of non-traditional orientation were treated much more humanely and more leniently than in other European countries. The authors emphasize the wave-like periods of persecution of categories of the population, whose sexuality differs from the public majority from its mild censure to the imposition of a death sentence against persons convicted of such acts.

Key words: sexual minorities, sodomy, lesbianism, homosexuality, sexual inviolability, sexual crimes.

В процессе эволюции человеческое общество в силу социально-политического, экономического, научно-технологического развития пе-

риодически производит переоценку ценностей в ту или иную сторону. Подчиняясь гармоническому закону, колеблющиеся ценности могут представлять собой нравственную чистоту и строгую мораль или развращение всего общества или его части.

По мнению многих специалистов из разных областей науки, в настоящее время в мире продолжается процесс разложения человеческого общества, поскольку помимо сексуальной вседозволенности возникают сексуальные меньшинства.

Тема сексуальных меньшинств стала в последнее время все более открываться для изучения и обсуждения в современном российском обществе, особенно в ходе общенародного обсуждения поправок в Конституцию Российской Федерации в 2020 г.

Тема прав сексуальных меньшинств во всем своем многообразии относится к числу конфликтных. Сексуальные меньшинства — категория населения, чья сексуальность отличается от общественного большинства. Таких людей также называют квирами [1].

ЛГБТ-движение, гей-движение, ЛГБТ-активизм — это общественно-политическое движение лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров. Его целью является гражданское равноправие, соблюдение прав человека вне зависимости от его сексуальной ориентации, искоренение дискриминации и ксенофобии, сексуальная свобода, терпимость и толерантность. Также это движение за самосознание ЛГБТ как социального меньшинства, отдельного сообщества, культуры, за интеграцию ЛГБТ в общество [1].

Стоит отметить, что в древнейшем законодательстве мужеложство считалось противоправным явлением. Так, гомосексуальные отношения были запрещены одним из сводов закона Солона в 346 г. до н. э. [2]. По мнению афинского политика, половые отношения напрямую связаны с этикой, эстетикой, интеллигентностью, мужественностью, а в основу любых отношений ложится добровольное согласие. А Платон, которого, кстати, самого подозревали в гомосексуализме, разрабатывая конститу-

цию для городов-государств, одной из ее статей запретил сексуальные отношения между мужчинами [3, с. 25].

Результат проведения ретроспективного анализа позволяет сформулировать вывод о различной степени общественного порицания и различных мерах уголовной ответственности за мужеложство или лесбиянство.

Отметим, что к основным причинам появления и распространения мужеложства и лесбиянства в период феодальной раздробленности на Руси относят ведение большого количества войн, приводящих к «изоляции» мужчин от общества женщин [4]. Кроме того, источником распространения мужеложества и лесбиянства выступали монастыри [5, с. 38].

Следует упомянуть о существовании иностранных источников, отмечающих в русском государстве XV–XVII вв. во всех слоях общества распространение мужеложества и лесбиянства. В то же время, ввиду имеющегося в исследуемый исторический период негативного отношения европейских стран к Руси, данные источники представляются спорными.

Как подмечает А. Каменский, русскому обществу «противоестественные пороки совершенно не известны», «прелюбодейство, разврат, распутство редко встречаются в их среде» [6, с. 105].

Важной вехой в формировании негативного отношения к мужеложству явилось проведение петровских реформ и принятие в 1706 г. Краткого артикула, предусматривающего меру ответственности в виде сожжения на костре. Принятие в 1715 г. Артикула воинского закрепило в гл. XX «О содомском грехе, о насилии и блуде» наступление ответственности за добровольное и насильственное мужеложство. Воинским уставом Петра I за «блудные» преступления предусматривались телесные наказания как в отношении взрослого мужчины, так и в отношении «отрока», при насильственном способе наказание ужесточалось до смертной казни или ссылки на галеры.

В период русской эпохи Просвещения отношение к мужеложству и лесбиянству было негативным, однако данное явление было прежде всего

предметом религиозных дискуссий. В 1767 г. были отменены телесные наказания военнослужащих за мужеложство [8, с. 19].

Последующим законодательным актом, оказавшим воздействие на развитие правовых норм, регулирующих наступление ответственности за гомосексуальные отношения, выступил Свод законов Российской Империи, рассматривающий мужеложство в качестве противоестественного совокупления [9, с. 258] и устанавливающий меры ответственности в виде ссылки в Сибирь на 4–5 лет (за совершение добровольного мужеложства) и лишения всех прав и ссылки в Сибирь на каторжные работы на срок от 10 до 12 лет (за совершение насильственного мужеложства, а также за совершение деяния в отношении малолетнего и слабоумного). Таким образом, насильственное мужеложство каралось строже — каторжными работами. Аналогичные наказания за гомосексуальные отношения были закреплены в принятом в 1845 г. Уложении о наказаниях уголовных и исправительных. При этом названный правовой акт раскрывал квалифицирующие признаки мужеложства, но не раскрывал указанное понятие.

В отличие от Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в Уложении 1903 г. в главе «О непотребстве» был существенно расширен круг преступлений, относимых к области половых отношений, за счет квалифицирующих признаков и новых составов.

Таким образом, в XIX в. можно отметить законодательное оформление негативного отношения со стороны государства к лицам, практикующим однополые связи.

Монархическая Россия устанавливала уголовную ответственность за «преступления против общественной нравственности», по уголовному законодательству Российской империи гомосексуализм являлся преступлением.

В период становления советского государства в 1917–1922 гг. утратило силу Уложение 1903 г., и, соответственно, в данный период времени не регламентировались на законодательном уровне виды преступности и их наказуемость, в т. ч. и ответственность за мужеложство [10, с. 3].

При этом уголовное преследование в отношении лиц, совершивших мужеложство, в данный временной период продолжалось.

Советские власти начали многоплановую борьбу с заведениями типа бань, салонов, ресторанов и гостиниц с плохой репутацией. Примером может служить резонансный процесс 1921 г. — дело, связанное с так называемым Петроградским клубом. Сотрудниками Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем в ходе рейда был обнаружен маскарадный бал — свадьба, где невеста и все дамы были переодетыми мужчинами. При допросе выяснилось, что более 90 присутствующих являлись гомосексуалистами, а квартира служила своеобразным клубом. Данный факт внес заметный вклад в дискуссию о правовом статусе добровольных однополых отношений. Т. к. уголовная ответственность за мужеложство на тот момент отсутствовала, некоторые юристы того времени высказывались за расширение уголовных понятий «хулиганство» и «содержание притонов разврата». Существовали и другие точки зрения (А. А. Жижиленко, П. И. Люблинский), по которым призывы к преследованию добровольных однополых отношений — это религиозные пережитки. К слову, дело Петроградский клуба было прекращено в 1923 г. в результате амнистии.

УК РСФСР 1922 г. и УК РСФСР 1926 г. не регламентировали наступление уголовной ответственности за добровольное мужеложство. Исключение составляли уголовные кодексы Средней Азии и Закавказья. Так, уголовный закон РСФСР регламентировал наступление ответственности за насильственное мужеложство в отношении малолетних и несовершеннолетних.

Кроме того, в дальнейшем уголовная ответственность за мужеложство устанавливалась нормами Постановления Президиума ЦИК ССР от 7 марта 1934 г. «Об уголовной ответственности за мужеложство». Так, в соответствии с данным Постановлением было установлено: «Половое сношение мужчины с мужчиной влечет за собой лишение свободы на срок от 3 до 5 лет. Мужеложство, совершенное с применением насилия или с использованием зависимого положения потерпевшего, влечет за со-

бой лишение свободы на срок от 5 до 8 лет» (ст. 95). Под мужеложством понималось сношение мужчины с мужчиной (ст. 110). [11]. Кроме того, советское законодательство не предусматривало уголовную ответственность за гомосексуальное поведение среди женщин: указанное поведение относили к проявлениям психопатии.

Таким образом, начиная с 1933 г. можно говорить об ужесточении в СССР наказания за гомосексуальные контакты. Только государство решало, какие поступки являются противоестественными советскому обществу, а какие нет.

В январе 1949 г. Президиумом Верховного Совета СССР был издан указ «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование», в котором законодатель уравнял положение потерпевших обоих полов, признав тем акт мужеложства с несовершеннолетним идентичным изнасилованию несовершеннолетней. Данным актом санкции за изнасилование были повышены — заключение в исправительно-трудовой лагерь сроком от 10 до 15 лет.

В 1956 г. были внесены изменения в уголовное законодательство: минимальный срок наказания за половое сношение с не достигшим половой зрелости лицом, сопряженное с удовлетворением половой страсти в извращенных формах, был увеличен до 1 года, максимальный — до 8 лет лишения свободы. Стоит отметить, что под удовлетворением половой страсти в извращенных формах понималось «противоестественное сношение как мужчин (мужеложство), так и женщин (лесбийская любовь) между собой, совокупление через задний проход мужчины с женщиной и т. п., а также те случаи естественного полового сношения, которые происходят в извращенных формах, с применением физической боли (садизм)» [12].

С принятием в 1960 г. Уголовного кодекса РСФСР размеры наказания за гомосексуальные контакты не изменились: по-прежнему существовало наказание за добровольное мужеложство и за мужеложство с применением физического насилия, угроз.

При этом малоисследованным в советский период остался вопрос удовлетворения сексуального желания добровольно или с применением насилия.

В советском государстве под гомосексуализмом понималось половое извращение, подразумевающее неестественное в природе влечение к лицам своего пола [13]. Стоит подчеркнуть, что законодательство и судебная практика в СССР не имели единого канона в правовой оценке «преступлений против общественной нравственности», в ряде случаев квалифицируя их как изнасилование или хулиганство.

В 1970-е гг. в журнале «Огонек» неожиданно появляется несколько материалов, посвященных сексуальности и ЛГБТ (что было неестественным для советской печати), описывающих гомосексуальность с негативной точки зрения, но благодаря этим публикациям завеса молчания приоткрылась [14]. После вступления в силу новой политики гласности с 1986 г. вопрос гомосексуальности активно обсуждается, хотя эти обсуждения часто были связаны с начинающейся в тогда эпидемии ВИЧ. К концу 1980-х гг. стали открыто говорить о медико-социальных и уголовно-правовых проблемах лиц с гомосексуальным поведением. В этот же период в РСФСР возникают первые инициативные ЛГБТ-группы. Среди юристов в 1970–1980-х гг. возникали дискуссии по вопросу необходимости отмены уголовного преследования за добровольное мужеложство. Стоит отметить, что в это время наказание за гомосексуализм существовало только в двух социалистических странах: СССР и Румынии. В период 1990–1993 гг. осужденных за мужеложство в России в структуре половых преступлений было 3%. Из 100 преступлений, связанных с мужеложством, 82 деяния было совершено в отношении лиц, не достигших 18 лет, или, по иным данным, несовершеннолетние оказывались жертвами данных преступлений в 95 случаях [12, с. 54].

В начале 1990-х гг. в СССР прошли первые конференции на тему здоровья для гомосексуалистов, в рамках борьбы с проблемой ВИЧ появились публикации правозащитных организаций, в которых обсуждалась отмена ст. 121 УК РСФСР, предусматривающей наказание за муже-

ложство. В 1993 г. из Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. была исключена ч. 1 ст. 121 — ответственность за ненасильственное мужеложство. В целом уголовную ответственность за мужеложство не отменили, теперь к уголовной ответственности привлекали за «мужеложство с применением физического насилия, угроз в отношении несовершеннолетнего или с использованием зависимого положения либо беспомощного состояния потерпевшего» [15].

Таким образом, историко-правовой анализ законодательных актов российского государства позволяет отметить волнообразные периоды преследования гомосексуальных связей: от порицания до смертного приговора.

Список литературы:

1. Т. Хаммарберг. Дискриминация по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности в Европе. Страсбург: Издательство Совета Европы, 2012. 169 с.

2. Короткова О. А., Цымбалюк В. К. К вопросу справедливости в принятии судебных решений в древневосточных государствах // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. 2020. № 17. С. 88–95.

3. Платон. Диалоги. М.: Эксмо, 2021.

4. Кочерян Г. С. Греческая любовь: пройди тест на гомосексуальность. М., 2009.

5. Кон И. С. Сексуальная культура России. Клубничка на березке. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2005.

6. Каменский А. О Московии / Пер. О. Ф. Кудрявцева, С. Г. Яковенко // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997.

7. Сяткин Н. Н. Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста: законодательный и правоприменительный аспект: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013.

8. Конева М. А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика насильственных действий сексуального характера при гетеросексуальных и гомосексуальных контактах: дисс. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 1999.

9. Семкин М. А. Ответственность за мужеложство по законодательству дореволюционной России // Реагирование за преступность: концепции, закон, практика. М., 2002.

10. Голубая книга. Положение геев и лесбиянок в Украине. Киев, 2000.

11. О дополнении уголовного кодекса РСФСР статьей 154-а: Постановление ВЦИК и СНК от 01.04.1934 // Сборник узаконений РСФСР. 1934. № 15. Ст. 95.

12. Степанова О. Ю. Уголовная ответственность за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних: совершенствование законодательной регламентации и правоприменения: дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2018.

13. Большая советская энциклопедия. М., 2012.

14. Горшков А. С. Сексуальные меньшинства в России: общее и особенное. М., 2011.

15. О внесении изменений дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР: Закон РФ от 29.04.1993 № 4901-1 // Ведомости Совета народных депутатов РФ и Верховного Суда РФ. 1993. № 22. Ст. 789.

References:

1. T. Hammarberg. Discrimination Based on Sexual Orientation and Gender Identity in Europe. Strasbourg: Council of Europe Press, 2012. 169 p.

2. Korotkova O. A., Tsymbalyuk V. K. On the issue of justice in the adoption of judicial decisions in ancient Eastern states // Scientific notes of the Tambov branch of the Russian State Medical University. 2020. No. 17. Pp. 88–95.

3. Plato. Dialogues. M.: Eksmo, 2021.

4. Kocheryan G. S. Greek love: take the homosexuality test. M., 2009.

5. Kon I. S. Sexual culture of Russia. Strawberry on a birch tree. 2nd ed., rev. and add. M., 2005.

6. Kamensky A. About Muscovy / Transl. O. F. Kudryavtseva, S. G. Yakovenko // Russia in the first half of the 16th century: a view from Europe. M., 1997.

7. Syatkin N. N. Sexual intercourse and other actions of a sexual nature with a person under the age of sixteen: legislative and law enforcement aspect: author. diss. ... Cand. legal sciences. Krasnodar, 2013.

8. Koneva M. A. Criminal-legal and criminological characteristics of violent acts of a sexual nature in heterosexual and homosexual contacts: diss. ... Cand. legal sciences. Stavropol, 1999.

9. Semkin M. A. Responsibility for sodomy under the legislation of pre-revolutionary Russia // Responding to crime: concepts, law, practice. M., 2002.

10. Blue Book. Situation of gays and lesbians in Ukraine. Kiev, 2000.

11. On supplementing the Criminal Code of the RSFSR with article 154-a: Resolution of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's

Commissars of 04/01/1934 // Collection of legalizations of the RSFSR. 1934. No. 15. Art. 95.

12. Stepanova O. Yu. Criminal liability for crimes against sexual inviolability and sexual freedom of minors: improving legislative regulation and law enforcement: diss. ... Cand. legal sciences. SPb., 2018.

13. Great Soviet Encyclopedia. M., 2012.

14. Gorshkov A. S. Sexual minorities in Russia: general and special. M., 2011.

15. On amendments to the Criminal Code of the RSFSR, the Criminal Procedure Code of the RSFSR and the Correctional Labor Code of the RSFSR: Law of the Russian Federation of 29.04.1993 No. 4901-1 // Bulletin of the Council of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation. 1993. No. 22. Art. 789.

УДК/UDC 349.4

Правовые проблемы регулирования садоводства и огородничества в Российской Федерации

Косенко Дмитрий Владимирович
студент юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: dick135@rambler.ru

Аннотация

В статье исследуется правовое регулирование садоводства и огородничества в Российской Федерации. Действующим законодательством были внесены существенные изменения в правовое регулирование данных отраслей сельского хозяйства, однако ряд вопросов требует дальнейшего уточнения. Автором рассматриваются особенности правового регулирования садоводства в исторической перспективе и в настоящее время. Анализируются положения Федерального закона от 15 апреля 1998 г. № 66-ФЗ «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» и Земельного кодекса Российской Федерации. Отмечается, что в указанном федеральном законе не закреплены понятия садоводческой и огороднической деятельности, что является законодательным упущением. Также предлагается изменить форму внесения взносов, закрепив наравне с денежной формой и натуральную по согласованию с правлением товарищества.

Ключевые слова: садоводство, земельное право, земельный участок, предоставление земель, огородничество, некоммерческое объединение граждан, садоводческое товарищество, землепользование, дачное строительство, земельное законодательство.

Legal problems of regulation of gardening and horticulture in the Russian Federation

Kosenko Dmitriy Vladimirovich
student of the faculty of law
Kuban State Agrarian University

Krasnodar, Russia
e-mail: dick135@rambler.ru

Abstract

The article examines the legal regulation of gardening and truck farming in the Russian Federation. The current legislation introduced significant changes in the legal regulation of these agricultural sectors, however, a number of issues require further clarification. The author examines the features of the legal regulation of horticulture in the historical perspective and at the present time. The article analyzes the provisions of the Federal Law of April 15, 1998 No. 66-FZ "On horticultural, vegetable gardening and dacha non-profit associations of citizens"and the Land Code of the Russian Federation. It is noted that the specified federal law does not enshrine the concept of horticultural and vegetable gardening, which is a legislative omission. It is also proposed to change the form of making contributions, securing on a par with the monetary form and in kind in agreement with the board of the partnership.

Key words: gardening, land law, land plot, land provision, truck farming, non-profit association of citizens, gardening partnership, land use, country house construction, land legislation.

В настоящее время правовое регулирование ведения садоводства и огородничества определяется в соответствии с положениями Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] (далее по тексту — ФЗ № 217).

В то же время для полноценного исследования действующего законодательства, регулирующего правоотношения в области ведения садоводства и огородничества, следует провести ретроспективный анализ.

Необходимо отметить, что правовое регулирование рассматриваемой категории берет свое начало в конце XVIII — начале XIX вв., в период проведения межевания земель в Российской Империи, которое носило всеобщей характер [2]. Вместе с тем вряд ли представляется возможным говорить о формировании законодательной базы, регулиру-

ющей рассматриваемые отношения, в данный временной период. Нормативное правовое регулирование землепользования на садоводческих участках началось только с XX в.

Полноценным первым актом, устанавливающим основы садоводства и землепользования, являлось Постановление Совмина РСФСР ВЦСПС от 18 марта1996 г. № 261 «О коллективном садоводстве рабочих и служащих в РСФСР» [3]. Вплоть до 1991 г., т. е. до окончания действия Земельного кодекса РСФСР [4] и дальнейшего принятия Федерального закона от 15 апреля 1998 г. № 66-ФЗ «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» [5] и Земельного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ЗК РФ) [6], земельные участки в целях садоводства и огородничества предоставлялись на праве постоянного бессрочного пользования без выдачи правоустанавливающих документов.

Ст. 21 ЗК РФ устанавливала запрет на предоставление данных земельных участков на праве постоянного бессрочного пользования и праве пожизненного наследуемого владения (отметим, что с 1 марта 2015 г. данная статья утратила силу ввиду принятия ФЗ № 217).

С принятием ФЗ № 217 были внесены следующие изменения в регулирование садоводства и огородничества:

1) отменен обязательный возраст, с которого лицо может являться членом товарищества (ранее это был возраст 18 лет), теперь возраст не устанавливается;
2) установлены две возможные формы товарищества садоводческое или огородническое некоммерческое товарищество;
3) закреплено два вида взносов членские и целевые;
4) детально разработан порядок исключения из товарищества лица за неуплату взносов;
5) установлен срок избрания в органы товарищества — пять лет;
6) закреплены понятия садового дома и садового земельного участка;
7) упразднены понятия дач и дачных земельные участков;

8) закреплен порядок перевода садового дома в жилой и жилого в садовый.

Вместе с тем, несмотря на ряд преимуществ, обусловленных принятием ФЗ № 217, следует отметить и недостатки. Так, законодательно не определены понятия садоводческой и огороднической деятельности. На наш взгляд, следует закрепить различие между данными видами деятельности. Так, на садоводческих земельных участках возможны:

1) осуществление сельскохозяйственной деятельности для собственных нужд;
2) отдых;
3) строительство (в соответствии с установленными требованиями);
4) постоянное проживание.

На огороднических земельных участках же возможны осуществление сельскохозяйственной деятельности для собственных нужд и отдых без возможности строительства и постоянного проживания граждан. Отметим, что ст. 23 ФЗ № 217 устанавливает запрет на осуществление строительства на огородническом земельном участке любых объектов, кроме хозяйственных построек.

Помимо этого, предлагаем изменить форму внесения взносов, предусмотрев наравне с денежной формой также и натуральную по согласованию с правлением товарищества.

Таким образом, с 2015 г. произошли существенные законодательные изменения в сфере регулирования садоводства и огородничества. Однако принятие ФЗ № 217 не способствовало разрешению всех имеющихся законодательных пробелов. На наш взгляд, правовое регулирование садоводства и огородничества в Российской Федерации требует совершенствования.

Список литературы:

1. О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Фе-

дерации: Федеральный закон от 29.07.2017 № 217-ФЗ (с изм. и доп. от 22.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31. Ст. 4766; 2020. № 51. Ст. 8591.

2. Коллективное садоводство и огородничество: Сборник нормативных актов / Под ред. С. Ю. Шапошникова. М., 1987. 90 с.

3. О коллективном садоводстве рабочих и служащих в РСФСР: Постановление Совета Министров РСФСР от 18.03.1966 // СП РСФСР. 1966. № 8. Ст. 37 (утратило силу).

4. Земельный кодекс РСФСР // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 22. Ст. 768 (утратил силу).

5. О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан: Федеральный закон от 15.04.1998 № 66-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 16. Ст. 1801 (утратил силу).

6. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 44. Ст. 4147; 2020. № 31. Ст. 5028.

References:

1. On the conduct of gardening and horticulture by citizens for their own needs and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law dated July 29, 2017 No. 217-FZ (as amended and supplemented from 12/22/2020) // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 31. Art. 4766; 2020. No. 51. Art. 8591.

2. Collective gardening and horticulture: Collection of normative acts / Ed. S. Yu. Shaposhnikov. M., 1987. 90 p.

3. On collective gardening of workers and employees in the RSFSR: Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR dated 03/18/1966 // SP RSFSR. 1966. No. 8. Art. 37 (no longer valid).

4. Land Code of the RSFSR // Bulletin of the SND and the Armed Forces of the RSFSR. 1991. No. 22. Art. 768 (expired).

5. On horticultural, vegetable gardening and dacha non-profit associations of citizens: Federal Law of 15.04.1998 No. 66-FZ // Collection of the Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 16. Art. 1801 (no longer valid).

6. Land Code of the Russian Federation dated October 25, 2001 No. 136-FZ (as amended and supplemented from July 31, 2020) // Collection of the d Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 44. Art. 4147; 2020. No. 31. Art. 5028.

УДК/UDC 3.4.3

Основные элементы криминалистической характеристики экстремизма

Костина Екатерина Алексеевна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия
e-mail: Katerina_kast97@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается сущность криминалистической характеристики преступлений экстремисткой направленности. Исследуются особенности и основные элементы криминалистической характеристики преступления. Раскрывается понятие криминалистической характеристики экстремизма, дается определение экстремизма в целом. Изучаются такие элементы криминалистической характеристики преступлений экстремисткой направленности, как личность виновного и личность потерпевшего. Исследование указанных элементов криминалистической характеристики помогает определить мотив преступного посягательства и объекты, в отношении которых он направлен. Также в работе рассматриваются время и место совершения преступления, способ подготовки и совершения преступления. Перечисляются основные способы сокрытия преступления. Отмечается, что для эффективного исследования преступлений экстремисткой направленности и анализа криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений необходимо изучение не только уголовного права, но и других смежных наук, а также судебной практики.

Ключевые слова: экстремизм, противоправное деяние, преступление, криминалистическая характеристика, личность преступника, общественно опасное деяние, способ совершения преступления, сокрытие, механизм преступления, следообразование, склонение, вовлечение, квалификация, следы преступления, мотив.

The main elements of the criminalistic characteristics of extremism

Kostina Yekaterina Alekseyevna

student of the faculty of law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail: Katerina_kast97@mail.ru

Abstract

The article examines the essence of the forensic characteristics of extremist crimes. The features and basic elements of the criminalistic characteristics of the crime are investigated. The concept of the forensic characteristics of extremism is revealed, the definition of extremism in general is given. Such elements of the forensic characteristics of extremist crimes as the identity of the perpetrator and the identity of the victim are being studied. The study of these elements of the forensic characteristics helps to determine the motive of the criminal encroachment and the objects in relation to which it is directed. The work also examines the time and place of the crime, the method of preparing and committing a crime. The main ways of concealing a crime are listed. It is noted that for an effective study of extremist crimes and analysis of the forensic characteristics of the crimes in question, it is necessary to study not only criminal law, but also other related sciences, as well as judicial practice.

Key words: extremism, unlawful act, crime, forensic characteristics, personality of the offender, socially dangerous act, method of committing a crime, concealment, crime mechanism, trace formation, inclination, involvement, qualification, traces of a crime, motive.

Преступления экстремисткой направленности относятся к наиболее опасным преступлениям, которые несут существенную угрозу общественной безопасности, подрывают правопорядок и общее благосостояние населения. Несмотря на активную работу правоохранительных органов, направленную на противодействие данному преступлению, на сегодняшний день рассматриваемое противоправное деяние относится к числу мировых проблем.

Следует акцентировать внимание на понятии «экстремизм». Как отмечают М. П. Леготина и Н. В. Голубых, экстремизм представляет собой противоправное общественно опасное деяние, распространяющееся на все сферы общественной жизни и характеризующееся антиобще-

ственным характером. Осуществление противоправного деяния обусловлено применением насильственных методов в целях разрушения государственных и общественных основ посредством принуждения общества к следованию собственным выработанным законам и правилам и категоричным непринятием других суждений [1].

Основой криминалистической характеристики экстремизма, указывающей на наиболее важные признаки преступления, имеющие значение для расследования, являются выводы о материальных и идеальных следах преступления. Следует сказать, что криминалистическая характеристика экстремизма представляет собой систему сведений, разработанных в ходе научных исследований, и практических рекомендаций, касающихся указанных преступлений.

Рассмотрим элементы криминалистической характеристики преступлений экстремистской направленности. Одним из таких элементов является *личность преступника.* Личность преступника — это совокупность свойств и качеств, которые подталкивают лицо к совершению преступления. Сюда относятся сведения о происхождении лица, его деятельности, а также о том, к какой экстремисткой организации он относится. Исходя из полученных данных, правоохранительные органы имеют возможность определить мотив и объекты посягательства [2, с. 9].

Местом совершения преступления могут быть помещения, места большого скопления людей, многоквартирные и частные дома, участки домов, зданий и пр. *Время* как элемент криминалистической характеристики имеет свои особенности: преступный результат не зависит от времени его совершения, а преступный умысел может быть реализован как в дневное, так и в ночное время.

В научной литературе большое внимание уделяется *мотиву* как элементу криминалистической характеристики [3; 4]. Мотив подразумевает императивное воздействие субъекта, совершающего противоправное деяние. Мотивы совершения преступления разнообразны. Одними из самых общеизвестных мотивов экстремизма являются религиозный и националистический.

Для эффективного расследования экстремизма необходимо детально исследовать процесс взаимодействия двух материальных объектов, в ходе которого один из объектов оставляет следы на другом. Данный процесс включает объективные характеристики совершаемого действия, а его изучение способствует выявлению личностных характеристик лица, совершившего преступление. Кроме этого, механизм следообразования включает способ подготовки и способ сокрытия преступления [5, с. 52].

Необходимо отметить, что способ сокрытия преступления представляет собой особую деятельность преступника, сущность которой заключается в том, что виновное лицо стремится к тому, чтобы противоправное деяние не было обнаружено правоохранительными органами, т. е. основная цель — помешать эффективному расследованию рассматриваемого преступления. Среди основных способов сокрытия выделяют фальсификацию, уничтожение информации о преступлении, выезд на другую территорию для осуществления преступного замысла, инсценировку, ложное алиби, утаивание информации и др. [6, с. 55].

Необходимо отметить, что способ сокрытия преступления представляет собой особую деятельность преступника, сущность которой заключается в том, что виновное лицо стремится к тому, чтобы противоправное деяние не было обнаружено правоохранительными органами, т. е. основная цель — помешать эффективному расследованию рассматриваемого преступления. Среди основных способов сокрытия выделяют фальсификацию, уничтожение информации о преступлении, выезд на другую территорию для осуществления преступного замысла, инсценировку, ложное алиби, утаивание информации и др. [6, с. 55].

Таким образом, преступления экстремисткой направленности наносят огромный вред обществу и государству. Для успешного противодействия экстремизму необходимо понимать его сущность, причины и условия возникновения. Противодействие экстремизму в Российской Федерации — одна из наиболее важных задач государственного уровня. Для эффективного исследования преступлений экстремисткой направленности и анализа криминалистической характеристики рассматриваемых пре-

ступлений необходимо изучение не только уголовного права, но и других смежных наук, а также судебной практики. Многие вопросы, связанные с криминалистической характеристикой, носят дискуссионный характер, что требует дальнейшего изучения данной темы и подчеркивают ее актуальность.

Список литературы:

1. Голубых Н. В., Леготина М. П. О сущности понятия «экстремизм» // Адвокат. 2013. № 6. С. 60–63.

2. Жеребятьев И. В. Личность потерпевшего в современном уголовном судопроизводстве России: монография. Оренбург: РИК ГОУ ОГУ, 2004. 220 с.

3. Куемжиева С. А. О понятии криминалистической характеристики преступления // В сборнике: Криминалистические чтения на Байкале 2015. Материалы Международной научно-практической конференции. ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», Восточно-Сибирский филиал. Отв. ред. Д. А. Степаненко. 2015. С. 200–204.

4. Усенко А. С., Хлус А. М. Криминалистическая характеристика и материальная структура в методике расследования незаконного участия в предпринимательской деятельности // Юстиция Беларуси. 2021. № 2 (227). С. 43–48.

5. Лихолетов А. А. Понятие и виды преступлений, совершаемых в сфере игорного бизнеса // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 1 (24). 2013. С. 51–56.

6. Скориков Д. Г. Расследование преступлений экстремистской направленности: дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2014. 224 с.

References:

1. Golubykh N. V., Legotina M. P. On the essence of the concept of "extremism"// Advocate. 2013. No. 6. Pp. 60–63.

2. Zherebyat'ev I. V. The personality of the victim in modern criminal proceedings in Russia: monograph. Orenburg: RIK GOU OSU, 2004. 220 p.

3. Kuimzhieva S. A. On the concept of criminalistic characteristics of a crime // In the collection: Forensic readings at Baikal 2015. Materials of the International Scientific and Practical Conference. FGBOUVO "Russian State University of Justice East Siberian Branch. Resp. ed. D. A. Stepanenko. 2015.Pp. 200–204.

4. Usenko A. S., Khlus A. M. Forensic characteristics and material structure in the method of investigation of illegal participation in entrepreneurial activity // Justice of Belarus. 2021. No. 2 (227). Pp. 43–48.

5. Likholetov A. A. The concept and types of crimes committed in the field of gambling // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 1 (24). 2013. Pp. 51–56.

6. Skorikov D. G. Investigation of Extremist Crimes: Diss. ... Cand. legal sciences. Volgograd, 2014. 224 p.

УДК/UDC 343.98

Теоретические аспекты криминалистических и специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений с точки зрения теории следовых систем

Лузгин Иван Иванович
аспирант кафедры криминалистики
Белорусский государственный университет
г. Минск, Республика Беларусь
e-mail: yariy_winner@mail.ru

Аннотация

Успешность обеспечения процесса раскрытия и расследования преступлений и объективизация процесса доказывания обеспечивается собиранием и процессуальным закреплением фактических данных, относящихся к совершенному деянию. Криминалистическое представление, о преступлении основанное на разрабатываемых криминалистикой приемах, методах и средствах выявления и фиксации признаков преступных деяний существенно отличается от уголовно-правового. Криминалистическое представление о преступлении в процессе научного развития приобрело форму как описания наиболее значимых его признаков, так и сформировало современную систему выявления, фиксации и исследования материально фиксированных признаков преступлений. Результатом чего явилось возникновение научной категории «технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений». Развитие современной криминалистики и криминалистических технологий, в частности, невозможно представить без постоянного их совершенствования. Развитие криминалистических технологий не должно строиться на базе общего развития техники как адаптируемой под решаемые задачи процесс. Более эффективен путь разработки криминалистических технологий и технических средств опирающийся на инновационные криминалистические теории. Служащие фундаментальной основой, как опережающего пути их разработки для решения как современных, так и перспективных криминалистических задач. Роль «технико-криминалистического обеспечения» состоит в создании условий оптимизации и объективизации процесса доказывания каждого из преступлений. Оно должно основываться на криминалистическом понимании преступления как структурированной системы, состоящей из конкрет-

ных элементов, изучаемых в процессе следственной деятельности с использованием современных криминалистических средств, технологий и судебно-экспертных методик. Построение криминалистической деятельности на основе современных криминалистических теорий обеспечивает наименее затратную и более оптимизированную систему решения как криминалистических, специальных так и правоохранительных задач.

Ключевые слова: криминалистика; криминалистически значимая информация; следы, следовые системы; вещественные доказательства; теория следовых систем; специальные знания, криминалистические технологии; технико-криминалистическое обеспечение; судебно-экспертная деятельность.

The theoretical aspects of forensic and special expertise in the process of investigation of crimes and reaching a conclusion according to trace system theory

Luzgin Iwan Iwanovich
postgraduate student of the Department of Criminalistics
Belarusian State University
Minsk, Republic of Belarus
e-mail: yariy_winner@mail.ru

Abstract

The success of the provision of reaching a conclusion with regard to crimes investigation processes and objectification of the proving process is based upon collecting and formal fixation of facts concerning the act committed. Based on forensically established methods and means of criminal acts characteristic's revealing and fixation processes, the forensic view on a crime differs from the criminal law one significantly. Not only the forensic view on a crime has taken the form of its most significant characteristics description, but it also has constituted the modern system of revealing, fixation and physically fixed characteristic's analysis processes. That's where the scientific category "technical and forensic provision of reaching a conclusion with regard to crimes investigation processes" has appeared. The evolution of modern forensic science and forensic technologies specifically is impossible to imagine without its constant enhancement. The evolution of forensic technologies is not to be based on general technical

progress via solution-oriented process. The way of forensic technologies and technical means designing process grounded in innovative forensic theories seems to be more effective. The latter may be a fundamental basis of an outrunning field of knowledge research useful for both contemporary and perspective forensic problem's solution. The role of "technical and forensic provision" is in the creation of conditions for any crime's optimization and objectification proving process. It is to be based on the forensic notion for the crime as a structured system with its specific elements, the latter to be considered during the investigation whilst applying contemporary forensic means, technologies and forensic methods. The forensic activity system's design process based on the contemporary forensic theories provides a low-costing and optimized system of forensic, specific and law enforcement bodies' problems solution.

Key words: forensic science; forensically significant information; traces, trace systems; physical evidence; trace system theory; special expertise, forensic technologies; technical and forensic provision; forensic activity.

Эффективность криминалистической деятельности с точки зрения главной задачи, – ее результативность в обеспечении раскрытия и расследования преступлений и эффективность ее самой. Востребованность обусловлена ее влиянием как многоаспектного фактора на формирование условий оптимизации процесса и качества решения правоохранительных задач.

Уровень извлечения и степень комплексности и скорости обработки криминалистически значимой информации (далее по тексту – КЗИ), как и оптимизация ее под требуемый формат это не только эффективность криминалистической деятельности как таковой, но и ее востребованность в ходе решения возникающих задач. Использование криминалистических и специальных знаний для внутреннего их применения и для внешнего по отношению к ним далеко не одно и тоже. Что как минимум требует соответствия уровня подготовки и знания терминологии субъектами расследования и расшифровки результатов основных положений применения криминалистических и специальных знаний для участников процесса.

Сама сфера деятельности предопределяет ее характер, требующий ее соответствия уровню, степени сложности и оперативности решаемых задач. Основные виды обеспечивающей криминалистической и организация непосредственной правоохранительной деятельности требуют постоянного совершенствования их как взаимосвязанных систем и как функционально обусловленного процесса. Основы этого должны предусматриваться с уровня обучения позволяющего будущим субъектам расследования разговаривать и понимать друг друга вне зависимости от занимаемых ими должностей.

Существующая практика ознакомления подозреваемых и представителей их стороны с материалами дел (пусть и в заключительной стадии расследования), содержащими детали самого процесса применения криминалистических и методиками использования специальных знаний не способствует в целом эффективному противодействию совершаемым преступлениям и их предупреждению. Ибо было бы более разумным представлять результаты использования криминалистических и специальных знаний в судебно-экспертных заключениях (как источниках доказательств) в виде краткого изложения их итогов без расшифровки методик и характера использованных для этих целей сил и средств.

Обоснованием непротиворечивости этого положения реалиям современных условий протекания процесса расследования является факт не только необходимости конфиденциализации лиц криминалистически обеспечивающих процесс доказывания, но и применения этого в отношении методик исследования КЗИ. Действующие в различных странах системы защиты свидетелей, очевидно, указывают не только на необходимость, но и на аргументированность данного суждения.

Лица, применяющие и использующие криминалистические и специальные знания, являются в установленном законом порядке субъектами с соответствующим их должностным положениям объемом обязанностей и прав, отражающих процесс их деятельности в каждом из формируемых ими документов.

В каждом из заключений эксперта (в отличие от лица производящего дознание и следователя) присутствуют не только его данные, но и подписка об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения. Что является еще одним один из аргументов избыточности изложения подробной информации о деталях проводимых исследований в рамках судебно-экспертных заключений.

С одной стороны это выступает расшифровкой перед участниками одной из сторон (не всегда заинтересованной в установлении истины) деталей проводимых исследований. С другой стороны, как минимум, используется ими для затягивания процесса расследования, нахождения контраргументов и формирования организованного противодействия расследованию. А так же попытками аргументации, как по характеру использования специальных знаний, так и по возможному их фактическому использованию в противодействии.

Еще одним аргументом в пользу учета этого аспекта является то, что параллельно с выполнением основной задачи при производстве расследования фактически происходит процесс обучения противодействию и профессионализация преступной среды.

Существующие на сегодня реалии процесса доказывания, – это следование установившимся традициям приемлемым в условиях ранее существовавшей социально-экономической формации. В силу сформировавшихся реалий существующей социально-экономической формации (в условиях которой и выполняется реальный процесс криминалистического обеспечения раскрытия и расследования), требуются правовые обоснования и решения, более соответствующие современным социально- экономическим условиям. Которые должны обеспечивать не только защиту законных интересов всех сторон, но в существенной мере и как интересы, так и фактическую защиту субъектов расследования преступлений на фоне реальности сложившихся общественных отношений. Что вызывает необходимость изменений и в характере криминалистического обеспечения процесса расследования. Целью, которых является оптимизация и

объективизация выполнения оперативно-служебных задач подразделениями, осуществляющими данный процесс.

Методики судебно-экспертных исследований, как и методики использования криминалистических технологий и средств фактически являются служебными орудиями обеспечения процесса раскрытия и расследования. И если наличие оружия у субъектов расследования, как средства самозащиты, не вызывает вопросов о его наличии, то странным является скорее не вопрос, а сам факт отсутствия подобной законодательной защиты процесса раскрытия методик исследования и применения криминалистических технологий в обеспечении процесса расследования.

Все это не является попыткой обоснования закрытости процесса, а разумной обоснованностью, как достаточности объема и уровня открытия и сохранения специальной и криминалистической информации, так и безопасности осуществляющих процесс криминалистического обеспечения расследования лиц [1, с. 464-467]. При этом ознакомление с полным объемом процесса исследования и применяемых методик может в плане их научности и доказательственного значения может осуществляться как надзирающими, так и контролирующими данный процесс органами.

Одним из аспектов этого же процесса является наличие требований статей уголовных кодексов ряда стран об ответственности за фальсификацию и нарушение процесса расследования его субъектами. При этом это требует для надлежащего доказывания существенных затрат сил и средств.

В порядке обсуждения, если подписку о надлежащем выполнении своей роли в процессе дает судебный эксперт (как ситуационный участник процесса и не отвечающий в полной мере за процесс доказывания), то возможен подобный вариант решения и в отношении этих субъектов об аналогичных требованиях к ним. Конечно же, это выглядит избыточным но, тем не менее, может выступать как обсуждаемый аргумент.

Криминалистическое обеспечение в целом является одной из подчиненных систем по отношению к обеспечиваемому им основному виду

деятельности – раскрытию и расследованию преступлений. Результативность как своей, так и обеспечиваемой деятельности – это их синергизм в статике и степень соотношения в динамике как системы и как процесса. Это базовый уровень системы и динамика ее воплощения и развития как процесса. Деятельность в совершенстве, – это единство функциональности системы и оптимизирующего ее применение процесса. Это не позволяет рассматривать в обеспечении деятельность как обособленный от ее организации процесс. Степень совершенства как одного, так и другого нивелируется и управляется другим.

Организационные меры деятельности – это формирование ее системы. Методические меры – формирование и отработка ее функционирования как процесса. При формировании технико-криминалистического обеспечения (далее по тексту – ТКО) раскрытия и расследования преступлений по «процессионному» пути использования технических, методических и технологических средств они имплементируются в систему технико-криминалистического обеспечения из иных отраслей в силу общего развития научно-технического прогресса. Требуя технико-технолого-методической «доработки» для соответствия специфике сферы применения и вызовам предъявляемых к ним в ходе их использования при выполнении практических задач. Их доведение до уровня требований представляет собой экстенсивный путь развития ТКО и связан с существенными затратами на этот процесс сил и средств. От формирования штатных структур трансформации технико-инструментальных и технологических элементов «общепрогрессивного» назначения до самой деятельности по их доведению до использования в правоохранительной сфере на уровне соответствующим процессуальным и криминалистическим требованиям к такого рода объектам.

Для каждого из субъектов правоохранительной деятельности в международном плане эта деятельность имеет свой как ресурсный, так и экономически обусловленный предел. Тем самым уровень постоянного (системного) не требующего административных мер соответствия решаемым задачам современных криминалистических средств – это не только

насыщение ТКО расследования преступлений наиболее современными силами и средствами, но и выбор модели ее развития как вида деятельности по экстенсивному или интенсивному пути.

Формирование ТКО на не чисто организационной, а организационно-методической основе предполагает ее современную теоретическую научную базу. Не столько предполагающую оптимизацию множеств общетехнических и технологических объектов с превращением их в систему технико-инструментальных и технолого-криминалистических методов и средств. А имеющую целью их изначальную разработку под соответствующие криминалистические задачи.

Современная криминалистика предполагает не только совершенствование криминалистических приемов, методов и средств, но и прежде всего технологическое воплощение научных теорий в методики и средства, не только отвечающие уровню возможностей решения насущных и перспективных криминалистических задач. Но и осуществление их решений наиболее оптимальным путем. Речь идет не о системе технико-криминалистических средств и методов (далее по тексту – ТКСМ), а о технико-криминалистических средствах и методах системы ТКСМ [2, с. 37; 3, с. 7; 4, с.17].

Методическое совершенство и организационная составляющая выступают как две стороны одного явления и имеют место как операционный уровень решения текущих задач. Но их функциональность не должна строиться лишь на эмпирических данных. Ее эффективность должна базироваться на методологически верной основе организации и методики, и характера криминалистического обеспечения решений современных правоохранительных задач.

Многоаспектность в определении сущности понятия ТКО выделяет три наиболее главных подхода: деятельный, системный и системно-деятельный. Различные взгляды по вопросу оценки ТКО либо как системы, либо как вида деятельности лишены смысла, так как представляют собой придание чрезмерного внимания частным моментам, игно-

рирующим то целостное, что объединяет понятие ТКО и по форме и по существу.

Система обеспечения формируется из специальных знаний, которые объединяют в единое целое, как деятельность, так и обеспечение (силы и средства, их организация и методика применения). При этом, деятельность – это и есть функция системы, а эффективная деятельность предполагает ее осуществление в системе.

Таким образом, функция системы и ее обеспечение представляют собой единое целое, направленное на единую цель. Наличие цели и есть смысл их формирования и деятельности как внешне видимых оснований и как внутренний смысл существования. Недооценка вышеизложенных факторов является важной причиной споров по проблеме определения сущности ТКО.

Любой вид ТКО и ТКО раскрытия и расследования преступлений следует рассматривать как «системный вид деятельности» функциональность, которого обеспечивается степенью системности методического уровня в сочетании с уровнем организованности задействованных сил и средств.

В чем и заключается фактическая формула совершенства ТКО обеспечивающего эффективность практической сферы современных правовых систем.

На основании анализа фактического содержанием термина ТКО раскрытия и расследования преступлений можно сформулировать определение данного вида ТКО, выражаемое в следующей форме:

- «технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений» – это вид системной деятельности, использующий систему сил и средств, обеспечивающих реализацию криминалистических знаний субъектами, осуществляющими предварительное расследование и сотрудниками судебно-экспертных подразделений, использующими специальные знания (СЗ) в соответствии с действующим законодательством.

Данный вид системной деятельности осуществляется в процессуальных и не процессуальных технологически обусловленных формах обеспечивающих оптимизацию унификацию и защиту функций получения, обработки, накопления и использования криминалистически значимой информации, отражающейся в уровнях ее реализации обусловленной временем и степенью оснащенности и подготовки правоохранительных структур и судебно-экспертных подразделений (далее по тексту – ЭКП) и степенью их готовности к эффективному решению криминалистических задач в процессе раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Основой материальных объектов процессуально и криминалистически вовлеченных в процесс доказывания лежит КЗИ. Она является системным объектом судебно-экспертных исследований служащим доказательной основой судебно-экспертных заключений. Уровень ее извлекаемости и степень комплексности исследования для использования в процессе доказывания является индикатором уровня совершенства как системы ТКО, так и реализации специальных знаний, обеспечивающих доказательный процесс.

Тем самым любой криминалистически значимый объект имеет информационную основу и, как и КЗИ содержащаяся в нем подчиняются законам теории систем.

Их неизменность имеет информационную основу во времени и пространстве. Наличие в них элементов взаимодействующих систем является базовой основой и фактором, как возможности, так и необходимости расширения уровня понятия любого объекта и присущих ему явлений и свойств.

В этом и заключается теоретическая первооснова обеспечения практической реализации возможности расширения идентификационности для криминалистических целей любых объектов, на информационном уровне [5, с.121; 6, с.27; 7; 8, с.118].

С точки зрения информационного уровня оценки материальных доказательств и любой иной КЗИ их следует воспринимать как целост-

ные объекты, взаимосвязанные материально и информационно следовые системы. С этой точки зрения, не существуют отдельные следы или КЗИ, а только криминалистические следовые системы. Понятие отдельных следов и единичной КЗИ является ни чем иным как созданной на определенном уровне развития криминалистики системой удобства изъятия и конвейерной системы их исследования [9, с.195-201].

Тем самым, основой будущего развития криминалистических исследований и использования специальных знаний в рамках всех видов обеспечиваемых ими процессов по использованию КЗИ должен стать переход от исследования отдельных следов к их исследованию как следовых систем. Ведь именно «следовая система» представляет собой «систему доказательств». При этом совершенствуется не только путь получения КЗИ, но и технологическое совершенство системы криминалистической и судебно-экспертной деятельности по трансформации КЗИ в доказательственную. Что обеспечивает для субъектов расследования не просто ответы на отдельные вопросы, а комплексный уровень эффективности решения правоохранительных задач.

Так как информационная сущность КЗИ очевидна, то следующим этапом ее использования в процессе доказывания должна быть реализация ее использования не как отдельных следов, а как следовых систем.

Необходимо создание комплексных систем информационного уровня отображения, обнаружения, выявления, изъятия, фиксации и передачи на исследование КЗИ. Это требует дальнейших исследований и технологического обеспечения данного процесса. Очевидно, что передача и исследование КЗИ с точки зрения «материальной структуры преступления» не вполне пригодна для ее машинной обработки как по диагностическому, групповому и видовому уровням, так и на основе идентификационных систем. С позиции теории следовых систем к использованию на этом уровне КЗИ потребуется принципиально иной подход. Но он будет наиболее эффективен, так как сюда включится обработка на этом уровне не только материальных, идеальных, но и всех форм виртуальных следов.

Таким образом, «информационная структура преступления» – это криминалистически значимая система объектов вовлеченных в процессуально обусловленный и криминалистически обеспеченный процесс содержащих скрытую доказательственную информацию.

Получение и обработка на информационном уровне обеспечивающим технологическое изъятие, защиту, исследование и использование для процесса доказывания информационной структуры преступления как целостной следовой системы (не имеющей ограничений по оперативности и степени комплексности обработки видов исследуемых следов) является принципиально иным уровнем решения криминалистических и доказательных задач. В чем ее принципиальное отличие от системы исследования КЗИ по принципу «исследования материальной структуры преступления».

Предлагаемое понятие «информационной структуры преступления» с методологической точки зрения представляется как «общее», а «материальная структура преступления», – как «частное» или как его частный случай. Вышеуказанное не только расширяет, но и прежде всего, существенно повышает уровень объективизации и качественности всех уровней решения правоохранительных задач.

Применение современных технологий к старым формам получения необходимых криминалистических данных на основе «исследования материальной структуры преступления» исчерпало себя и подлежит замене. Лежащий в основе объектов и процессов информационный уровень, обеспечивающий их функционирование, предопределяет переход существующей системы материального исследования к информационной.

Выход ТКО раскрытия и расследования на информационный уровень исследования КЗИ обеспечивается криминалистическими технологиями и автоматизируя многие процессы будет не только более эффективен, но и менее затратен как по силам, так и средствам обеспечения решаемых задач.

Очевидность необходимости этого заключается и в том, что системность, заложенная на информационном уровне в природных процессах,

явлениях и объектах как элементах криминалистически значимых следовых систем, эффективна лишь на столь же системном уровне их исследований, а противодействие преступности, – эффективно лишь на уровне криминалистической стратегии, ибо противодействие системам эффективно лишь на уровне систем.

В научных трудах Г. В. Федорова и В. Г. Григоровича технологии одорологических и голографических методов криминалистических исследований [10; 11], являются элементами перспективной ТКО, во многом определяющей развитие современной криминалистики.

С позиции понимания целей и характера решаемых задач современной криминалистики ее выход на информационный уровень решения задач – это залог успеха.

Криминалистические технологии превзошли чисто технический уровень криминалистических решений. Характер обработки данных, степень оперативности, уровень достоверности и полноты, (формируемых на основе единых программных и аппаратных элементов функционирующих систем) обеспечивает формирования единого криминалистического многофакторного идентификационного поля. Обеспечивая трансформацию всех стадий получения КЗИ в единый высокотехнологичный процесс и в новых технологиях воплощая информационные уровни исследования КЗИ как следовых систем [12, с. 10-17].

Технологическими инструментами, формирующими эффективность идентификационных исследований на информационном уровне, являются голографические технологии.

Благодаря им возможно использование идентификационно значимых интерферограмм, содержащих в себе криминалистически значимую информацию, имеющую высокий уровень доказательности. Значимые результаты можно получить и при использовании голографии и как при создании систем защиты доказательств от фальсификации, так и при ТКО раскрытия и расследования преступлений.

Информационный уровень исследования криминалистически значимых систем практически безграничен по уровню и комплексности ре-

шаемых задач. Именно это делает его наиболее перспективным для использования в структуре современных исследовательских криминалистических систем [13, с. 311-314].

Информационный уровень понимания содержания КЗИ указывает и на фактическое изменение содержания определения современной криминалистики. Ее определение может быть следующим: «наука о системном проявлении и индивидуальном отражении закономерностей механизма преступления на уровнях следовых систем и построения на основе познания механизмов их информационно-материальных взаимодействий технологий поиска, обнаружения, сбора, исследования, оценки и использования на информационном уровне КЗИ и разработки специальных средств и методов, обеспечивающих на этой основе, раскрытие, расследование и предупреждение преступлений».

Данное определение определяет не только направление развития современной криминалистики и судебно-экспертной деятельности, но и указывает на суть происходящих процессов формирующих современный уровень развития ТКО раскрытия и расследования преступлений обеспечивающих решение современных криминалистических и в целом правоохранительных задач.

Изложенное позволяет утверждать, что:

1) формирование технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений на основе использования теории следовых систем должно обеспечивать реализацию процесса доказывания на подлинно информационной основе;
2) основываясь на криминалистическом понимании и исследовании материальных элементов преступлений необходим переход на понимание их как следовых систем информационного уровня решения правоохранительных задач в целом и раскрытия и расследования преступлений, в частности;
3) использование понятия «информационная структура преступления» способно обеспечить более широкий круг понимания, как сущности процессов, так и расширить возможности реше-

ния возникающих в процессе раскрытия и расследования преступлений криминалистических и судебно-экспертных задач;

4) содержанием предложенного понятия ТКО раскрытия и расследования преступлений является его определение как «системный вид деятельности» сочетающий методический уровень со степенью организованности задействуемых сил и средств;
5) не следование за технологическими возможностями, а разработка на основе практико-значимой теории инновационных технологий не только существенно упросит, но и ускорит возможность получения наибольшего количество данных необходимых для эффективного раскрытия и расследования преступлений;
6) для оптимизации деятельности по раскрытию и расследованию преступлений следует основываться на развитии технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступления как структурированной системы, состоящей из информационно-значимых элементов, устанавливаемых в ходе расследования уголовных дел, основанной на учении о материальной структуре преступления, но переводимой с материального на информационный уровень решения криминалистических задач;
7) анализ теоретических аспектов технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, с позиции учения о «материальной структуре преступления» позволяет перейти к следующему уровня решения правоохранительных задач, - на основе «учения о информационный структуре преступления»;
8) учение о «информационной структуре преступления» имеет те же составляющие элементы, но существенно более высокий и глубокий уровень общности понятий;
9) применительно к технико-криминалистическому обеспечению раскрытия и расследования преступлений и использования специальных знаний в этом процессе учение о «информационной

структуре преступления» должно строиться на основе теории следовых систем;

10) практическая значимость теоретических аспектов технико-криминалистического обеспечения на базе учения об «информационной структуре преступления» состоит в возможности формирования на этой основе высокотехнологичных систем предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, не имеющих аналогов, как по уровню возможностей, так и вне зависимости от степени сложности возникающих в этом процессе задач.

Список литературы:

1. Попов, В. П. Криминалистические средства по обеспечению защиты доказательств от фальсификации // Криминалистика - прошлое, настоящее, будущее: достижение и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции. - М., 2019. С. 464-467.

2. Аверьянова Т. В. Интеграция и дифференциация научных знаний как источник и основы новых методов судебной экспертизы / Т. В. Аверьянова. – М., 1994. 186 с.

3. Авраменко И. Л. Организационно-тактические основы расследования преступлений и тенденции их развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / И. Л. Авраменко. – М., 1991. 22 с.

4. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза: курс общей теории / Т.В. Аверьянова. – М.: Норма, 2006.

5. Белкин Р. С. Курс криминалистики: учеб.: в 2 т. / Р.С. Белкин. – М., 1997. Т. 1.

6. Берков В. Ф. Философия и методология науки: учеб. пособие / В.Ф. Берков. – М., 2004. 335 с.

7. Bertalanffy L. von, General system theory-a critical review / L. von Bertalanffy; пер.Н.С.Юлиной // General systems. 1962. Vol. VII. Pp. 1 – 20.

8. Волынский В. А. Закономерности и тенденции развития криминалистической техники: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / В.А. Волынский. – М., 2001. – 246 с.

9. Лузгин И. И. Теория следовых систем // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. D, Экономические и юридические науки. - 2009. - N 10. Серия «D». – 201с. С. 195-201. - 2 рис.

10.Григорович В. Л. Голографические технологии в криминалистике : монография / В.Л. Григорович, И.И Лузгин; под. ред. В.Л. Григоровича. - Саарбрюккен, Германия : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013.- 249 с.

11.Федоров Г. В. Криминалистические средства противодействия преступности: теоретические аспекты / Г.В. Федоров; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2008. 187 с.

12.Колдин, В. Я. Информационные основы экспертно-криминалистического анализа / В. Я. Колдин, Д. П. Поташник // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 11, Право. 1999. № 4. С. 10-17.

13.Лузгин И. И. О некоторых аспектах практической реализации вопроса дифференциации и интеграции использования специальных знаний в условиях применения современных криминалистических технологий // Кримінальна політика : історія, сучасність, перспективи. П'яті юридичні читання: зб. наук. ст. за матеріалами міжнар. наук. конф. студентів та аспірантів (ОНУ ім. І.І. Мечникова, каф. кримінального права, кримінального процесу і криміналістики, 21 лист. 2008 р.) / М-во освіти і науки України; Одес. нац. ун-т ім. І.І. Мечникова; уклад.: Е.Л. Стрельцов, І.С. Доброход; за заг. ред. Е.Л. Стрельцова. – Одеса: Астропринт, 2008. – С. 311-314.

References:

1. Popov V. P. Forensic means to ensure the protection of evidence from falsification // Criminalistics - past, present, future: achievement and development prospects: materials of the International Scientific and Practical Conference. - M., 2019. Pp. 464-467.

2. Averyanova T. V. Integration and differentiation of scientific knowledge as a source and basis for new methods of forensic examination / T.V. Averyanov. - M., 1994. 186 p.

3. Avramenko I. L. Organizational and tactical foundations of crime investigation and tendencies of their development: author. dis. ... Cand. jurid. Sciences: 12.00.09 / I.L. Avramenko. – M., 1991. 22 p.

4. Averyanova T. V. Forensic examination: course of general theory / T.V. Averyanov. – M.: Norma, 2006.

5. Belkin R. S. Forensic course: textbook: in 2 volumes / R. S. Belkin. - M., 1997 T. 1.

6. Berkov V. F. Philosophy and methodology of science: textbook. allowance / V.F. Berkov. - M., 2004. 335 p.

7. Bertalanffy L. von, General system theory-a critical review / L. von Bertalanffy; per.N.S. Yulina // General systems. 1962. Vol. Vii. Pp. 1-20.

8. Volynsky V. A. Regularities and trends in the development of forensic technology: dis. ... Dr. jurid. Sciences: 12.00.09 / V. A. Volynsky. - M., 2001. 246 p.

9. Luzgin I. I. Theory of trace systems // Bulletin of Polotsk State University. Ser. D, Economic and legal sciences. 2009. No. 10. Series "D". 201 p. Pp. 195-201. - 2 pic.

10. Grigorovich V. L. Holographic technologies in forensic science: monograph / V. L. Grigorovich, I. I. Luzgin; under. ed. V. L. Grigorovich. - Saarbrücken, Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. 249 p.

11. Fedorov, G. V. Criminalistic means of counteracting crime: theoretical aspects / G. V. Fedorov; Int. cases Resp. Belarus, Acad. Ministry of Internal Affairs Resp. Belarus. - Minsk: Acad. Ministry of Internal Affairs Resp. Belarus, 2008. 187 p.

12. Koldin V. Ya. Information bases of forensic analysis / V. Ya. Koldin, D. P. Potashnik // Vestn. Moscow state un-that. Ser. 11, Right. 1999. No. 4. Pp. 10-17.

13. Luzgin I. I. On some aspects of the practical implementation of the issue of differentiation and integration of the use of special knowledge in the context of the use of modern forensic technologies. P'yati legal reading: zb. sciences. Art. for the materials of the ministry. sciences. conf. students and acpipants (ONU im. I. I. Mechnikov, department of criminal law, criminal process of i criminalistics, 21 pages. 2008) / M-ovit i science of Ukraine; Odessa. nat. un-t im. I.I. Mechnikov; way: E. L. Streltsov, I. S. Dobrokhod; for zag. ed. E. L. Streltsov. - Odessa: Astroprint, 2008. Pp. 311-314.

УДК/UDC 343.359

Контрабанда как деструктивный фактор национальной безопасности

Кислый Олег Алексеевич
кандидат педагогических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин и таможенного дела
Московский гуманитарно-экономический университет г. Москва, Россия
e-mail: razboiniki@yandex.ru
SPIN-код: 4737-6134

Лукашин Михаил Владимирович
кандидат юридических наук
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
г. Москва, Россия
e-mail: 79037006258@yandex.ru
SPIN-код: 4861-5270

Аннотация

В данной статье рассматриваются некоторые проблемы такого сложного социально-экономического явления, как контрабанда, которое создает угрозу национальной безопасности Российской Федерации. Анализируются положения ряда нормативно-правовых актов. Исследуются факторы, приводящие к развитию данного вида преступности, а также влияние указанного феномена на основные сферы жизнедеятельности современного российского общества. Особое внимание уделяется рассмотрению эффективности деятельности таможенных органов по противодействию контрабанде. По мнению авторов, необходимо усилить меры экономического воздействия на участников внешнеэкономической деятельности в виде ужесточения штрафных санкций, административной и уголовной ответственности за контрабанду, тем самым снизив мотивацию к нарушению закона. Также следует разрабатывать системы электронного сопровождения грузов, что позволит предотвратить ввоз на территорию страны товаров с содержанием опасных для здоровья и жизни людей и животных веществ.

Ключевые слова: деструктивный фактор, контрабанда, угроза безопасности, национальная безопасность, экономическая безопасность, таможня, таможенные органы.

Smuggling as a destructive factor of the national security

Kislyy Oleg Alekseyevich
Candidate of Pedagogical Sciences, assistant professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines and Customs Affairs
Moscow University of Humanities and Economics
Moscow, Russia
e-mail: razboiniki@yandex.ru
SPIN Code: 4737-6134

Lukashin Mikhail Vladimirovich
Candidate of Law
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
Moscow, Russia
e-mail: 79037006258@yandex.ru
SPIN Code: 4861-5270

Abstract

This article examines some of the problems of such a complex socio-economic phenomenon as smuggling, which poses a threat to the national security of the Russian Federation. The provisions of a number of normative legal acts are analyzed. The factors leading to the development of this type of crime, as well as the influence of this phenomenon on the main spheres of life of modern Russian society are investigated. Particular attention is paid to the consideration of the effectiveness of the activities of customs authorities to counter smuggling. According to the authors, it is necessary to strengthen measures of economic impact on participants in foreign economic activity in the form of tougher penalties, administrative and criminal liability for smuggling, thereby reducing the motivation to violate the law. It is also necessary to develop systems for electronic tracking of goods, which will prevent the import into the territory of the country of goods containing substances hazardous to the health and life of people and animals.

Key words: destructive factor, smuggling, security threat, national security, economic security, customs, customs authorities.

Одной из важнейших задач любого современного государства является национальная безопасность. Сегодня существуют разнообразные деструктивные факторы, как внешние, так и внутренние, которые с каждым годом эволюционируют.

Национальная безопасность — совокупность официально принятых взглядов на цели и государственную стратегию в области обеспечения жизнедеятельности личности, общества и государства — Российской Федерации. Примером деструктивного фактора является контрабанда.

Контрабанда — умышленное преступление, представляющее собой перемещение товаров и иных предметов через таможенную границу без уплаты таможенных пошлин либо налогов [1]. Такое перемещение через таможенную границу государства может осуществляться с сокрытием от таможенного контроля, либо с использованием поддельных документов или средств таможенной идентификации, либо с недекларированием или недостоверным декларированием перевозимых предметов.

Таможенное дело в Российской Федерации существует и регулируется в рамках Евразийского экономического союза (далее по тексту — ЕАЭС), в связи с чем имеются общие для государств этого союза источники правового регулирования внешнеэкономической деятельности (Таможенный кодекс ЕАЭС и др.). Защита экономической безопасности [2] страны считается главенствующей функцией таможенных органов любого государства, основной формой реализации которой является правоохранительная деятельность. В системе правоохранительных органов Российской Федерации, которые защищают экономические интересы, экономическую безопасность и вместе с тем национальную безопасность государства, особое место занимают таможенные органы Российской Федерации [3]. Действующее законодательство, а именно Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации», относит таможенные органы к числу правоохранительных [4].

Геополитическое положение Российской Федерации обуславливает ее вовлеченность в различные мировые процессы. Во все исторические

времена борьба с контрабандой признавалась государственным делом. В настоящее время актуальность борьбы с данным преступным деянием достаточно высока, что объясняется рядом причин:

1. Заключенный между государствами — участниками СНГ ЕАЭС предусматривает единую таможенную область, где беспошлинно перемещаются товары через государственные границы. Таким образом, товар, пересекающий границу одного из государств — участников ЕАЭС, может беспрепятственно быть перевезенным на территорию любого государства — члена ЕАЭС, поскольку приобретает статус товара ЕАЭС. Как следствие, возникают и возрастают риски нанесения ущерба национальной безопасности каждого из государств — членов ЕАЭС. В свою очередь, необходимость укрепления таможенной и государственной границ одновременно всех государств — участниц ЕАЭС повышается.
2. Начинают развиваться новые формы контрабанды, она использует все более изощренные методы. Так, контрабандисты объединяются не просто в организованные преступные группы, а в организованные преступные сообщества с высокоинтеллектуальной и высокоресурсной базами.

Практически во всех государствах мира контрабанда признается тяжким преступлением, за которое лицо, его совершившее, несет уголовную ответственность. Это подтверждается общественной опасностью и количеством выявляемых таможенными органами преступлений.

Отметим, что благодаря силам и средствам таможенных органов за 2020 г. было возбуждено более 1700 уголовных дел по фактам преступлений, выявленных оперативными подразделениями. Стоимость незаконно перемещенных товаров через таможенную границу ЕАЭС составила более 15 млрд руб. А размер выявленных в рамках возбужденных уголовных дел уклонений от уплаты таможенных платежей составил свыше 3 млрд руб. [5]. Среди предметов преступлений были лес, металл, водные биологические ресурсы и т. д.

Контрабанду считают сложным социально-экономическим явлением, поскольку последствия данного феномена проявляются в различных сферах и носят всеобщий характер. Однако наиболее значительный ущерб наносится экономической, социальной и политической сферам. Контрабанда угрожает не только отдельным гражданам, но и интересами общества и государства в целом. Ущерб от контрабанды выражается в следующем:

1. В нелегально ввозимых в страну товарах могут содержаться опасные для здоровья и жизни людей и животных вещества.
2. Повышается уровень преступности, поскольку контрабанда увеличивает рост теневой экономики в государстве, вследствие чего происходит формирование организованных преступных сообществ, способных также влиять на органы государственной власти.
3. Бюджет недополучает свою доходную часть в виде таможенных платежей, налогов и сборов, что деформирует государственную налоговую политику и налоговые отношения и, как следствие, ведет к сокращению бюджетных поступлений и расходных частей.

Вышеуказанные обстоятельства еще раз подчеркивают, что контрабанда является общественно опасным деянием, оказывающим негативное влияние на компоненты национальной безопасности государства, прежде всего на экономическую, социальную, демографическую, общественную безопасность и т. д.

Чтобы минимизировать последствия от негативного влияния действий контрабандистов, органы государственной власти предпринимают серьезные меры для борьбы с ними. Основную функцию по борьбе с контрабандой несет Федеральная таможенная служба Российской Федерации (далее по тексту — ФТС РФ). ФТС РФ выявляет преступную деятельность с помощью:

1) использования технических средств таможенного контроля (оборудование, приборы, средства измерений, устройства и инструменты) [6];
2) применения маркировок продукции, специальных меток, подтверждающих качество продукции;
3) установления требований по лицензированию импорта, экспорта, оптовой и розничной торговли того или иного вида продукции.

На наш взгляд, необходимо усилить меры экономического воздействия на участников внешнеэкономической деятельности в виде ужесточения штрафных санкций, административной и уголовной ответственности за контрабанду, тем самым снизив мотивацию к нарушению закона. Также следует разрабатывать системы электронного сопровождения грузов.

Таким образом, контрабанда является одной из ключевых угроз национальной безопасности государства. Регулирование таможенными органами экономических процессов с целью развития экономики страны и обеспечения ее национальной безопасности представляет собой комплекс правовых, экономических, организационных и иных мероприятий и программ, применяемых с целью создания защитной среды для реализации экономических интересов государства. Чтобы оградить отечественную экономику от проникновения в нее деструктивных элементов, требуется повысить эффективность государственной таможенной политики и оптимизировать деятельность государственных органов в борьбе с контрабандой.

Список литературы:

1. Официальный сайт Федеральной таможенной службы Российской Федерации. URL: https://customs.gov.ru (дата обращения: 15.08.2021).

2. Кислый О. А., Исаева М. А. Обеспечение экономической безопасности таможенными органами в условиях цифровизации экономических отношений // Вестник МГЭИ (on line). 2021. № 1. С. 52–56.

3. Герасимов И. А. Контрабанда как угроза национальной безопасности России: проблемы противодействия // Проблемы местного самоуправления. URL: http://www.samoupravlenie.ru/17-13.htm (дата обращения: 15.08.2021).

4. О службе в таможенных органах Российской Федерации: Федеральный закон от 21.07.1997 № 114-ФЗ // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons$_{d}oc_{L}AW_{1}$5264/(: 15.08.2021).

5. Правоохранительная деятельность: современное состояние и перспективы развития: Интервью начальника Главного управления по борьбе с контрабандой ФТС России Андрея Юдинцева журналу «Таможня» Правоохранительная деятельность: современное состояние и перспективы развития // Официальный сайт Федеральной таможенной службы Российской Федерации. URL: https://customs.gov.ru/press/aktual-no/document/214126 (дата обращения: 15.08.2021).

6. Галкин В. В. Контрабанда и контрафакт (Часть 3). Меры по предотвращению контрабанды // Официальный сайт В. В. Галкина. URL: http://vadim-galkin.ru/politics/customs/measures-to-prevent-smuggling/ (дата обращения: 15.08.2021).

References:

1. Official website of the Federal Customs Service of the Russian Federation. URL: https://customs.gov.ru (date of access: 15.08.2021).

2. Kislyy O. A., Isaeva M. A. Ensuring economic security by customs authorities in the context of digitalization of economic relations // Vestnik MGEI (on line). 2021. No. 1. Pp. 52–56.

3. Gerasimov I. A. Smuggling as a Threat to the National Security of Russia: Problems of Counteraction // Problems of Local cSelf-Government. URL: http://www.samoupravlenie.ru/17-13.htm (date of access: 15.08.2021).

4. On service in the customs authorities of the Russian Federation: Federal Law of 21.07.1997 No. 114-FZ // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons$_{d}oc_{L}AW_{1}$526
15.08.2021).

5. Law enforcement: current state and development prospects: Interview of Andrey Yudintsev, Head of the Main Directorate for Combating Smuggling of the Federal Customs Service of Russia, to the "Customs"magazine. Law enforcement: current state and development prospects // Official website of the Federal Customs Service of the Russian Federation. URL: https://customs.gov.ru/press/aktual-no/document/214126 (date of access: 15.08.

6. Galkin V. V. Smuggling and counterfeiting (Part 3). Measures to prevent smuggling // Official site V. V. Galkin. URL: http://vadim-galkin.ru/politics/customs/measures-to-prevent-smuggling/ (date of access: 15.08.2021).

УДК/UDC 343.7

Имущественный ущерб как конструктивный признак существенного вреда в должностных преступлениях

Хилюта Вадим Владимирович
доктор юридических наук, доцент
Гродненский государственный университет им. Янки Купалы
г. Гродно, Республика Беларусь
e-mail: tajna@tut.by

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы доктринального и судебного толкования преступных последствий в составах должностных злоупотреблений. Анализируется правоприменительная практика на предмет признания упущенной выгоды в качестве характерного материального ущерба. Автором доказывается, что упущенная выгода не всегда может признаваться разновидностью причиненного имущественного ущерба ввиду того, что она носит предположительный (вероятностный) характер, может образовываться при гипотетически возможном использовании иных методов ведения финансово-хозяйственной деятельности субъектом хозяйствования. По сравнению с причиненными материальными последствиями в виде реального (прямого) ущерба упущенная выгода как элемент преступного последствия не столь общественно опасна, поскольку имущественная масса владельца имущества прямым образом не уменьшается, а имеет место лишь элемент косвенного влияния на потенциальный объем имущества субъекта хозяйствования. Предлагается детализировать преступные последствия в должностных злоупотреблениях и дифференцировано подходить к вопросу об их унификации.

Ключевые слова: должностные преступления, злоупотребление полномочиями, преступные последствия, ущерб, упущенная выгода.

Property damage as a constructive sign of significant harm in official crimes

Khilyuta Vadim Vladimirovich

Doctor of Law, assistant professor
Grodno State University of Janka Kupala
Grodno, Republic of Belarus
e-mail: tajna@tut.by

Abstract

The article deals with issues of doctrinal and judicial interpretation of criminal consequences in the composition of official abuses. Law enforcement practices are analysed to recognize loss of profits as characteristic material damage. The author proves that loss of profits may not always be recognized as a form of property damage due to the fact that it is presumptive (probabilistic) in nature, may be formed with hypothetically possible use of other methods of conducting financial and economic activities by the economic entity. Compared with the material consequences caused in the form of real (direct) damage, loss of profit as an element of criminal consequences is not so socially dangerous, since the estate of the owner of the property is not directly reduced, but only an element of indirect influence on the potential volume of property of the business entity. It is suggested that the criminal consequences of misconduct be detailed and that the question of their unification be treated differently.

Key words: official crimes, abuse of authority, criminal consequences, damage, lost profits.

Как известно, российский законодатель не содержит такого признака преступных последствий, «как причинение ущерба», в составах должностных злоупотреблений (ст. 285, 286 Уголовного кодекса Российской Федерации). Однако в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» при определении того, какой вред является существенным, указывается, что к таковому следует относить и ситуации, связанные *с характером и размером понесенного организацией материального ущерба.* Вопрос здесь состоит не только в понимании формального критерия того, в каком стоимостном выражении вред будет подпадать под разряд существенного (именно как материальный вред), но также и заключается в характере причиненного материального вре-

да. Иначе говоря, необходимо понять, какие виды убытков (и только ли убытков) могут образовывать материальный ущерб.

В уголовно-правовой литературе общепризнанным является факт, что ущерб в преступлениях против интересов службы (против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления) подлежит суммарной денежной оценке независимо от того, причинен такой материальный ущерб организации (коллективному образованию) или гражданину. При этом речь должна идти о прямом (непосредственном) ущербе (вследствие определенных действий против интересов службы), причинение которого не обременено иными обстоятельствами и целями противоправного поведения должностного лица. Таким образом, важной составляющей для правоохранительных органов является установление характера и размера вреда, причиненного преступлением. Если такие последствия наступили, то считается, что преступное посягательство уже было совершено [1, с. 143–144]. Это свидетельствует о трансформации объекта уголовно-правовой охраны, определяет тип и размер будущего наказания.

Рассмотрим пример. Т. признан виновным в том, что, работая директором БУКДПП «В», вопреки интересам службы, из иной личной заинтересованности, явно выходя за пределы своих прав и полномочий, организовал самовольное занятие земельного участка и проведение на нем мелиоративных работ по строительству водоподводящего канала, а также возведению моста через него. В результате указанных действий предприятие было вынуждено уплатить земельный налог за самовольно занятый участок, используемый не по целевому назначению, в размере 173,8 тыс. рублей, а также возместить вред, причиненный окружающей среде умышленным уничтожением и повреждением плодородного слоя почвы и иных земель, на сумму 585,8 тыс. рублей. Незаконным строительством канала и моста предприятию также причинен ущерб на сумму

281,5 тыс. рублей [1].

Основная проблема при рассмотрении данного вопроса сводится именно к пониманию объема понятия ущерб (реальный ущерб, упущенная выгода) и смысла, вкладываемого в данное понятие. Здесь существует две принципиальные позиции.

Первая сводится к тому, что ущерб в преступлениях против интересов службы не может определяться сугубо на основании гражданско-правовой категории «убытки», а в его понятие должно вкладываться более широкое значение. Но здесь вопрос состоит в том, что будет включать тогда такое понятие и с какой отраслевой принадлежностью мы будем его увязывать. Если сугубо с уголовно-правовой, то тогда следует дать формализованное определение понятию ущерба и предложить механизм его формирования в самом уголовном законе или на уровне правоприменителя. Вторая же позиция указывает на то, что определение понятия «ущерб» в преступлениях против интересов службы должно формироваться исключительно в лоне гражданского права, и за основу здесь должны приниматься гражданско-правовые конструкции, характеризующие понятие «убытки». В принципе, последний подход является в сегодняшней практике превалирующим, однако сама практика уголовно-правовой оценки ущерба в должностных преступлениях отличается от гражданско-правовой как по содержанию, пониманию его сути, так и по своему функциональному предназначению.

В уголовно-правовых комментариях при характеристике ущерба в преступлениях против интересов службы нередко отмечается, что помимо прямого ущерба такой ущерб может включать в себя и упущенную выгоду, и перерасход материальных и финансовых средств, а равно понесенные потери лицом в связи с гражданско-правовой ответственностью за ненадлежащее исполнение обязательств перед кредиторами и т. д.

[1] В данной статье будут использоваться примеры из правоприменительной практики Республики Беларусь. Ввиду схожести уголовного законодательства России и Беларуси, а также обсуждаемых проблем квалификации должностных злоупотреблений полагаем, они будут интересны читателю в аспекте сравнения существующей практики и понимания граней преступных последствий при оценке характера должностных злоупотреблений.

Указанные виды имущественного ущерба, как отмечает В. М. Хомич, могут и должны быть положены в основу исчисления материального ущерба, определяющего пределы и основания преступного злоупотребления лицом своими полномочиями [2, с. 912–913][2] .

Безусловно, согласимся с тем, что причинный комплекс возникновения ущерба в реальном экономическом исчислении вследствие определенных деяний по службе весьма разнообразен как по форме, так и по механизму причинения ущерба. Однако любые ли виды убытков могут быть отнесены к причинению ущерба как разновидности преступных последствий в составах должностных злоупотреблений? Полагаем, что все-таки нет. Здесь важно найти и установить сам механизм определения ущерба по уголовным делам о преступлениях против интересов службы.

На наш взгляд, если мы говорим о преступных последствиях должностных преступлений, то реальный ущерб, причиненный действиями, связанными со злоупотреблением служебными полномочиями, должен отражать наступившие реальные преступные последствия с учетом рыночных цен на товарно-материальные ценности. В этой связи нередко реальный ущерб рассчитывается на основании сравнения показателей стоимости товара у разных поставщиков. И приобретение товара по завышенной стоимости рассматривается как должностное злоупотребление, а иногда и как хищение. Такой вывод правоохранительные органы делают, исходя из разницы между двумя ценами: существующей на данный момент на определенный товар и той, по которой товар был приобретен.

Рассмотрим еще один пример. Органом уголовного преследования Б. обвинялась в том, что, являясь директором и учредителем ЧТУП «Лаомедон», она оказала директору ОАО «Лента» П. пособничество

[2]Однако вызывает удивление то обстоятельство, что в свете высказанной позиции к квалификационному ущербу автор не относит случаи реализации должностным лицом залогового имущества как причинение ущерба банковскому учреждению, с которым был заключен кредитный договор. Возникает вопрос: к какому же тогда виду ущерба следует относить указанный случай? Ведь банк несет реальные убытки вследствие незаконной реализации залогового имущества. И если в интерпретации В. М. Хомича к ущербу следует относить любые виды убытков, то почему рассматриваемый случай таким не является?

в злоупотреблении служебными полномочиями, которое выразилось в приобретении по завышенной стоимости ОАО «Лента» ткани у ЧТУП «Лаомедон», которую данному предприятию поставляло ООО «Бириз Текстиль». Согласно обвинению, в период с ноября 2015 г. по апрель 2019 г. в результате действий Б. и П. ОАО «Лента» произвело закупки товарно-материальных ценностей у ЧТУП «Лаомедон» по завышенной стоимости товара на сумму 723 573,71 руб., отказавшись от возможности приобретения аналогичного товара в ООО «Бириз Текстиль» на сумму 463 517,28 руб. Разница в стоимости продукции ООО «Бириз Текстиль» и ОАО «Лента», по мнению стороны обвинения, являлась ущербом в особо крупном размере. Приговором суда в этой части Б. была оправдана за отсутствием в ее деянии состава преступления. Суд указал, что в обвинении Б. в качестве ущерба указана предполагаемая упущенная выгода ОАО «Лента», которая могла образоваться при гипотетически возможном использовании иных методов ведения обществом финансово-хозяйственной деятельности. Стороной обвинения не представлено доказательств, указывающих на то, что ОАО «Лента» было обязано производить закупку материала именно у ООО «Бириз Текстиль». Судом установлено, что ОАО «Лента» является коммерческой организацией, основная цель деятельности которой — получение прибыли. Общество не ограничено в праве свободы заключения договора и выборе поставщика. Согласно показаниям работника ОАО «Лента», он связывался с представителями ООО «Бириз Текстиль» по вопросам их участия в процедурах закупок, однако представители фирмы отказались сотрудничать. В судебном заседании установлено, что в 2018 г. в адрес ООО «Бириз Текстиль» рассылались приглашения для участия в процедурах закупок ОАО «Лента», однако общество конкурсное предложение не представило. Указанные обстоятельства свидетельствуют о нежелании ООО «Бириз Текстиль» сотрудничать с ОАО «Лента» и принимать участие в конкурсных процедурах закупок в инкриминируемый Б. период. Суд отметил, что доводы стороны обвинения о том, что ООО «Бириз Текстиль» и ОАО «Лента» фактически должны были сотрудничать в области поставок ткани,

противоречат принципу саморегулирования бизнеса и минимизации вмешательства государственных органов в предпринимательскую и иную экономическую деятельность. В ходе судебного разбирательства доказательств наличия негативных последствий от финансово-хозяйственной деятельности между ЧТУП «Лаомедон» и ОАО «Лента», ухудшения экономического положения последнего судом не установлено.

Таким образом, указанный пример свидетельствует о том, что не всякое приобретение имущества по завышенным ценам автоматически должно оцениваться как выход за пределы имеющейся компетенции и совершение деяния вопреки интересам службы по мотивам корыстной или иной личной заинтересованности.

Тем не менее, по свидетельству А. А. Бильдейко, в судебно-следственной практике размер ущерба определяется обычно, исходя из заключений судебных экономических экспертиз, как разница между закупленным товаром (работами, услугами) и их реальной стоимостью, определенной экспертом. Кроме этого, предлагается размер ущерба определять как разницу между указанными ценами и без проведения экспертиз при доказанности факта возможности приобретения товаров (работ, услуг), аналогичных закупленным, по завышенным ценам [3, с. 48]. Однако представляется, что такая позиция весьма сомнительна в плане установления размера ущерба по делам о преступлениях против интересов службы. Простое математическое действие не может являться доказательством того, был ли закуплен товар по завышенным или заниженным ценам. Учету должны подлежать разные обстоятельства в совокупности с хозяйственно-экономической деятельностью субъекта хозяйствования.

Это обстоятельство необходимо иметь ввиду в первую очередь, т. к. формирование ценового предложения может осуществляться, исходя из различных критериев и условий, которые также необходимо учитывать при определении извлекаемой юридическим лицом выгоды, понесенными затратами, получением прибыли и т. д. Все это следует учитывать при определении ущерба, как и иные показатели: непрерывность произ-

водственного процесса, избежание причинение вреда иным лицам, допущение делового (экономического) риска и т. д.

Тем не менее в прокурорско-следственной практике нет полного единства и понимания при решении вопроса об объеме понятия материального вреда и включении в него упущенной выгоды, неполучении (недополучении) должного, а равно других видов ущерба. Обычно имущественный ущерб в должностных преступлениях может выражаться как в уменьшении имеющегося (наличного) имущества, так и в неполучении должного (причитающегося), когда собственник или иной владелец теряет часть своего дохода в результате непередачи виновным причитающегося в силу закона или договора имущества (способами причинения такого вреда могут являться: неперечисление или неполное перечисление в бюджет обязательных платежей, денег за пользование имуществом; неполное выполнение субъектами работ или оказание услуг, когда оплата была обязательной; незаконное возмещение (в виде зачета) плательщику из бюджета сумм налогов или таможенных платежей; сокращение объема имущества в ходе его использования и др.) [4, с. 109–120].

Однако понимание того, что же можно относить именно к упущенной выгоде, в правоприменительной практике вызывает споры, поскольку критерии толкования в таком случае объема понятия «ущерб» весьма разнообразны.

Приведем еще один пример. Г. обвинялся в том, что, являясь генеральным директором ООО «СмолТра», в период с 1 мая 2013 г. по 14 июня 2016 г. завладел денежными средствами общества в сумме 974 456,84 российских руб. в виде необоснованно выплаченной ему заработной платы, а также посредством работников бухгалтерии общества необоснованно перечислил обязательные отчисления в Пенсионный фонд Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Фонд социального страхования от несчастных случаев, в счет уплаты налога на доходы физического лица на общую сумму 496 188,93 российских рубля, что повлекло причинение ООО «СмолТ-

ра» ущерба в крупном размере. Суд указал, что субъективная сторона злоупотребления властью или служебными полномочиями предполагает умышленную вину в отношении совершаемого должностным лицом деяния и наступивших последствий. Установлено, что Г., желая завладеть денежными средствами предприятия, давал устные указания о повышении ему оклада и начислении премий. Выплата необоснованно завышенной заработной платы и премий влекла за собой и уплату соответствующих налогов и отчислений с указанных сумм. Стороной обвинения доказательств, подтверждающих умысел Г. на наступление негативных последствий в виде необоснованного перечисления налогов, отчислений, не представлено. Указанные последствия явились результатом совершенного обвиняемым хищения и не требуют дополнительной квалификации за злоупотребление служебными полномочиями.

Таким образом, упущенная выгода заключается в неполучении лицом тех доходов, которые оно получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы обязательство не было нарушено. Тем не менее на практике определение размера причиненного ущерба в виде упущенной выгоды сопряжено с определенными трудностями доказывания именно предполагаемого неполучения доходов, т. е. тех доходов, которые лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, не будь его право нарушено. Как указывает М. А. Агафонова, использование в данном случае «условно-сослагательного наклонения при создании нормативного положения (употребление частицы “бы”) может означать, пусть и с большой долей вероятности, но все же предположительный размер упущенной выгоды» [5, с. 62].

Это обстоятельство заставило некоторых исследователей прийти к выводу о том, что упущенную выгоду нельзя учитывать в качестве последствий преступления в силу того, что ее размер очень трудно, а порой практически невозможно установить (виду абстрактности величин, предполагаемого факта пополнения имущественной сферы потерпевшего и т. п.) [6, с. 141; 7, с. 17]. Установление в подобных случаях причинной связи между деянием лица и возникшими последствиями в

виде упущенной выгоды очень трудно доказать и обосновать с позиции реальности получения возможных доходов. Пожалуй, лишь неполучение должного в узком смысле (неполученные суммы, которую лицо должно было получить в силу оснований, указанных в нормативных правовых актах либо договоре) может выступать в качестве преступного последствия по делам о преступлениях против интересов службы и составлять суть понятия «ущерб».

Распространенное в цивилистических исследованиях мнение о том, что упущенная выгода является будущими убытками, характеризующими деформацию имущественных интересов в будущем (в отличие от реального ущерба), весьма дискуссионно, поскольку упущенная выгода, как и реальный ущерб, возникает в результате нарушения договора вне зависимости от того, когда были понесены названные убытки [8, с. 25; 9, с. 17–18]. Упущенная выгода, в отличие от реального ущерба, всегда абстрактна, не имеет твердой стоимостной единицы, ее доказывание весьма специфично, и поэтому в уголовном деле она не может быть применима.

Кроме этого, по сравнению с причиненными материальными последствиями в виде реального (прямого) ущерба упущенная выгода как элемент преступного последствия не столь общественно опасна, поскольку имущественная масса владельца имущества прямым образом не уменьшается, а имеет место лишь элемент косвенного влияния на потенциальный объем имущества субъекта хозяйствования.

Рассмотрим пример. Б. обвинялся в том, что, работая в должности заместителя директора по торговле, сбыту и снабжению ОАО «Могилевский мясокомбинат», достоверно зная о том, что закупка товаров (работ, услуг) за счет собственных средств осуществляется путем проведения конкурентных процедур, при этом закупки за счет собственных средств на сумму свыше 1 000 базовых величин согласовываются с вышестоящей организацией МГО «Мясомолпром», а также о том, что по результатам открытого конкурса принято решение о проведении закупки из одного источника у ООО «Юформ», с которым у ОАО «Могилевский мясокомбинат» заключен договор поставки, вопреки интересам службы в на-

рушение установленных процедур заключил договоры поставки с ООО «ЭльДива» и ЧП «Стронгснаб». Б. прекратил осуществление поставок средств индивидуальной защиты от ООО «Юформ», а также, достоверно зная о наличии на белорусском рынке иных потенциальных поставщиков аналогичных товаров по количественно-качественным характеристикам, имея возможность выбора поставщика с наилучшими ценовыми предложениями, отказался от такого выбора в пользу ЧП «Стронгснаб» и ООО «ЭльДива». Согласно обвинению, в результате его действий ОАО «Могилевский мясокомбинат» приобрело в ООО «ЭльДива» и ЧП «Стронгснаб» товар на общую сумму 62 041,2 руб., отказавшись от закупки аналогичных товаров в ООО «Юформ», ООО «МедХимРесурс», ОАО «Смартон», ООО «Праймис Трейд», ООО «МЕГАспец» на общую сумму 37 250,16 руб., что привело к завышению стоимости закупки на 24 791,04 руб. и является ущербом в особо крупном размере. Оправдывая Б., суд указал, что условия поставки (отсрочка платежа либо предоплата, самовывоз или доставка за счет поставщика, объем товара, наличие товара и его качество), а также временной период, платежеспособность покупателя влияли на формирование цены приобретаемого товара. С достоверностью установить, по какой цене ОАО «Могилевский мясокомбинат» могло приобрести товар у того или иного поставщика в определенное время, не представляется возможным, поскольку цена формируется индивидуально в зависимости от поставщика и его условий, а также от временных рамок. Вмененный Б. особо крупный размер ущерба носит предположительный характер ввиду отсутствия достоверных сведений о том, что ОАО «Могилевский мясокомбинат» могло приобрести у иных поставщиков спецодежду по той же цене, что приобрело у ООО «Эльдива», ЧТУП «Стронгснаб». Поскольку стоимость средств защиты с учетом существенных условий поставки (оплаты с отсрочкой платежа, самовывоза, объема, качества в определенное время), по которым ОАО «Могилевский мясокомбинат» могло приобрести их у ООО «Медхимресурс», ОАО «Смартон», ООО «Праймистрейд», ООО «Мегаспец», не была установлена в судебном заседании, суд пришел к выводу о недо-

казанности причинения ОАО «Могилевский мясокомбинат» действиями Б. ущерба в особо крупном размере и отсутствии в связи с этим в его деянии состава преступления.

Таким образом, констатируя наличие признаков упущенной выгоды и соотнося данное понятие с причиненным ущербом, правоохранительные органы указывают, что упущенная выгода носит вероятностный характер и в большинстве случаев не может входить в понятие «ущерб». Размер убытков организации зависит от предполагаемого размера ее доходов, что носит относительный характер. Виной субъекта этот вид вреда, как правило, не охватывается, и точно установить, доказать, что «неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота», составили материальный ущерб, практически невозможно.

Приведем пример. Органом уголовного преследования Я. обвинялся в том, что, минуя процедуру оформления конкурентного листа, при наличии в хозяйстве двух погрузчиков заключил на заведомо экономически невыгодных условиях два договора подряда на выполнение работ погрузчиком, на основании которых Б. произвел сельскохозяйственные работы на молочно-товарных фермах хозяйства, за что получил оплату в суммах 34 790,34 руб. и 20 222,4 руб., а также без разработанных линейных норм расхода топлива предоставил Б. горюче-смазочные материалы стоимостью 9 335,19 руб. и 8 258,21 руб. При этом если бы хозяйство выполняло эту же работу собственными силами, затраты в виде заработной платы составили бы 3 101,85 руб. и 2 438,2 руб., а стоимость израсходованного топлива — 5 134,35 руб. и 4 542,01 руб. Оправдывая Я., суд указал, что стороной обвинения не опровергнуты его доводы о невозможности определить объем и стоимость работ при заключении договоров подряда. Нарушение процедуры закупок не может быть расценено как совершенное умышленно, вопреки интересам службы, поскольку, привлекая Б. к выполнению работ, Я. стремился предотвратить больший вред, который был бы неизбежен. Работа погрузчика необходима в хозяйстве для обеспечения непрерывности процесса, а из пока-

заний свидетелей следует, что техника СПК «Василевичи» находилась в плохом состоянии, часто ломалась, расчетные счета хозяйства арестованы. В связи с этим суд сделал вывод о том, что привлечение к работе дополнительной техники при недостаточной укомплектованности хозяйства ею не является деянием, совершенным вопреки интересам службы, поскольку невыполнение отдельных видов работ повлекло бы для хозяйства гораздо большие потери. Кроме того, не установлено, причинен ли действительный ущерб хозяйству. Расчет реальных затрат кооператива на выполнение аналогичного вида и объема работ (с учетом не только заработной платы, но и амортизации транспорта, расхода топлива и т. п.) на предварительном следствии не производился. Не был проверен и расход топлива погрузчика Б. при наличии такой возможности. Сравнительный анализ затрат хозяйства на привлечение Б. к выполнению работ и привлечение другой сторонней техники не делался.

Правоприменительная практика также выявила еще одну проблему применительно к установлению признаков ущерба в должностных злоупотреблениях. Речь, в частности, идет о делах, связанных с нарушением установленного порядка приобретения товаров, работ и услуг с применением конкурентной процедуры закупки. Так, зачастую обусловленные служебным положением полномочия должностных лиц, ответственных за организацию и проведение конкурентной процедуры либо иным образом вовлеченных в закупочный процесс (председатель, члены конкурсной комиссии и др.), разнообразны, а порой настолько неконкретны и «размыты», что установить лицо, виновное за допущенное нарушение в данной сфере, не представляется возможным. Принятие решения о выборе поставщика (продавца) коллегиальной структурой (конкурсной комиссией) становится порой причиной коллективной безответственности и прикрытием коррупционных злоупотреблений отдельных должностных лиц.

Сложность в этой связи вызывает и установление ущерба, наступившего от несоблюдения требований конкурентной процедуры закупок. Органы предварительного следствия испытывают определенные трудно-

сти в получении неоспоримых доказательств, свидетельствующих о завышенной стоимости приобретенных товаров (услуг) вследствие непроведения конкурентной процедуры закупок либо проведения ее с нарушением установленных требований. В целях установления наличия имущественного вреда и его размера следователями по уголовным делам, как правило, назначаются финансово-экономические экспертизы.

Необходимость назначения экспертиз обусловливается тем, что вывод органов дознания по результатам проверок о том, что в случае проведения в установленном порядке конкурентной процедуры можно было бы заключить договор с другим поставщиком на более выгодных условиях и по меньшей стоимости, носит, как правило, *вероятностный характер*, и в ходе предварительного следствия зачастую не находит своего бесспорного подтверждения, поскольку факт участия в конкурентной процедуре других поставщиков является допустимым, а не обязательным. Кроме этого, рассчитанный ревизором или самим органом дознания размер ущерба как разница между стоимостью, по которой товар был приобретен, и стоимостью, по которой он мог бы быть приобретен, является, как выясняется в ходе следствия, лишь предполагаемой экономией, которой не представилось возможным достичь в силу того, что при выборе поставщика (продавца) во внимание принимались, помимо стоимости, и другие критерии оценки: условия оплаты и расчета, условия поставки, постоянное наличие определенных моделей продукции в необходимом количестве и т. д. По вышеуказанным причинам, как показывает анализ практики, предварительное расследование по многим уголовным делам по фактам превышения служебных полномочий (или злоупотребления ими) должностными лицами при приобретении товаров, работ и услуг с применением конкурентной процедуры оканчивается прекращением за отсутствием состава преступления. Однако бывают и обратные ситуации, когда ущерб связывается с дискредитацией и подрывом репутации органов государственной власти, престижа государственного служащего. Но в подобных случаях речь уже идет не о причинении материального ущерба, а о наличии иных признаков существенного вреда.

Итак, признание в качестве ущерба в составах должностных злоупотреблений прямых материальных убытков не вызывает сомнений. Однако упущенная выгода не всегда может признаваться разновидностью причиненного ущерба ввиду того, что во многих случаях она носит предположительный (вероятностный) характер, может образовываться при гипотетически возможном использовании иных методов ведения финансово-хозяйственной деятельности субъектом хозяйствования. В этой ситуации разница в стоимости закупаемого товара не должна априори свидетельствовать о причинении ущерба организации, т. к. учету должны подлежать порядок формирования цен, условий поставщика по доставке, отгрузке товара, его сроков, получении прибыли, наличие определенного ассортимента товара и т. д. Все эти обстоятельства подлежат непосредственному анализу в совокупности, и вывод о причинении ущерба не может носить вероятностный характер.

Список литературы:

1. Хилюта В. В. Ущерб в преступлениях против интересов службы: проблемы определения и установления // Право.by. 2016. № 3. С. 142-147.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь: научно-практический комментарий / Под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. Минск, 2019. 1000 с.

3. Бильдейко А. А. Разграничение административных правонарушений и злоупотреблений служебными полномочиями в сфере закупок товаров (работ, услуг) // Юстиция Беларуси. 2021. № 1(226). С. 43–48.

4. Хилюта В. В. Должностные злоупотребления: вопросы правовой оценки и квалификации. Beau Bassin, 2019.

5. Агафонова М. А. Упущенная выгода при незаконном предпринимательстве // Вестник МГУ. Серия 11: Право. 2014. № 6. С. 60-66.

6. Ботвин И. В. Общественно опасные последствия как структурный элемент состава причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 382. С. 140-143.

7. Логинова Н. Г. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2007. 23 р.

8. Амиянц К. А. Последствия преступлений в сфере экономики: уголовно-правовой аспект: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008.

9. Черных Е. Е. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием: вопросы применения и совершенствования законодательства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2009.

References:

1. Khilyuta V. V. Damage in crimes against the interests of the service: problems of definition and establishment // Pravo.by. 2016. No. 3. Pp. 142-147.

2. The Criminal Code of the Republic of Belarus: scientific and practical commentary / Ed. V. M. Khomich, A. V. Barkova, V. V. Marchuk. Minsk, 2019. 1000 p.

3. Bildeiko A. A. Differentiation of administrative offenses and abuse of power in the procurement of goods (works, services) // Justice of Belarus. 2021. No. 1 (226). Pp. 43–48.

4. Khilyuta V. V. Official abuse: issues of legal assessment and qualifications. Beau Bassin, 2019.

5. Agafonova M. A. Lost profits in illegal entrepreneurship // Bulletin of Moscow State University. Series 11: Right. 2014. No. 6. Pp. 60–66.

6. Botvin I. V. Socially dangerous consequences as a structural element of the composition of causing property damage by deception or abuse of trust // Bulletin of the Tomsk State University. 2014. No. 382. Pp. 140-143.

7. Loginova N. G. Criminal liability for causing property damage by deception or abuse of trust in the absence of signs of theft: author. diss. ... Cand. legal sciences. Krasnoyarsk, 2007. 23 p.

8. Amiyants K. A. Consequences of crimes in the economic sphere: criminal law aspect: author. diss. ... Cand. legal sciences. Krasnodar, 2008.

9. Chernykh E. E. Causing property damage by deception or abuse of trust: issues of application and improvement of legislation: author. diss. ... Cand. legal sciences. Nizhny Novgorod, 2009.

УДК/UDC 347

Некоторые аспекты определения доли в праве общей собственности на жилое помещение

Череватая Александра Владиславовна
студентка юридического факультета
Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина
г. Краснодар, Россия

Аннотация

В статье анализируется специфика доли в праве общей собственности на жилое помещение. В теории и практике вопрос правильного определения доли является одним из дискуссионных. Это обуславливается и тем, что на законодательном уровне отсутствует ограничение размера доли жилого помещения. В науке гражданского права высказываются различные, а порой и противоречивые позиции касательно определения сущности доли в праве. По мнению автора, долю в праве собственности на жилое помещение необходимо рассматривать в качестве самостоятельного объекта частноправового отношения в тех случаях, когда данную долю невозможно использовать по назначению. В случае возникновения спорного правоотношения и передачи дела на рассмотрение в суд при определении размера доли суду необходимо исходить из определенных обстоятельств дела, а также учитывать характер взаимоотношений между собственниками недвижимого имущества, наличие изолированности, площадь жилого помещения.

Ключевые слова: доля, долевая собственность, жилое помещение, правомочие, владение, пользование, распоряжение.

Some aspects of determining the share in the common ownership of a dwelling

Cherevataya Aleksandra Vladislavovna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia

Abstract

The article analyzes the specifics of the share in the common property right to a dwelling. In theory and practice, the question of the correct determination of the share is one of the debatable ones. This is also due to the fact that at the legislative level there is no restriction on the size of the share of residential premises. In the science of civil law, various and sometimes contradictory positions are expressed regarding the definition of the essence of a share in law. According to the author, a share in the ownership of a dwelling should be considered as an independent object of a private law relationship in cases where this share cannot be used for its intended purpose. In the event of a disputed legal relationship and the transfer of the case to the court, when determining the size of the share, the court must proceed from certain circumstances of the case, and also take into account the nature of the relationship between the owners of real estate, the presence of isolation, as well as the area of the living quarters.

Key words: share, shared ownership, residential premises, eligibility, ownership, use, disposal

В соответствии с. п. 1 ст. 244 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ) под общей собственностью понимается имущество, находящееся в собственности двух или нескольких лиц [1]. Согласно п. 3 ст. 244 ГК РФ общая собственность является долевой, за исключением установленных законом случаев (имущество крестьянского (фермерского) хозяйства, а также режим совместной собственности супругов). Таким образом, действующее гражданское законодательство регламентирует две разновидности общей собственности: с определением и без определения доли.

В рамках данного исследования нами будет проанализирована специфика реализации права общей собственности на жилое помещение. Как отмечает Б. М. Гонгало, владение и пользование жилым помещением, находящимся в общей долевой собственности, осуществляется по соглашению всех собственников. При этом в соглашении допустимо предусмотреть возможность раздельного пользования жилым помещением вне зависимости от размера доли каждого собственника в общедолевой соб-

ственности. В случае отсутствия между собственниками подобного соглашения – устанавливается судом [2].

Отметим, что реформирование гражданского законодательства, а также наблюдаемая динамика развития строительного сектора экономики и возведения новых объектов недвижимого имущества порождает большое количество правоотношений между собственниками многоквартирного дома, а также гражданско-правовых споров, возникающих как между собственниками недвижимого имущества (например, при дроблении права собственности на жилое помещение в порядке наследования, определении порядка пользования части жилого помещения и пр.), так и органом государственной власти и местного самоуправления и подчеркивает необходимость исследования данной тематики [3; 4].

В соответствии с п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» при рассмотрении споров, возникающих в связи с реализацией собственником права собственности на жилое помещение, судам следует учитывать, что законом установлены пределы осуществления данного права, которые заключаются в том, что собственник обязан:

1) использовать жилое помещение по назначению, т. е. для проживания граждан;
2) поддерживать жилое помещение в надлежащем состоянии, не допуская бесхозяйственного обращения с ним;
3) соблюдать права и законные интересы соседей, правила пользования жилыми помещениями, а также правила содержания общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме (ч. 4 ст. 30 Жилищного кодекса Российской Федерации) [5].

В то же время практика рассмотрения и вынесения судами постановлений по делам, связанным с реализацией права собственности на жилое помещение, носит разноплановый характер, что указывает на

отсутствие единого законодательного и теоретического доктринального подхода.

Отметим, что одним из спорных вопросов является правильное определение размера доли. В т. ч. это обуславливается и тем, что на законодательном уровне отсутствует ограничение размера доли жилого помещения. В науке гражданского права высказываются различные, а порой и противоречивые позиции касательно определения сущности доли в праве.

Так, А. Ф. Фоков отмечает, что доля в праве общей собственности не означает деление самих правомочий или их перераспределение между собственниками, на доли поделено право, в том числе в процессе его осуществления [6].

В. Ф. Маслов считает, что собственник наделен не долей в праве собственности (частью вещи в физическом смысле), а долей в стоимостном выражении общего имущества [7]. Кроме того, рассмотрение доли в качестве стоимостной, экономической категории нашло свое отражение в трудах Г. Ф. Шершеневича, А. А. Ерошенко и др. исследователей.

Отметим, что противником данного подхода выступал О. С. Иоффе, считающий недопустимым сведение сущности доли к меновой стоимости ввиду безотносительности доли к реальным потребностям, удовлетворяющим данную вещь [8].

На наш взгляд, долю в праве собственности на жилое помещение необходимо рассматривать в качестве самостоятельного объекта частноправового отношения в тех случаях, когда данную долю невозможно использовать по назначению. В случае возникновения спорного правоотношения и передачи дела на рассмотрение в суд при определении размера доли суду необходимо исходить из определенных обстоятельств дела, а также учитывать характер взаимоотношений между собственниками недвижимого имущества, наличие изолированности, площадь жилого помещения.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Гонгало Б. М., Крашенинников П. В. Право собственности на жилые помещения. Договор найма жилого помещения: Постатейный комментарий глав 18 и 35 Гражданского кодекса Российской Федерации / Под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2009. 189 с.

3. Антонян А. А., Попова Л. И. Эскроу-счет в системе приобретения жилья в договоре участия в долевом строительстве // Modern Science. 2021. № 6-1. С. 202–206.

4. Масленникова Л. В., Усенко А. С. Порядок предоставления жилья для беженцев и вынужденных переселенцев // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 118. С. 397–411.

5. О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. Сентябрь. 2009. № 9.

6. Фоков А. П. Проблемы права общей собственности: теоретические и практические аспекты: дисс. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2003. 336 с.

7. Маслов В. Ф. Вопросы общей собственности в судебной практике: монография. М.: Госюриздат, 1963. 148 с.

8. Иоффе О. С. Советское гражданское право. М.: Юридическая литература, 1967. 494 с.

References:

1. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 30.11.1994 No. 51-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.

2. Gongalo B. M., Krasheninnikov P. V. Ownership of residential premises. Residential lease agreement: Clause-by-clause commentary on chapters 18 and 35 of the Civil Code of the Russian Federation / Ed. P. V. Krasheninnikov. M .: Statut, 2009.189 p.

3. Antonyan A. A., Popova L. I. Escrow account in the system of acquiring housing in an agreement for participation in shared construction // Modern Science. 2021. No. 6-1. Pp. 202–206.

4. Maslennikova L. V., Usenko A. S. The procedure for providing housing for refugees and forced migrants // Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. 2016. No. 118. Pp. 397–411.

5. On some issues that have arisen in judicial practice when applying the Housing Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02.07.2009 No. 14 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. September. 2009. No. 9.

6. Fokov A. P. Problems of common property law: theoretical and practical aspects: diss. ... Dr. legal sciences. Ryazan, 2003. 336 p.

7. Maslov V. F. Questions of common property in judicial practice: monograph. Moscow: Gosyurizdat, 1963. 148 p.

8. Ioffe O. S. Soviet civil law. Moscow: Legal Literature, 1967. 494 p.